

Барнаул

3-4'2010

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВЕННОЙ АЛТАЙСКОЙ
КРАЕВОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Фонд Творческих Инициатив

ДИРЕКТОР

В. А. Кулешов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Е. Тихонов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Боженко,

А. В. Власов,

Н. Т. Герцен,

А. В. Зуев,

В. Л. Казаков,

А. А. Карпов – художественный редактор,

С. Е. Ключников – редактор отдела прозы,

Г. Д. Колесникова,

В. М. Коржов,

И. П. Кудинов,

И. Ф. Мордовин – редактор отдела поэзии,

А. Пак,

Е. В. Скрипин,

М. И. Юдалевич

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС – **73617**

ИЗДАЁТСЯ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО
С АВГУСТА 1993 ГОДА

e-mail: barnaul1993@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ

Вячеслав МОРОЗОВ. Последний Лель. К 120-летию С. А. Клычкова	73
Галина УЛЬЯНОВА. Шукшинские Сростки	96
Евгений ПЛАТУНОВ. Подвиг земляка	111
Тамара ЕЛИЗАРЬЕВА. Великий счёт. К всероссийской переписи населения	122

БАРНАУЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Татьяна ПОПАДЫЧ. «Литературный перекрёсток»	3
Елена СОТНИКОВА. «Нам бы про душу не забыть...»	7
Андрей СМИРНОВ. Успешное многолетие традиций «Мария-Ра»	116

ПОЭЗИЯ

ОТБРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ. Из антологии «Обратный отсчёт»	13
Сергей КЛЮШНИКОВ. Неудержимы дни	40
Виктор КОВРИЖНЫХ. Дыхание природы	53
Ирина СЛИВЦОВА. Аплодисменты зимы	69
Александр РАЕВСКИЙ. Начертанья судьбы	92
«АЛЫЕ ПАРУСА» – студия школы с. Паново Ребрихинского района	108

ПРОЗА

Анатолий БАЙБОРОДИН. Купель	20
Иван БУЛАХ. Горох об стенку	44
Владимир КОРЖОВ. На берегах реки	58

ВЫСТАВОЧНЫЕ ЗАЛЫ

Александр ФЕДОТОВ. Художники – городу	131
Лариса ЛЕОНОВА. Художники Алтая. Вехи истории	132
Анатолий КАЗАКОВЦЕВ. «Яблоко греха» от Александра Пака	139

КНИЖНЫЙ ФАРВАТЕР

В. ЯРАНЦЕВ, А. СМИРНОВ, С. НОВИЧЕНКО, М. ШУЛЕПОВА, В. ВЛАДИМИРОВ, Н. НАГАЕВА, А. ЛУШНИКОВ, В. ТИХОНОВ	142
--	-----

На 1 стр. обложки фото Анатолия Казаковцева,
на 2-4 стр. обложки фото Евгения Налимова.

Набор – С. В. Самошкина,
вёрстка – С. А. Дорогин,
корректурa – О. В. Тихонова.

Сдано в набор 04.08.2010 г.
Подписано к печати 07.10.2010 г.
Формат 70 x 108^{1/16}. Бумага офсетная.
Обложка «лён». Усл. п. л. 14,3.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4924.

Отпечатано в ОАО «Алтайский Дом печати»:
656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28.

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул,
ул. Анатолия, 102, Дом писателя.
Телефоны: 63-29-74, 63-27-90.

К рассмотрению принимаются только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала (проза и публицистика с правыми и левыми полями по 2 см) или выполненные на компьютере с предоставленным набором текста в формате doc («Word»).

Просим авторов сообщать редакции свои данные: имя, отчество, фамилию, полную дату рождения, адрес прописки, полные реквизиты паспорта, номера ИНН и пенсионного страхового свидетельства (это, согласно требованию налоговых служб, необходимо для начисления гонорара).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 12-0555 от 12.10.2005 г., выданное Управлением федеральной службы по Сибирскому федеральному округу.

БАРНАУЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Памяти Шукшина

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЁСТОК: ШУКШИН И ВСЯ РОССИЯ»

«... в каждом из нас – в поэтах и прозаиках –
есть какое-то шукшинское чувство,
кусочек шукшинского мировоззрения.
Может быть, мы сами этого не осознаем,
но поскольку мы все люди земли,
люди реальной истории и русского простонародья,
то само собой нас к Шукшину придвинуло.
Это только надо осмыслить».

Станислав КУНЯЕВ

АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. В.Я. ШИШКОВА

24 июля
14 часов

*Шукшинские
дни на Алтае*

“Шукшин и вся Россия”
Литературный перекресток

Творческая встреча с
писателями – участниками
Шукшинских дней на Алтае:

- Станислав Куняев –
гл. редактор журнала “Наш современник”,
публицист, поэт, прозаик (г. Москва)
- Юрий Поляков –
гл. редактор “Литературной газеты”, прозаик (г. Москва)
- Николай Дорошенко –
секретарь правления Союза писателей России,
прозаик (г. Москва)
- Александр Кердан –
председатель Ассоциации писателей Урала и Сибири, поэт,
прозаик (г. Екатеринбург)
- Владимир Берязев –
гл. редактор журнала “Обзорские опусы”, поэт (г. Новосибирск)
- Анатолий Соколов –
поэт (г. Новосибирск)
- Юрий Перминов –
поэт (г. Омск)
- Борис Бурмистров –
поэт (г. Кемерово)

В этом году четвёртый раз Алтайская краевая универсальная научная библиотека (АКУНБ) имени В. Я. Шишкова провела творческую встречу «Литературный перекрёсток: Шукшин и вся Россия», открывающую традиционные Всероссийские Шукшинские дни в Алтайском крае.

«Литературный перекрёсток: Шукшин и вся Россия» – это непосредственное, живое общение писателей и читателей, которым дороги шукшинские темы – нравственность, добро, человечность. Что волнует современных писателей? Как они находят дорогу к своему читателю?.. Эти и другие вопросы стали традиционными для каждой встречи в главной библиотеке Алтайского края.

Впервые «Литературный перекрёсток» прошёл в 2007 году. Благодаря разносторонней поддержке администрации Алтайского края он был включён в программу Всероссийских Шукшинских дней в Алтайском крае и с тех пор не просто открывает праздник, но и является одним из его важнейших событий. Да, Шукшин был талантливым режиссёром, сценаристом и актёром, но при этом сам он (по мнению участника «Литературного перекрёстка-2009» замечательного писателя Виктора Лихоносова, знавшего Василия Макаровича лично) считал себя прежде всего писателем.

Поэты и прозаики, приезжающие на родину В. М. Шукшина, не всегда известны широкому кругу читателей. Их книги не часто можно найти в книжных магазинах, их лица не мелькают на телеэкранах, но их творчество созвучно традициям русской литературы и интересно современным читателям. Возможность диалога с писателями привлекает многих. Со временем сложилась заинтересованная аудитория, большую часть которой составляет творческая элита Барнаула и Алтайского края.

Писатель Иван Евсеенко (Воронеж), лауреат премии имени В. М. Шукшина 2007 года, сказал: «Побывать на родине Шукшина любому русскому человеку – великое счастье, а вот получить литературную премию имени Шукшина – это особая честь и особая ответственность».

Активное участие во встречах принимают известные в Алтайском крае поэты и прозаики – представители Алтайской краевой организации Союза писателей России – Валерий Тихонов, Иван Мордовин, Владимир Коржов, Сергей Ключников, Александр Родионов, Анатолий Кирилин и другие. Запомнились участникам встреч гости «Литературного перекрёстка»: поэты Владимир Берязев (Новосибирск) – главный редактор журнала «Сибирские огни», Александр Кердан (Екатеринбург) – сопред-

Участники «Литературного перекрёстка»-2008 (слева направо): Валерий Казаков, Николай Дорошенко, Александр Кердан, Владимир Берязев, Юрий Перминов.

Автограф от профессора Владимира Смирнова.

седатель Правления Союза писателей России и координатор Ассоциации писателей Урала, Борис Бурмистров (Кемерово) и другие.

Большой интерес аудитории вызвали встречи, на которых выступали российские литераторы: Владимир Смирнов (Москва) – профессор Литературного института имени А. М. Горького, автор и ведущий многочисленных передач о русских писателях XIX–XX веков на всероссийском телевидении и радио; Юрий Поляков (Москва) – сопредседатель Международного литературного фонда, главный редактор «Литературной газеты»; Геннадий Попов (Орёл) – член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии, сопредседатель Правления Союза писателей России и другие.

Ожидаемым для многих стал «Литературный перекрёсток» в юбилейный Год Шукшина. Среди гостей был ближайший друг Шукшина – оператор многих его фильмов и автор фотоальбомной книги воспоминаний о нём «Шукшин в кадре и за кадром» Анатолий Заболоцкий. Тогда же в гостях у читателей побывали главные редакторы известных литературно-художественных журналов: Станислав Куняев – «Наш современник»; Владимир Крупин – «Благодатный огонь»; Валерий Ганичев – «Роман-журнал. XXI век» и другие. Эти издания публикуют писателей из «Великой Русской Провинции» – так называл регионы России Станислав Куняев.

Много слов на юбилейной встрече было сказано о судьбе России, о единении писателей и о том, что значит быть по-настоящему русским народным писателем. Как отметил Виктор Лихоносков, «... мало быть рождённым русским, надо быть со-кровенным для родной земли человеком, надо быть тысячелетним. Заблудившийся писатель, так и не дошедший до своих корней, – писатель не счастливый, не раскрывшийся». По мнению поэта Бориса Бурмистрова, «именно на таких гигантах,

Участники «Литературного перекрёстка»-2010 (слева направо):
Владимир Костин и Анатолий Байборodin.

как Шукшин, и стоит наша вера в то, что Русь будет жить. Каждый год, приезжая сюда, я не знаю почему, но здесь, особенно в Сростках, ощущаю себя больше русским человеком».

Поэты говорили о нашем земляке и стихами. Марина Безденежных (Омск), отмечая искренность творчества Шукшина, посвятила ему такое четверостишие:

А кто-то снова – душу на засовы.

Ну как его, больного, спасти?

Какое счастье – искреннее слово

Уметь услышать и произнести.

На «Литературном перекрёстке-2010» читатели с удовольствием общались с уже знакомыми им по встречам на Шукшинских чтениях Владимиром Берязевым (Новосибирск) и Анатолием Байбородиним (Иркутск), а также с Владимиром Костиным (Томск), который приехал в Алтайский край впервые. Им было задано много вопросов: как живётся современному писателю? может ли литературное творчество быть профессией и приносить доход? как происходит контакт с читателем?.. Писателям Алтайского края было важно услышать от коллег по цеху о литературной жизни Томска, Новосибирска, Иркутска – о чтениях и конкурсах, о фестивалях и другой деятельности писательских организаций Сибири.

На «Литературном перекрёстке» этого года по традиции была поднята тема об отношении писателей к Шукшину и о беспокойстве Василия Макаровича за будущее русской деревни. Владимир Берязев отметил, что «русская деревня возродится благодаря новому поколению, которое вернётся в деревню, но уже во всеоружии

знания, силы, образования и благополучия». Анатолий Байборodin, следуя старинной традиции русских литературных чтений, прочёл вслух эссе о современной литературе, посвятив его памяти Шукшина.

Аудитория проявила интерес к творчеству Владимира Костина, имя которого ещё мало знакомо нашим читателям. Из зала прозвучала реплика одной из читательниц, успевшей познакомиться с его новой книгой: «Проблемы, которые вы поднимаете, наверное, можно вложить в тот самый вопрос, который задавал себе и своим современникам Шукшин: что с нами происходит?» Владимир Костин ответил так: «...По целому ряду качеств я считаю Шукшина уникальным художником, достойным преклонения и вечной жизни в русской литературе. У него невероятная интенсивность творческой жизни, потому что он человек, который прожил сорок семь лет и не потратил ни секунды зря: когда надо – писал, когда надо – актёрствовал, когда надо – режиссировал... Это уникальный пример того, каким должен быть творческий человек...»

За четыре года «Литературный перекрёсток «Шукшин и вся Россия» стал местом откровенного и заинтересованного разговора о том, чем дорог Шукшин для читающей и мыслящей России; как мы, современные читатели и писатели, относимся к творчеству Шукшина; волнуют ли нас сегодня «честные вопросы» Шукшина о правде, о совести, о душе? И, конечно, «Литературный перекрёсток» даёт возможность по-новому взглянуть на творчество талантливых писателей, книги которых хочется читать и перечитывать.

*Татьяна ПОПАДЫЧ,
руководитель Центра чтения «Мир книги»
АКУНБ имени В. Я. Шишкова.*

«НАМ БЫ ПРО ДУШУ НЕ ЗАБЫТЬ...»

Алтайский краевой театр драмы имени Василия Макаровича Шукшина – старейший театр Алтайского края – был организован в 1921 году на основе слияния лучших профессиональных сил театрального искусства в труппу Первого Государственного театра на Алтае. Свою деятельность он начал на сцене Народного дома, где 27 ноября 1921 года драмой «Трильби» Григорий Геткеры открыл свой первый театральный сезон.

Долгое время в театре не было постоянной актёрской труппы – каждый год вновь назначенный управляющий набирал новый актёрский состав, который разъезжался к концу сезона. В 1936 году с приходом нового художественного руководителя, актёра и режиссёра Василия Васильевича Познанского Государственный драматический театр в Барнауле становится стационарным. С образованием Алтайского края в 1937 году театру был присвоен статус Алтайского краевого драматического театра.

До декабря 1972 года театр драмы располагался в здании бывшего Народного дома (сегодня там находится Государственная филармония Алтайского края), пока не переехал в новое театральное здание. Расположенное в центре города, украшенное мозаикой и скульптурной композицией величественное здание театра стало настоящей достопримечательностью Барнаула. За долгие годы существования в театре поставлено большое количество спектаклей по лучшим образцам русской и зарубежной классики, популярным произведениям современной драматургии.

Алтайский краевой театр драмы имени В. М. Шукшина.

Важнейшим событием в истории театра стала первая постановка спектакля по произведению В. М. Шукшина. Молодой режиссёр, выпускник ГИТИСа, Владимир Марин в 1975 году одним из первых в России поставил на сцене краевого театра драмы сатирическую повесть Шукшина «Энергичные люди». В этом спектакле играли хорошо знакомые и любимые зрителями актёры, корифеи нашего театра – Дементий Паротиков, Алексей Самохвалов и другие. После постановки «Энергичных людей» Алтайский краевой театр драмы (далее – АКТД. – Ред.) вновь и вновь обращается к творчеству Василия Макаровича Шукшина. В репертуаре театра появились новые спектакли – «Здравствуйте, люди!» (1979 г.) и вторая сценическая версия «Энергичных людей» (1983 г.). Эти спектакли поставил художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Львович Чертков.

Любимые актёрами и пользовавшиеся большим успехом у публики спектакли по произведениям В. М. Шукшина заняли прочное место в репертуаре АКТД. В сезоне 1988/89 режиссёр Александр Кузин выпустил «сказку для взрослых» «До третьих петухов». В этом спектакле были заняты молодые артисты театра – известные публике актёры Виталий Махов, Николай Мирошниченко, Валерий Зеньков, Сергей Зубчук, Анатолий Кирков, актрисы Галина Зорина, Ирина Дьяконова, Наталья Сыскова и другие.

Своеобразным итогом шукшинских постановок на сцене АКТД стал спектакль «Верую», который в 1990 году поставил Владимир Павлович Марин.

21 ноября 1991 года постановлением администрации Алтайского края «за большие заслуги в художественно-сценическом воплощении литературного наследия В. М. Шукшина и в связи с 70-летием театра» АКТД было присвоено имя выдающегося писателя, кинорежиссёра и актёра Василия Макаровича Шукшина.

К глубокому сожалению, после присвоения АКТД имени В. М. Шукшина, несмотря на неоднократные попытки осуществления новых постановок, спектакли по его произведениям почти на десятилетие уходят со сцены. Одним из неосуществлённых до сегодняшнего дня проектов является постановка спектакля по знаменитому роману В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю». В 1992 году АКТД планировал

поставить спектакль о легендарном атамане Стеньке Разине, в котором отразилась бы вся сила и трагедия русского народа. Специально для этой постановки театральный художник Борис Мефодьевич Астахов создал эскизы сценографии. Но в трудное для России и непростое для театра время спектакль так и не был поставлен.

Вторая попытка постановки романа «Я пришёл дать вам волю» была предпринята театром в 2001 году в рамках творческого проекта «Василий Шукшин: XXI век». Были проведены переговоры с московским режиссёром Вячеславом Спесивцевым, автором инсценировки романа и его первым постановщиком. Но и этот проект не был осуществлён из-за недостатка финансирования.

Попытки вернуть спектакли по произведениям В. М. Шукшина на театральные подмостки предпринимались не раз. Так в 1997 году театром был разработан федеральный проект Всероссийского театрального фестиваля «Калина красная», посвящённый 70-летию В. М. Шукшина. Но из-за недостатка финансирования этот проект также не был осуществлён.

В 2000 году силами молодых актёров, участников творческой лаборатории, был подготовлен спектакль «Сураз» по рассказу В. М. Шукшина. Над этой постановкой работал приглашённый из Новосибирска режиссёр и театральный педагог Станислав Горбушин. Решением художественного Совета АКТД спектакль был признан художественно несостоятельным и не был представлен зрителям.

В марте 2001 года к юбилейному вечеру заслуженного артиста России Алексея Николаевича Самохвалова группой актёров театра был подготовлен благотворительный спектакль «Энергичные люди».

Музыкально-драматическая программа Великорусского оркестра «Сибирь» «Беседы при ясной луне» с участием народного артиста России Георгия Обухова и заслуженной артистки России Ольги Кириченко пользуется популярностью у зрителей и в 2008 году отметила 10-летний сценический юбилей.

Многие актёры обращаются к творчеству В. М. Шукшина в своих самостоятель-

Сцена из спектакля «Верую!».

Сцена из спектакля «Сила сердечная, боль заповедная...».

ных работах. Среди них Михаил Переверзев, Любовь Сорокина, Вадим Сеницын, заслуженный артист России и Бурятии Николай Мирошниченко, народный артист России Дементий Паротиков и другие актёры.

Губернатор Алтайского края Александр Карлин объявил 2009 год в Алтайском крае Годом Василия Макаровича Шукшина. АКТД принял активное участие в мероприятиях, посвящённых этому празднованию. 23 января 2009 года на сцене АКТД состоялось торжественное открытие Года В. М. Шукшина, на которое приехали народные артисты России Лидия Федосеева-Шукшина и Валерий Золотухин.

В честь двух знаменательных дат – 80-летия со дня рождения Василия Макаровича и 35-летия театра Шукшина на российской сцене – на сайте театра altdrama.ru при поддержке Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая был осуществлён интерактивный проект «Россия и театр Шукшина». На сайте театра были опубликованы краткие сведения о театральных постановках по произведениям В. М. Шукшина в России и за рубежом. Автором и составителем «Хронографа» выступила заведующая литературно-драматургической частью театра Ирина Свободная. В рамках проекта были собраны и задокументированы сведения о более чем 150 спектаклях, поставленных в театрах страны с 1973 года. Известно, что тема «Шукшин и театр» удостоивалась неизмеримо меньшего внимания, нежели другие шукшинские темы, связанные с его биографией, литературным творчеством, режиссёрскими и актёрскими работами в кино. Проект «Россия и театр Шукшина», призванный обобщить театральное наследие нашего земляка, возымел широкий резонанс среди поклонников творчества В. М. Шукшина. В АКТД присылали письма, программки, воспоминания и другие свидетельства воплощения произведений В. М. Шукшина на театральной сцене.

Значимым событием для АКТД и поклонников творчества В. М. Шукшина стало долгожданное возвращение в репертуар спектакля по его произведениям. Траги-

*Статья «Почему душа болит?» – доброжелательный отклик на этот спектакль – опубликована в № 4 журнала «Барнаул» за 2009 год. Автор – Владислав Комяков.

комедия «Сила сердечная, боль заповедная...»* была поставлена режиссёром из Санкт-Петербурга Денисом Шibaевым. Основу спектакля составили семь рассказов Василия Макаровича: «Крепкий мужик», «Три грации», «Крыша над головой», «Верую!», «Беседы при ясной луне», «Письмо» и «Постскриптум». Главная сюжетная линия взята из невесёлого рассказа «Крепкий мужик». В спектакле была занята почти вся труппа, главную роль Николая Шурыгина исполнил актёр Александр Хряков. Премьера спектакля состоялась 8 апреля 2009 года.

Находившийся в это время в Алтайском крае министр культуры России Александр Алексеевич Авдеев побывал на премьере спектакля «Сила сердечная, боль заповедная...». Решение поставить спектакль по произведениям Шукшина министр культуры назвал «серьёзным поступком, требующим особо ответственного отношения к делу».

Одним из проектов, реализованных в театре по случаю проведения Года В. М. Шукшина в Алтайском крае, стал публицистический спектакль-урок «Слово о Шукшине», предназначенный для школьной и студенческой аудитории. В его основу легла образовательная беседа о жизни и творчестве писателя. В рамках спектакля-урока учащиеся смогли познакомиться с малоизвестными материалами о детстве и отрочестве Василия Шукшина, связанными с селом Сростки, его автобиографическими произведениями и публицистикой, сквозь которые лейтмотивом проходит образ Родины как главной жизненной опоры человека. Актёры театра – народный артист России Дементий Паротиков и заслуженный артист России и Бурятии Николай Мирошниченко – показали зрителям сценическую новеллу «Хозяин бани и огорода».

АКТД внёс свою лепту в осуществление постановки Государственного Театра наций «Рассказы Шукшина». В августе 2008 года творческая группа спектакля (в составе которой были народный артист России и художественный руководитель Театра наций Евгений Миронов, заслуженная артистка России Чулпан Хаматова, режиссёр-постановщик Алвис Херманис, театральные критик Роман Должанский и другие актёры) посетила АКТД. Затем они провели несколько дней на Родине

Народная артистка России
Л. Н. Федосеева-Шукшина
и губернатор Алтайского края А. Б. Карлин
в фойе АКТД на церемонии открытия
Года В. М. Шукшина.

В. М. Шукшина – в селе Сростки, где познакомились с земляками Василия Макаровича, прониклись духом его произведений, приобщились к алтайской природе. Спустя полтора года спектаклем «Рассказы Шукшина», показанным на сцене АКТД, торжественно был закрыт Год В. М. Шукшина в Алтайском крае.

«Рассказы Шукшина» барнаульские зрители встретили с восторгом и благодарностью – столичные актёры отнеслись к произведениям Василия Макаровича бережно и с душой, постарались сохранить глубину и наивность шукшинских героев, передать зрителям чистоту и силу людей и природы, увиденной в Сростах. Этот спектакль посмотрели и жители села, с которыми ранее общались актёры и чьи фотографии использованы в оформлении декораций к спектаклю.

16 апреля 2010 года стало известно, что спектакль Театра наций «Рассказы Шукшина» стал трижды лауреатом Национальной театральной премии «Золотая маска», в том числе и как лучший драматический спектакль большой формы. В номинации «Лучшая мужская роль в драме» лауреатом «Золотой маски» стал народный артист России Евгений Миронов, исполнитель нескольких центральных ролей в этом спектакле. Также премию «Золотая маска» получила художник по костюмам спектакля «Рассказы Шукшина» Виктория Севрюкова.

Несмотря на то, что основные мероприятия Года В. М. Шукшина уже завершились, театр вновь и вновь обращается к произведениям великого земляка, чьё имя он носит. В ближайших творческих планах театра два премьерных спектакля – «Крепкий мужик» по рассказам В. М. Шукшина (премьера 19 октября с. г.) и сказка «До третьих петухов» (премьера 19 ноября с. г.).

В юбилейный – 90-й – театральный сезон 2010/2011 АКТД планирует осуществить постановку мюзикла «Калина красная» по одноименной киноповести В. М. Шукшина. Композитор Марк Самойлов и автор либретто Вячеслав Вербин работают над уникальным проектом, предназначенным исключительно для нашего театра. Режиссёром-постановщиком мюзикла «Калина красная» выступит заслуженный деятель искусств России Владимир Подгородинский.

В сентябре 2010 года авторы мюзикла приехали в Барнаул, чтобы познакомиться с труппой и посетить родину Шукшина – село Сростки и, возможно, побывать в бийской колонии для малолетних преступников, после выступления в которой у Шукшина родился замысел знаменитой киноповести. Мюзиклом «Калина красная» мы планируем открыть 90-й сезон – эта постановка станет достойным подарком зрителям к юбилею АКТД имени Василия Макаровича Шукшина.

*Елена СОТНИКОВА,
специалист по связям с общественностью
Алтайского краевого театра драмы
имени В. М. Шукшина.*

ПОЭЗИЯ

К 65-летию Великой Победы

Завершаем публикацию произведений из поэтической антологии «Обратный отсчёт» (Барнаул, литературный фонд «Август», 2010 г., 248 стр., 500 экз.), изданной по решению Совета Алтайской краевой организации Союза писателей России и при поддержке администрации Алтайского края.

Взять её напроцёт можно в библиотеках или у ныне здравствующих авторов, а можно прочитать-скачать на сайтах «Писатели Алтая» и газеты «Алтайская правда»*.

В мае этого года презентации данного тома состоялись в Барнауле – в выставочном зале Алтайской краевой организации Союза художников России, на открытии которой выступил губернатор Алтайского края Александр Богданович Карлин; в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова, в Барнаульском строительном колледже и в Бийске – в Центральной городской библиотеке имени В. М. Шукшина.

ОТОБРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ

Леонид ЕРШОВ

* * *

Победа!
Бравурные марши
На всё село,
Поля, окрестный лес...
Домой с войны
Не возвратился старший,
А брат другой
Привёз с собой протез.
Блестящие ремни
На нём скрипели,
Сверкала неестественно
Рука...

А мы впервые
Досыта поели –
Был вкусным хлеб
Военного пайка.

Геннадий ЖИРОВ

* * *

Мне дни войны запомнились немножко:
Как маму в шутку звали Комполка;
Ещё запомнил, что у нас картошка
Рождалась в три мужицких кулака.
Лишь много позже, вспоминая с лаской,
Как та картошка на плите пеклась,
Я сделал вывод: наша «красноглазка»,
Выходит, тоже с Гитлером дралась.

*В предыдущем номере «Барнаула» (в рубрике «Книжный фарватер») опубликован отклик Вячеслава Морозова на книгу Анатолия Муравлёва «Неизвестный Алтай. Лихолетье войны» и на поэтическую антологию «Обратный отсчёт».

Александр ЗУЕВ

ЧИТАЯ ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

1

Людей, которых нет, ушедшие следы...
 До ниточки, до зёрнышка златого
 Уйдёт в напев таинственное слово –
 Вновь оживут отцветшие сады...
 И слово их – со мной –
 Вновь оживёт в ночи:
 Невзгоды их, и жалобы, и стоны,
 И сны лихих годин,
 Последний вздох на взлёте...
 «Ах, дети, мои дети, Господи!...»
 Последнего письма
 Прощальный вздох – живым...

2

Я письма прочитал фронтовиков,
 Иные пробежал глазами,
 Другие я в тетрадь переписал,
 Чтоб слово в слово,
 Как свечей дыханье,
 Слова, что к нам,
 От сердца к сердцу шли.
 Они теперь – история в конвертах...
 Бумага сохранила... Время, время!..
 Не остановишь времени течение.
 ...Неумолимо время! Сколько слёз
 Пролили вдовы, вечность поджидая,
 Но так и не дождались вас с войны!

3

Уйдут поколения,
 И многие вещи станут непонятны.
 И вот эти безмолвные свидетели –
 Письма с фронта –
 Разъясняют нам многое,
 Окунают нас в то грозное время...

Как трудно вернуться оттуда –
 Из писем военной поры –
 На грешную землю
 Столетия другого,
 Как будто с планеты другой,
 Где горе и радость
 Почти нераздельны
 И вплавлены в явь.
 И год 41-й, и год 45-й –
 В победных боях...

Владимир КАЗАКОВ

САНОЧКИ-САЛАЗОЧКИ

Диптих

1

Саночки-салазочки,
 ноги калачом.
 Не глаза – буравочки,
 вьюга нипочём!
 Крест-накрест лямки,
 в руках «пистолет».
 – Берегись!.. Я – мамкин!
 Папки – нет!
 Ждать его напрасно –
 сражён в боях за Буг!..
 ...По самые прясла
 деревня в снегу.
 Не рвёт, не мечет –
 убитым счёт ведёт...
 ...Далеко-далече
 война идёт.
 С дочкою соседа
 по снегу бегу...
 За отцом следом
 падаю в Буг...

2

В доме грузном
 голо, пусто.
 Пахнет грустно
 мёрзлой капустой.
 В праздник престольный –
 вода на стол...
 ...Пал Севастополь!
 Горит Ростов!..
 «Живём – не тужим, –
 шутит сосед. –
 Трава на ужин
 и на обед.
 Была бы только
 лебеда,
 и душу Богу я
 не отдам...»
 Его не стало
 тихой весной.
 Видно, устал он
 шутить со мной.

Но в День Победы
в тесном кругу
слова соседа
мне душу жгут.
И вижу снова я:
комья стучат
в гробы сосновые
без кумача.
Кресты и плечи,
лики святых,
цветы и свечи
и вновь кресты...
Куда мне деться
от тех могил!
В них я полдетства
похоронил...

Борис КАУРОВ

СНЫ

На солдатских путях заграничных,
в блиндажах и окопах не раз
снился мне – неизменно, привычно –
дедом срубленный черепичный
дом, в котором живу сейчас.

Засыпая под жёсткой шинелью,
видел рощи, поля и луга –
всё, что в кровь я впитал с колыбели,
всё, где годы прошли – не недели,
всё, чем Родина мне дорога.

И, как прежде, сейчас вереницей
сны приходят ко мне иногда.
Но одно мне совсем не снится –
надоевшая граница,
чужеземные города.

1946 г.

Евгений КАШИРСКИЙ

ТАК БУДЕТ

Придёт пора, ты станешь дедом
И в звёздный вечер в тишине
Любимцу – внуку-непоседе –
Расскажешь правду о войне.

Листая в памяти, как в книге,
Страницы жизни фронтовой,
Припомнишь дым кварталов Риги,
Ноябрь железный под Москвой.
Когда в кровать внучонок ляжет
И в комнате потушат свет,
Он, засыпая, нежно скажет:
– Как много сказок знает дед...

Леонид МЕРЗЛИКИН

ЛЮБА ЖУРАВЛЁВА

В буреломной чаще
Травами увитый
Люди отыскали
Наш «КВ» разбитый.

В землю запахался
Он катками всеми,
К рычагам склонился
Воин в пыльном шлеме.

А в кармане слева
Маленькое фото:
Люба Журавлёва
Загрустила что-то.

«Не грусти, родная,
Я к тебе приеду,
Только помоги мне
Одержат победу.

Только помоги мне
Двинуть рычагами,
Развернуться танком
В этой чёрной яме,

Да вздохнуть бы грудью,
Да открыть бы веки...
Только не увижу
Я тебя вовеки.

Только не услышу
Твоего я слова,
Люба моя Люба,
Люба Журавлёва...»

Пырхали синицы,
Хлюпало болото.
Люба Журавлёва,
Маленькое фото.

Маленькое фото,
Грустное такое.
И такое небо –
Светлое, большое!..

Валентина НОВИЧИХИНА

Триптих

1. РИСУНОК МАЛЫША

Малыш взял мел и на полу
Громадный танк нарисовал.
А к грозному его стволу
Воздушный шарик привязал.
А возле танка командир
Фуражкой ловит стрекозу.
Большими буквами внизу
Два слова:
ЭТО МИР!

2. ДЕТСКАЯ ПРОСЬБА

Люди взрослые, не пушки
Выпускайте, а игрушки!
Вместо ядерных ракет
Больше делайте конфет
И всем детям подарите.
А войну вы отмените!

3. ПЕСЕНКА-СЧИТАЛКА

Ветер, ветер многокрылый,
Тучи солнышко закрыли!
Ветер быстрый и могучий,
Разгони скорее тучи!
Чтобы небо стало чистым,
Солнце – ясным и лучистым!
Чтобы всюду на планете
Солнцу радовались дети!

Михаил ПРОКОПЧУК

ЛЕДЯНКА

Отрывок из поэмы

Берёз-подростков береста
кой-где белеет – неспроста:
лесоповал был здесь и там,
и счёта не было хлыстам.

Война играла роль свою,
и лес и люди с ног валились;
солдаты падали в бою,
берёзы падали в Сибири...

...Отборный лес, как по реке,
шёл по закованной ледянке –
то шли от фронта вдалеке
берёз ружейные болванки...

Людмила КОЗЛОВА

СТРАНИЦА ВОЙНЫ

*Памяти моей тёти
Зубец Тамары Александровны,
сержанта войск связи,
радистки 1941-1945 годов*

Прицеп в бронированной стали
Плюёт огнём свистящим влёт.
Сто тысяч пуль меня достали,
Сто тысяч ищут свой черёд.

Иду на вы! Моя защита –
Разбитый тополь за спиной.
Шинель, где памятка зашита,
Да мать, да Родина со мной.

Иду на вы – простое слово!
И встанет роща – за меня!
И сбережёт в году свинцовом
От пуль, забвенья и огня.

Я в жизнь уйду из ада смерти
Победой – Женщиной Весны.
И вы – из будущего – верьте
Радистке, странице войны!

Александра САДЫКОВА

ДВА ПЛАЧА

1

Без плоти, без стали, я вся – из огня.
 Я – пуля. А вы узнаете меня?
 Я – пуля. Я тихий покинула дом,
 Дорогу себе пробиваю с трудом.
 Пускай позади остаются года...
 Быстрее! Успею? Успеть! А куда?
 Ещё не усвоен вчерашний урок,
 Но каждое утро на взводе курок.
 Я чувствую: где-то отлита броня,
 Что ждёт не дожждётся
 расплющить меня.

2

У меня нет сына.
 Я не родила Родине солдата,
 Но каждая мысль о войне
 холодит мою душу,
 Болью сжимается моё сердце...
 Когда я отдыхаю в мягком кресле,
 Не мой сын
 лежит в холодном грязном окопе.
 Когда я пью чай
 в своей уютной нарядной кухне,
 Не мой мальчик поднимается в атаку.
 Когда я сплю в тёплой постели,
 Не мой сын
 стонет и бредит
 в предсмертных муках.

...У меня нет сына, но я плачу.

Валерий СЛОБОДЧИКОВ

ОТЕЦ, МЫ СРАВНЯЛИСЬ ГОДАМИ

Стопка с водкой.
 Сверху хлеб, посоленный круто.
 На пунцовой парче награды:
 два ордена Красной Звезды
 (с уголков откололась эмаль),
 счёт медалям открывает
 «За боевые заслуги»...

– Здравствуй, батя.
 Сегодня – 9 мая.
 Стол накрыт.
 За тобой, как и прежде, первое слово...
 Вот только дожждёмся
 к застолью внука...
 Три красных гвоздики к портрету.
 Рука молодая пробежалась
 по выцветшим
 лентам колодок медалей...

– Сын, что так пристально
 смотришь на деда?

– Слышишь, батя,
 вы с дедом сравнялись годами...

Выпита стопка.
 Затянулась минута молчания.
 Память горько-солёной слезой
 просочилась сквозь годы...

– Что нам скажешь, отец?

– Спасибо за память.
 Идите на площадь,
 там люди, там всегда молодая Победа.

Владимир СОКОЛОВ

ОКНА

Фронтвики с Победой возвращались.
 Счастливым светом окна освещались.
 И золотые тропки по реке
 бежали

и терялись вдалеке.

И, задыхаясь,
 плакала гармошка,
 и балалайка
 тренькала взхлёб,

и долго в ночь тарачилось окошко,
 выплёскивая радости потоп...
 Но сколько тёмных окон оставалось,
 Победа им лихой ценой досталась...

Как вспомню наше

тёмное окно,

так снова у меня в глазах темно...

Алексей СОТНИКОВ

К ПОРТРЕТУ С ФРОНТА

Хотя на карточке военной
И весел я, и брав на вид,
А мать родная непременно
Её слезами окропит.

Отец открыто не заплачет,
Но этот снимок в свой черёд
Не раз, не два к глазам незрячим
Рукой дрожащей поднесёт.

Им будет нелегко заметить
Со стариковской слепотой,
Что у солдата на портрете
Уже Карпаты за спиной.

А мне в тот полдень или вечер
Уж мерить прусские края,
Мечтать упрямее о встрече,
Твердить, надежды не тая:

– Пусть до Алтая путь огромен,
А впереди сражений дым,
Я скоро буду в отчем доме
Не на портрете, а живым.

Валерий ТИХОНОВ

ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

Туман у речного вокзала
захапал тот берег и мост.
Заря ещё не показалась,
лишь окунем сплавила хвост.

Попутчики спорят о дачах,
о ягодах и о грибах,
о том, что сентябрь только начат,
а клёв уже напрочь зачах...

Но этих ничуть не печалит,
что в рейс теплоходу нельзя –
деды повстречались случайно.
А в юности были друзья...

Их эта задержка связала.
Их память ведёт во весь рост!..
Туман у речного вокзала
захапал тот берег и мост...

Григорий ЧАРИКОВ

ЖИВАЯ ВОДА

Мы держали оборону.
И, как самый молодой,
Каждый раз спускался к Дону
Я ночами за водой...
Автомат мне давит шею,
Котелки ладони жгут.
Я ползком спешу в траншею,
Где меня солдаты ждут.

Пьют бойцы, не брякнув крышкой,
Шутят ласково со мной:
«А нельзя ль достать, братишка,
Нам ещё воды живой?»
Вспомнил я родник пригорный,
Скрытый порослью берёз.
И однажды ночью чёрной
Я воды живой принёс.

А к рассвету бой случился –
В каждом дух победы жил, –
Кто-то выжил, отличился,
Кто-то голову сложил...
С высоты восьмидесятых
Многим это не понять –
В сердце старого солдата
Боль утраты не унять.

Даже дня не проходило,
Чтоб не вспомнилось на миг –
Фронтовых друзей могилы
Да с живой водой родник.

Евгений ФИЛОНЕНКО

ДОРОГА ЗА ОКОЛИЦУ

Туда, где каждый день садится солнце,
Неровной стёжкой по сердцу легла,
У рощи, мимо старого колодца,
Дорога за околицу села.

Дороги этой нитка-паутинка
Давно уже годам забыла счёт.
И не дорога, в общем-то, – тропинка,
Да только вот быльём не зарастёт.

...Когда войны развернулась пучина,
А войн на всех у нас хватало тут,
Дорогой этой шли на фронт мужчины...
Они до сей поры по ней идут.

Идут незримо!.. Даже малой птице
Кричать над ними, право, невдомёк,
Когда воды колодезной напиться
Присядут мужики – на посошок.

Неслышно отлетает лист с берёзы.
Синеет поднебесья бирюза.
Колодец тот прозвали Вдовьи слёзы.
Пригорок рядом – Мамины глаза.

Глядят они задумчиво и строго.
Грустит на склоне древняя ветла...
Не зарастает старая дорога –
Дорога за околицу села.

Станислав ЯНЕНКО

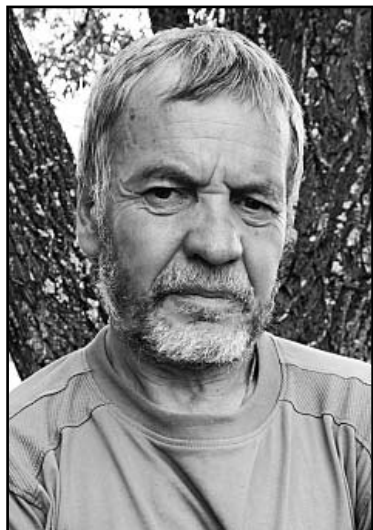
ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нынче Девятое мая –
мирные времена.
Только зачем это мама
грустно глядит на меня?
Мама, сегодня не надо.
Слышишь, салюты гремят?
Видишь красивых и ладных
послевоенных ребят?
Видишь, тебе замаячили
флаги со всех этажей?
Послевоенные мальчики
нынче – мужчины уже.
Значит, судьба нам – не мачеха,
небо над нами – синей.
Послевоенные мальчики
сами растят сыновей.
Значит, дороги немалые
нам на веку суждены.
Всё будет здорово, мама,
если не будет войны.

ПРОЗА

Анатолий БАЙБОРОДИН

Анатолий Григорьевич БАЙБОРОДИН родился в 1950 году в с. Сосново-Озёрск (Бурятия). Окончил факультет журналистики Иркутского госуниверситета. Работал в районных и областных газетах Восточной Сибири. С начала 90-х до начала нынешнего века – преподаватель Иркутского госуниверситета (факультет филологии и журналистики). Его романы, повести, рассказы, очерки публикуются в региональной и центральной периодике, в коллективных сборниках России, Чехословакии, Германии. Он автор десяти книг, изданных в Москве и Иркутске. Лауреат всероссийских премий «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), имени В. М. Шукшина (1999), губернатора Иркутской области (2002) и др. В нынешнем году участвовал в Шукшинских днях в Алтайском крае. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

КУПЕЛЬ

Владимиру Личутину

...На сто третьем году жизни Ждан Хапов (дед Хап, по-заимски) тайком от своих домочадцев наладился удить рыбу. Дивья было полны коробья...

Лета два, про рыбалку не загадывая, полёживал он тихонько на печи, грел настывшие за долгий рыбацкий век отсыревшие кости, молился до вечерошной звезды Спасу и Николе, рыбацему заступнику, а тут как приспичило, будто святой угодник поманил, – отвёслился подальше на долблёном кедровом батике и против заимки опустил бархак ...

А накануне, ещё с вечера, пожилой рыбак, внук деда Хапа Спиридон, завёл мотоцикл с люлькой и махнул в притрактовое село Сосново-Озёрск, откуда привёз богомольную старуху Шлычиху, которая доводилась родней и была, как и дед Хап, из древлеотеческих единоверцев, кои чтили и старую двуперстную веру, и патриаршью трёхперстную: де, обе благодатны.

Похожая на счерневшую, иссохшую иконную доску суровая старуха выпихнула из избы всех домочадцев – охальников, табашников окаянных, обрызгала углы припасённой загодя святой водицей, обдымила тлеющей богородичной травой, потом неистово и долго, стоя вместе с дедом на коленях, перебирая чётки – старообрядческие лестовки, молилась на образа в красном углу, пригасшие от древности, но изливающие потаённое, тихое, скорбное сияние. В морщинистых лицах старика и старухи, сурово побледневших, но и восково отмягших, будто иконных, посвечивала уже нездешняя, неземная жизнь, и взмётывались, всплывали над обмершими глазами суровые знаменья.

Потом дед Хап покоился на лежанке и, держа за руку старую Шлычиху, о чём-то сквозь слёзы шептал ей, и та вздыхала, кивала головой, повязанной чёрным платом, крестила деда, заставляла целовать литой медный крест со Страстями Господними, а после сишлым, плачущим голосом то ли пела, то ли причитала над стариком, укрывшим истомлённые очи тонкими, в синих прожилках, почти прозрачными веками.

Утром, когда запели божьи птахи и поголубел узенький край неба, старик со старухой встали на поклон и опять долго молились, после чего обнялись, поцеловались троекратно и вроде заручились встретиться – но уже не здесь...

Почаевав, Спиридон завёл свой мотоцикл «Ирбит», уместил старуху в люльку и неторопко, чтоб довести живой, не растрясти ветхие кости, потортал её обратно в Сосново-Озёрск. В эту пору старик и улизнул на рыбалку.

Утихомирив батик в ему лишь ведомом улове, достал берёзовые мотыльки, выласканные ладонями до тёмно-бурого свечения, похожие на сами задервеневшие стариковы руки, будто их продолжение, распустил жилку, ссученную из сивого конского волоса, наживил червей, закрепших и покрасневших в сыром мху, и стал поджидать клёва. Забывшись, начал припевать в реденькую, изжелтевшую бороду, тянуть старину, – порой и без слов, одним протяжным, жалобно дребезжащим ноем.

Стоит гора, как снег бела...

А на той на горе стоит церква...

А во той во церкви стоит престол...

Над престолом стоит сам Иисус Христос...

За Христом стоит Божия Матерь...

Пришли жиды Пилатовы...

Повели Христа на распятие...

Иисус кричит Своей Матери:

«Уж Ты Мать, Моя Мать, помолись Богу,

Чтоб избавил Меня Бог страсти ужаса...»

А Мать пла-а-ачет – слёзы катятся,

А навзрыд её как волна льются...

Правнук Никола – чернобровый, рано заматеревший парень, лет с четырнадцати промышлявший на зимней неводной рыбалке, – хлётко проплывая мимо стариковского батика, мельком вслушался в заунывно подрагивающий мык, на малое время отмахнул вёсла над озером, точно крылья, с которых журча осыпалась вода, и чудилось, будто острогрудая лодка летит над самой озёрной гладью. Ничего не разобрал в стариковом пении, усмешливо покачал кудреватой головой и погрёбся ещё шибче, далеко в нос откидываясь голой, дочерна просмолённой на солнце кряжистой спиной. Не до старика было парню, коль в корме посиживала, игриво ёжась в пиджаке, заманчиво посвечивая васильковыми глазами, белокурая залёта, и правили молодые под самый Черемошник – дальний берег, непроглядно буряющий кустами черёмухи, боярки, талины. Нетерпеливо и азартно косясь на мягкие, оплывшие колени своей зазнобы, Никола тут же и забыл про старика. И остался дед Хап один посреди осеннего озера.

***

На диво глубокое, с меркнувшими в печальной октябрьской сини плоскими берегами, озеро Большая Еравна лениво дышало нагулянной за лето сытой плотью; и это зримо ощущалось, когда в чистых прогалах среди листовой травы играла сорожка, когда она плавилась поверху серебристыми табунами, пучила воду, когда в охоте за ней били хвостами, взбурунивали сонную озёрную гладь яркие окуни и свирепые шуки-гравянки.

В те пятидесятые годы озеро ещё хоронилось от мнолюдья, пряталось в Божьей пазухе – в Беловодье, где вольно и обнажённо плескалось, вымётывая на песчаные, каменистые и зыбистые берега подводные травы-шелковники, будто зеленватые, сыро светящиеся, долгие космы водяных дев. С тёплого бока загорживало озё-

рище от старомосковского забайкальского тракта соседнее озеро, поменьше и помельче, – там, как на перегноистой земле, быстро и буйно взошло гомонливое притрактовое село Сосново-Озёрск, в народе прозванное Сосновка-воровка; с двух других боков неохотно подпускали рыбаков к озеру приболоченные низины, зыбуны, а уж с холодного края огрузло и сумрачно приступал к самой воде таёжный хребет с каменистыми отрогами и снежными гольцами, во пору тумана-ползуна словно висящими в небесной синеве.

У самой подошвы хребта и жалась к тёмной урманной тайге едва приметная с озера, в дюжину дворов, старая рыбацкая заимка, утаённая и притенённая рослым березняком и дремучими, в два обхвата, лиственницами, разложившими по замшелым крышам свои мягкие лапы. Могучие, перевитые узлами жил, вышарканные и выбеленные полыми водами корни лиственниц вспучились над землёй, скрепили её натруженными руками, и казалось, что избы не рублены мужиками, Богу ведомо когда и подвернувшими с Руси на это озёрище, а выросли прямо из лиственничных корней, словно древесные наросты-капы. До гуда закаменев янтарной смолой, войдя в полную силушку, избы потом весь свой век сурово и покорно тратили её на здешних рыбаков, на их домочадцев, обороняя от града и ливня, от одичалых северных ветров-хиузов, во пору осеннего непогожья мокрых, остудных, пробирающих до костей, от свирепых морозов, от зимних буранов, гуляющих по неоглядному озеру, сшибающих с ног. Всё терпели избы, грея в своей тёплой утробе народишко, но с летами потихоньку-полегоньку стали томиться, темнеть венцами, морщиться, потом взялись зеленоватым мхом, врасая в землю, устланную толстым рядом буро-жёлтой топкой хвои. Уже без прежней важности, мутненько и слезливо, в полной и отрешённой задумчивости всматривались избы свои™ми мелкими окошками в ту незримую межу, где озеро сливалось с верхним и вечным морем.

Вместе со старой заимкой Тулдун – значит тропа через горный кряж – доживал свой век и дед Хап, вздумавший порыбачить в ту октябрьскую пору, когда не то что на удочку, а и в сети-то отродясь ничего не ловили – вода холоднела, и рыба, лишь тихими тёплыми вечерами играя у берегов, днями пряталась в неведомых пучинных ямах.

Накануне томило и маяло заимку долгое непогожье; ветер-листодёр рвал с берёз и осин остатние жухлые листья и сыпал их на избы или нёс прямо в бурлящее и бесновато ревущее озеро; ветер-верховик с гулом и свистом закручивался среди отмашистых лиственничных крыльев, и дерева скорбно гудели в ночи, раскачиваясь вершинами в самом поднебесье, взбалтывая и роняя наземь дрожащие звёзды, точно тронутые морозом ягоды рябины. Озноб пробегал по сердцевинам листвяков, отдаваясь в натруженных корнях, которые, чудилось, всякий раз после порыва ветра подёргивались, тужились и утробно хрипели в земле. Вместе с листвяками, взрослые на их корнях, постанывали в лад осадистые избы, покачивались, плыли в темени, словно рыбацьи лодьи на морских волнах.

Но, ушомкавшись за день на зимней неводной рыбалке, спали беспробудно мужики; шепотливо молились в теми старухи, испрашивая у Спаса и Царицы Небесной, у святого Николы милости и прощения за свои пригрешения и грехи домочадцев, и чтоб унялся ветер-ветрище; закатывались в сиящем кашле протабаченные и почти всегда остуженные пожилые рыбаки, при этом кряхтели и морщились от ломотья и нытья в костях; просыпались от свиста и воя над крышами малые ребячёшки, испуганно и затяжно обмирали, скрадывая скрипы и стоны изб, воображая лукавых оборотней, просящихся в избяное тепло, но, объятые печным жаром, особенно желанным и ласковым в такую ветрину и стужу, слыша рядом посапывание и по-

храпывание старших, опять засыпали, и даже сквозь мокрую мглу, сквозь одичалый ветер спускались к ним с неба цветастые, солноликие, по-озёрному сизоватые летние видения.

В это непогожье заимские мужики и бабы решили, что дед Хап не переживёт осень, он и сам про то говорил с виноватой улыбкой; но в середине октября вдруг потеплело, тихо и невинно заголубели озёрные дали, проветренные за ночь, и дед, уже почти лежавший под образами, неожиданно одыбал, встал на ноги и даже выгребся на рыбалку, хотя сроду никто о такую пору не удил.

***

Его бы, ясно море, не отпустили, тем более одного, но все домашние, кроме семнадцатилетнего правнука Николы, оставленного доглядывать за стариком, ушли докапывать картошку на дальнее поле, а Николе – тому хоть трава не расти.

Вначале дед Хап выполз на берег и, сидя на перевёрнутой полусгнившей лодке, долго смотрел на озеро, пустое, сероватое, будто засыпающее. Смотрел, как его внука Матрёна – уже давно баба в добрых летах, живущая своим домом, – полоскала бельё с широких дощатых мостков и поругивалась со своим бесштаным парнишонкой, кышкая его от воды, куда малый настырно лез.

– Тебе отец чо говорил: ежли утонешь, то лучше домой не приходи!..

Малый, подставляя голую заднюшку нежаркому солнцу, сопя и кряхтя, подбирал у самой воды отпахнутые, набитые песком и зеленоватой тиной скользкие ракушки и, хитровато косясь на мать, поджидал, когда та перестанет за ним приглядывать, чтобы тут же искупаться.

Видел старик, как забредали в озеро парень с девкой, до того неприметно сидевшие, а может, лежавшие на сухой траве в затишке под глинистым яром. Приставив ладонь к козырьку сплюсненной блином линиялой фураги, вглядевшись, признал в парне своего правнука Николу, рыбака из тутошней неводной бригады; его этим воскресным днём и высвободили от картошки, чтобы приглядывал за домом и стариком, но тот давно уж забыл отцовы наказания, потому что забредала с ним в воду ухажёрка Тоська, дочь одинокой непутёвой бабы, неведомо откуда и прикочевавшей на заимку.

Зябко передёргивая толстыми плечами, сутулясь, чтобы утаить прущее, как тесто из квашни, обильное тело, смущённо обтягивая вокруг набрякших колен белую исподницу, шла Тоська мелкими шажками, боязливо прощупывая ступнями тинистое дно. Но вот она, похоже, ступила на песочек, пошла ровнее, шире, и когда мягкая грудь её заколыхалась на воде, охнула, присела, словно курица-наседка, но тут же с визгом выметнулась из воды и, отфыркавшись, поплыла вдоль берега; исподница сбилась на спину, надулась пузырьём, оголив не по летам бабьи незагорелые ноги. Никола – плечистый, прокопчённый и провяленный на озёрных ветрах – стоял по колено в воде, почёсывая тощее брюхо, поддёргивая спадающие чёрные трусы, при этом зарясь шальными цыганскими глазами на Тоську. Проплыв немного, по-собачьи гребя воду под себя, запыхавшись, Тоська встала на ноги, убрала с лица налипшие волосы и, поигрывая плечами, а потом и лукавыми синими глазами, стала дразнить ухажёра. Да ещё и отголосила на всё озеро:

*Дорогой мой зацелуйник,
Не целуй больше меня,
Мои губы пораспухли
От целуйника тебя!..*

Пока дева плескалась, пока оглядывала озёрную благость и хребет, дотлевающий рябиновым, боярковым, жёлтым, малиновым цветом, подкрался Никола, нырнул

издалека и, вылетев пробкой из воды, ухватив Тоську своими клещьястыми лапами, повалил в озеро, будто в зелёное, ещё не просохшее сено. Тоська оглашенно завизжала, забилась в тискающих Николиных руках, колошматя толстыми ногами по воде, словно белорыбица могучим хвостом, – вроде испугалась, вроде сам водовик потянул её в придонные травы; потом в утеху себе, не умея иначе выразить довольство, со всей моченьки замолотила по Николиной спине, но тут же и прилипла к парню, обхватив за шею и, похоже, даже обвив ногами.

Никола привычно намекнул на щедрые Тоськины телеса:

– Тоська!.. Ты как в воду-то забралась, дак ить озеро вышло из берегов. Как ишо заимку-то не затопило...

– Дурак... – она опять шлёпнула ухажёра по спине и, придерживав ладонь, протяжно и нежно погладила. – Эх, Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй...

***

Возле деда тем часом, поставив на песок таз с выполосканным бельём, присела Матрёна, сухонькая, чернявая, в обвисшем линиялом платье.

– Стой здесь, шемела! – наказала она своему голоштанному парнишонке, который рвался к озеру. – Стой, кому говорю! Ещё сунешься к озеру, попу надеру... – она сладила сердитое лицо, погрозила парнишонке пальцем и тут же пожаловалась старику: – Два раза его, идола, из воды вынала.

– Чао? – дед Хап напрягся, вслушиваясь, и даже приставил возле уха ладонь. – Ты, мнуча, шибче реви, я ить на дно ухо совсем босой, ни холеры не слышу.

– Говорю, в воду лезет, паразит! – гаркнула Матрёна, тыкая пальцем на парнишку. – Утонет вот...

– А-а-а... Но, видно, рыбачо-ок растёт.

– Да уж верно, что рыбачок – так, фулиган, и рвётся в озеро. Силком не оттащишь.

– Присматривай, деука, присматривай, а то парнишонка-то у ты вольный, того гляди и... Манит озеро, ой, манит! У меня ить тоже был... чуть поболее годами, – утонул, деука, утонул. На ночь глядя полез купаться да и... Дак и сыскать не могли. Царство ему Небесно, – старик двуперстно перекрестился. – Може, и выпь упёрла.

– Какая такая выпь? – поморщившись, досадливо скосилась на него Матрёна.

– А? – дед опять склонился к ней, приладив к уху ладонь.

– Какая ещё выпь? – досадливо крикнула Матрёна. – Сроду про такую не слышала. Выдумывашь кого-то...

– Выпь-то?.. Выпь – это, деука, сказать, озёрный бык. Он при солнушке не кажется. Разве что в потёмки на бережок выбредат... Водянушко, он и есть водянушко – нежить, одно слово. Так и скрадыват, кто купатся впотьмах, – кого бы уташшить. Ночной уповод...

– Буровишь ты, дед, кого попало. Ребятёшек пугашь. Видом не видывали, слыхом не слыхивали про твою выпь.

– Другорядь, это, придёшь сюда под потёмки, кто-то вроде плачет, зовёт – ой, окстишься да ударишься в гору, себя не помнишь. То ли дева водяная манит, то ли выпь зовёт?..

***

А молодые, утешно бранясь, пересмеиваясь, забрели аж по самое горло и подтаяли в озёрном мираже; Тоська плавала важной утицей, а Никола то кружил возле девы, то опять чисто селезень накидывался, лип, и раскатывался до самых хребтов захлёбистый, визгливый Тоськин смех.

– Ишь, разыгрались, ничо, холеры, не бояться, – укоризненно покачала головой Матрёна. – Другого-то уж места не нашли, в озеро, срамцы, залезли – гляди, заимка, дивуйся.

Дед догадался, о чём речь, и, ухмыльнувшись в бороду, сказал поперёк:

– В озере-то, милая, самая игра. Пусть потешатся, пока даётся. Ребетёнки-то посыпят, некогда будет играть.

– Зажил народ, не наша беда... – Глаза увядающей жёнки на минуту притуманились в зависти, словно вечерние окошки в осени, хотя она тут же и усмирила, отогнала непрошеное, неуютное чувство и уже без горечи договорила: – А нам одна война досталась, пропади она пропадом... Так эту рыбу и фуговали, из мокра не вылазили. Не рыба, дак живьём бы передохли...

А молодые разлепились, расплылись по сторонам: Никола, выносясь всей грудью, буровя воду, погрёб мористее... много, видно, осталось неистраченной силы, непрогоревшего жара... Тоська же поплыла, затем побрела к берегу, на ходу собирая рассыпанные по мягкой спине и отжимая русальи волосы. Когда она, раскачивая крутыми боками, метя сырой песок глубокими следами и горделиво отвернув голову от старика и Матрёны, прошла мимо них... мокрая исподница так облила тело, что видны стали буроватые соски, вершащие литую грудь... Матрёна не утерпела и с откровенной завистью подивилась на Тоськину матёрую осанку.

– Выгуль-девка! Гли-ка, аж бока заворотились, поперёк себя толще. И на каких харчах отъелась, на каких перинах вылежалась, ума не приложу. Дома шаром покати, голь голимая... И мать-то вроде мелконька. А эта чисто ведьмедица. Такая не то что вашего Кольшу, листвень с пути своротит, уманит за собой. Ишь, заголилась-то, глаза бесстыжи, свистуха. Так и вертит хвостом...

– Чадородлива будет, – улынулся дед Хап. – Рыбачков натаскат полну избу – успевай пеленай.

– Ежли в путни руки попадёт, – с намёком на Николу, которого заимка считала беспутым, вздохнула Матрёна. – А то и подол задерёт... Ишь, красуется стоит.

Тоська была дородна и спокойна от сознания своей красоты и обильности, как озёрище, как всё живое на берегу, щедрое и вольное, как этот погожий, румяный день, и, выбредши из озёрной купели, будто из парного молока, стала ещё сочнее и краше. Высматривая в озере Николу сквозь синеватый прищур, дева улыбнулась... на спелых щеках разыграли ямочки... потом крикнула:

– Кольш-а-а! Охламон!.. Ты куда моё платье спрятал?

Парень отозвался со смехом:

– Иди ко мне, скажу на ухо!..

– Знаю, знаю, кого ты скажешь... Отдавай платье. А то нагишом пойду – пускай парни зарятся.

Матрёна опять неодобрительно покачала головой:

– Хоть бы уж окрутилась поскорей, что ли... с Кольшей-то вашим. А то уж парни проходу не дают, так и липнут, будто мухи на мёд. Того гляди, за кулаки возьмутся.

– Да уж сладились бы на Покров, чтоб по-божецки, по-русски, – вздохнул дед Хап. – А то и впрямь греха не оберёшься: озорная девка, да и наш-то – крутель белого света.

– Ох и благодать-то какая на озере! – Матрёна выгнулась долгим и узким телом, закинув руки за голову. – Домой идтить неохота, так бы, деда, и сидела сиднем и ничо не делала. Ишь как распогодилось-то...

– Купель Божья, – поддакнул старик, а Матрёна, не слушая его, подхватила вдруг, вскочила с лодки и стала испуганно озираться кругом. Парнишка как сквозь

землю провалился... Баба заметалась по берегу, а потом с лихим криком кинулась в озеро, беспамятно выхватила сына из воды и, не помня себя, прижимая родимого к груди, отбежала подальше от берега, распугав утиную стайку. Опамятав, видя, что сын цел-невредим, а побледнел, заплакал, испугавшись её испуга, стала всего исцеловывать от пупка до глазынок с висящими в ресницах гроздьями слёз. Очнулась лишь тогда, когда малый, посинев от тисканий и целований, мученически закатил большенные, как блюдца, синие глаза, откинул белёсую головёнку назад, подальше от ненасытных, обезумевших материнских губ, весь выгнулся коромыслом и утробно, во всё горло заревел. Мать, теперь видя, что он воротит от неё своё лицо, чуя, что пробует вылезти из рук, тут же, костеря его на чем свет стоит – бродягу, варнака, шарамыгу, суслика, божье наказание... – садко отшлёпала, и пухлая заднюшка малого багрово запалилась, а сам он пуще того закатился в рёве, может быть, жалея, что не уплыл поглубже... плыл бы и плыл бесконечно среди шелковистых трав... что дал себя выудить на белый свет, где то нежат до посинения, то хлещут почём зря, – одна слава, что свет. Спыхватившись, мать снова начала заполошно целовать, вжимать его в грудь, точно желая раз навсегда затискать, заласкать до смертушки, задушить в ласках, чтобы ничего больше не знал, ничего не помнил, кроме её ласки, чтобы не переживать за него дённо и ношно.

На шум подбежала Тоська, испуганно, непонимающе глядя на Матрёну и её сынка.

– Чо случилось, тётка Матрёна?

Баба покосилась на неё досадливо: дескать, не лезь, девча, – не твоего ума дело, а вот как своего заведёшь ребетёнка, тогда и помотаешь сопли на кулак.

– Чо случилось, чо случилось! – проворчала она, зло косясь на малого, едва сдерживая вознесённую руку. – В озеро залез, паразит такой... Чуть не утонул. На вас, охальников, нагляделся, как вы придуривали, – вот и полез. Как ещё воды не нахлебался – успела выудить... Гляжу, нету мово парня, а он уж под водой плывёт...

Дед Хап, хоть и не смог подняться с лодки – видимо, отсидел ноги, по которым посыпались мелкие мураши, – но тоже заволновался и, лишь с горем пополам уняв тряские руки на коленях, прижав одну к другой и даже прищемив коленями, укорил бабу:

– А я те, деука, чо баил: глаз остро держи. Манит озеро... купель Божья... ой, манит. Вода да огонь куда хошь сманят, заморожат, околдуют, только и видали. Недаром нашу заимку кличут Тулдун-колдун... Прямо глаз не спускай... Мой-то парнишонка, Царство Небесно, тожить так – отвернулись маленько, а он в озеро, и поминай как звали. А тут самый урёв, а много ли ребетёнку надо?! Хлебанёт – и готово... Тут глаз да глаз нужен.

Матрёна, не дослушав стариковы говоря, одной рукой подхватила таз с бельём, другой – ноющего сына и торопливо засемила в угор, поднимая голыми ступнями рыжую пыль.

***

Когда дед Хап снова явился на берегу, но уже с ведёрком и удами, Никола полёживал на жухлой мураве под самым крутояром и что-то куражливо, через нос выговаривал своей зазнобе, которая держала его голову на сомкнутых коленях и перебирала, завивала на палец смоляные, жесткие, точно конский волос, Николины кудри. Морщилась, заслонялась ладонью, а то и шлёпала охальника по рукам, когда тот пригребал её к себе на грудь, лез ненасытным ртом к шее и губам.

– Ой, отчепись, отчепись! – игриво отмахивалась Тоська. – Верно, что зацелуйник... И у кого научился, идол...

– В кине видал. Там ишо пели... – Никола сиплым баском насмешливо пропел:

*У моря, у синего моря,
Со мною ты рядом, со мною...
И сладким кажется на берегу
Поцелуй солёных губ...*

Никола уткнулся и зарылся лицом в Тоськину грудь.

– От пристал, лепень, а. Охолонись маленько, – просила дева и, церемонно вытягивая губы, со свистом целовала ухажёра в лоб. – Успокойся, люди же кругом.

– Нет, ты меня, подруга, доведёшь до столбняка, – Никола засмеялся, ощерив лошажки зубы. – Поехали под Черемошник, а? Лодку столкнём... Поехали, а?.. – он поднялся на колени, потянул Тоську за руку.

– Одно у тя на уме, – вздохнула подруга. – Куда гонишь?! Знаешь, как в нашей деревне девки пели?..

*Хотел милый полюбить
Шибко по поспеху,
Только вышло у него
Людям на потеху.*

Отчастушив неожиданным при её дородности тонким срывистым голосом, вдруг с горечью покачала головой:

– Эх, Кольша, Кольша... Чует моё сердце, поматросишь да бросишь...

Никола вместо ответа ухватил её сгрёбом, подмял под себя, и бог весть, что бы тут случилось на примятой жухлой мураве, но Тоська увидела поблизости старика, силком отпихнула настырного охальника, быстро села, отряхнулась, натянула платье на колени. Никола, перехватив её взгляд, глянул мутными, невидящими глазами на своего прадеда и махнул рукой:

– Кого испугалась?! Он уже и под носом-то ничо не видит.

– Да отстань ты, отстань, – уже раздражённо дёрнула Тоська плечами. – Прилип как банный лист. Неудобно аж.

– Неудобно штаны через голову сымать.

– Грубый ты, Колька...

– Да ладно тебе, кого-то строишь из себя, – скривился парень, вышарил в жухлой траве под яром ополовиненную чекушку водки, поставил её на расстеленную холстину, где среди перьев лука-батун подсыхал ломоть хлеба и белели очищенные яйца. – Примешь маленько? За любовь?

– За любовь?! – горько усмехнулась Тоська. – Какая там любовь к лешему!..

Тут старик подошёл к ним совсем близко, невнятно бормоча в прибитую инеем реденькую бороду и что-то выискивая под крутояром. Приметив молодых, долго, прищуристо всматривался, вроде не признавая, хотя вот-вот с тёткой Матрёной дивился на них, выходящих из воды.

– Ты чего, дед, бродишь?! – парень досадливо оглядел старика. – Иди домой. Залазь на печку и лежи...

Старик, видимо, не расслышав, улыбнулся правнуку и стал подсыпать землицы в берестяной чумашок, где у него лежали неведомо когда накопанные дождевые черви. Он ковырял землю крюковатым пальцем, шепотками трусил её в чумашок.

– Деда, как здоровьице-то? – зная про старикову глухоту, почти проревела Тоська, но дед всё равно непонимающе уставился на неё.

– Как здоровье, говорю? – добавила Тоська голоса.

– Как у быка, – пробурчал Никола, сердитый на старика за то, что некстати явился. – Ещё нас переживёт... Женить его хотели... Тут одна старуха свата-

лась, – правнук намекнул на бабушку Шлычиху, – а дед говорит, дескать, женилка ишо не подросла.

– Ой, Кольша, кого-то болташь, прямо, не знаю ...

– Дак оно, милая моя, какое теперичи здоровьё-то?! – не слыша или не слушая правнука, дед Хап светло и ласково улыбнулся Тоське. – Одне одонья остались от здоровьица-то. Чужой век зажил... Но да ничо, слава Богу, живём, хлеб жуём, а ино и посаливам.

– А говорили, приболел.

– Кого ты с им разводишь тары-бары?! – фыркнул Никола. – У его же не все дома, к соседям ушли. Нашла с кем олады разводить.

Он, полёживая за Тоськиной спиной, диву давался: последний год старик совсем из ума выбился, чудить начал, а тут вроде и заговорил по-человечьи, ожил. По избе-то с батожком шаркал, а тут, на тебе, на берег припёрся.

– Ты как это из дома-то вылез? – усевшись возле Тоськи, спросил Никола прадеда. – Я ещё давеча хотел узнать.

– Да уж сподобился... с Божьей помочью.

– И куда ты, старый хрыч, лыжи навострил? – подозрительно глянув на чумашок с наживой, потом на уды, стоящее возле батика, заинтересовался правнук. – Уж не на рыбалку ли наладился?

– А? – дед склонился, подвернув ухо к правнуку.

– На рыбалку, говорю, собрался? – крикнул Никола.

– Да надоть маненько. Спробую, Кольша, поужу. Может, глядишь, и талан будет.

– Талан... – передразнил правнук. – Ты чего, совсем умом-то ворохнулся. Вали, вали домой и не смейся... Тоже мне, рыбак выискался.

– Ой, я, Миколай, столь на своём веку переудил, тебе век не переудить. Сроду без добычи не ворачивался, задря уды не мочил. Может, и теперичи Бог даст.

– Иди домой, не придуривай. Ожил, что ли?

– Ожил, паря... Да я близенько тут, под берегом. Мористо не буду заплывать. Маненько поужу и назад.

– Назад... – опять передразнил его правнук и, повернувшись к Тоське, удивленно покачал головой. – Ну-у, дела-делишки!.. А я, когда купались-то, гляжу: дед выполз – ничего себе, думаю... Ты вот что, старый, сказано тебе, дуй-ка лучше домой, лезь на свою печку и не дури, не смейся народ. Помрешь в лодке, отвечай потом за тебя.

– Ничо, поперёд смерти не помре. Бог не захочет, и прыщ не соскочит. Да я недалёко, под берегом, на твоих глазах.

– О-о-ой, – парень устало мотнул замороченной головой, – как ребёнок... Да ить зря же скаташься – октябрь уж, поди. Вода, поди, холодная. Забыл, что ли?.. Рыба давно уж вглыбь ушла, с месяц как на удочку не тянет. Будто не знашь... А ишо и рыбак прозываешься. Я вон сети зря мочил: десять концов поставил – едва на жарёху поймал. А ты на удочку хошь. Маленько-то соображай!

Дед Хап на Николины слова лишь улыбнулся в снежную изжелта бороду, хитровато мигнул Тоське, почесал затылок, сдвинув на глаза сплюсненную фуражку, и прищуристом взгляделся в озеро.

– Ну-у, чо уж Бог даст, то и даст. Нет, дак хошь на воде посижу, душу отведу. А ты чем зубы-то попусту мыть, подсоби-ка лучше батик спихнуть. Одному-то мне не одолеть. А то пока шель-шевель, глядишь, уже и стемнет. День-то теперичи короткий, с воробьиный скок... Но давай, подсоби.

Дед Хап спустился к батiku и стал укладывать на дно удочки, ведёрко, чумашок с червями.

– Зря ты, Колька, отпускаешь деда, – подумала вслух Тоська. – Загинет ещё.

– Вот и поговори с ним. Силком его упереть домой, что ли?! А-а-а... – махнул рукой Никола. – Бог с ним, пускай едет. Раз душа просит, пускай потешит её. Всё же рыбак был...

– Ну, ты кого там телишься?! – позвал старик. – Помогай. А то прокопошимся, тут и Спирия подскочит, – дед Хап помянул своего внука Спиридона, отца Николы: дескать, ежели тот увидит, дак, чего доброго, ещё и не пустит на рыбалку.

– Ну, смотри, дед, я не отвечаю, – упредил правнук и, подойдя раскочистым шагом, легонько, одной рукой пихнул на воду сухой долблённый батик. – Но чтоб под берегом у меня сидел, понял? Рыбак, мать её за ногу...

– Съезжу-ка я, паря, охотку собью, – отозвался дед, вставляя вёсла в уключины, полвечее, поусадистее пристраиваясь на лавочке и дугу для упора нащупывая ногами, обутыми в ичиги, смазанные дёгтем. – А ты послухай-ка сюды, ужотко чо я тебе скажу: хва, паря, казаковать, хва, а то и своя жизнь кобыле под хвост улетит, и деука испортится, за волю схватится. Ишь, кака брва, шепетка. Парни, поди, табуном ходят.

– Пусть ходят, мне-то какое дело?! – холодно вато усмехнулся Никола.

– Уведут с-под носа, помянешь мои слова.

– Ой, – правнук снисходительно засмеялся, – да я свистну, косяк набезит.

– Во, во, досвистишься... Ты уж давай, паря, к одному краю пригребай: или не дури деуке голову, не сомущай, или уж закон Божий прймай, чтоб по-русски всё, по-божецки.

– Ты чо-то, дед, нонче шибко разговорился.

– Не баламуть Тоську, не бери грех на душу, а на Покров мирком да ладком и свадебку сыграете. Ишь, чадородлива – глядишь, и рыбачка принесёт, да Жданом и окрестите.

– Таких имён теперь не дают. Да и пошто в честь тебя-то?

– А чего, я жизнь, худо-бедно, ладом прожил. Может, и чадо ваше в меня пойдёт.

– Ладно, дед, собрался на рыбалку, езжай, некогда мне с тобой рассусоливать, – правнук пихнул батик со всей мочи, и он заскользил по тихой, застоялой воде, с певучим журчанием обтекающей туповатый нос.

Когда старик уже опустил бархак, заменяющий якорь, и настроил уды, Никола, всё так же прохладаясь с Тоськой на мураве под яром, сердито заворчал:

– Ну дед, ну Мазай, говорил же ему, под берегом сиди, так нет, вон как мористо увёслил. И откуда силы взялись...

– Здоровые были мужики, не чета нынешним, – не пили, не курили.

– Но чо, Таисья, пойдём ко мне, – парень крепко обнял подругу и прошептал на ухо: – Дома никого.

– Ещё не чище! – отпрянула Тоська. – С каких таких пирогов я к вам-то попрусь?! Кто я тебе?.. Заугольница?.. Ночная пристёжка?..

– Да ладно, кончай приставляться.

– Хороший у вас дед, – с грустным вздохом сказала Тоська, поглядывая на чернеющий стариковский батик и, видимо, перебирая в памяти дедовы слова, сказанные про неё, вернее, про них с Николой. – И хорошо сказал... Бросишь ты меня, однако... Но ежели кинешь – в озере утоплюсь, понял?

– Ладно, ладно. Пошто вы такие, девки: сразу – брошусь, утоплюсь...

– А-а-а, теперь уж чо говорить, – она невесело рассмеялась и, обхватив парня за шею, с неутолимой нежностью усталилась на него. – Снявши голову, по волосам не плачут... Ох, свалился же ты на мою голову, идол окаянный.

– Это ещё кто на кого свалился, надо посмотреть, – улыбнулся Никола.

– И за что я тебя полюбила, в толк не возьму. Ты-то меня хоть маленько любишь? – Тоська пытливо, с надеждой и сомнением всмотрелась в Николины беспутые глаза. – Молчишь как рыба об лёд. Да ладно, теперь уж всё одно...

– А поехали-ка под Черемошник. Отдохнём, ягод поклюём.

– Какие ягоды?! Октябрь уж...

– Ползуниха... – парень засмеялся и потянул деву к лодке.

– Да не тащи ты меня волоком. Что я тебе, тёлка глупая. Сама сяду, – вырвалась Тоська и, дождавшись, когда парень спихнёт лодку на воду, уселась на корме.

***

День вызрел тёплый, но не жаркий и тихий-тихий, на редкость тихий. На отлёте сентября и зачине октября всё чаще и чаще задувал хиуз – по-зимнему пробирающий до костей северный ветер, – косматил постаревшее в осени, гудящее по ночам озеро. А тут на диво, на погляд всё утихомирилось, притаилось в сизовой дымке. Даже чайки и те промеж себя судачили вполголоса... баюкали задремавшее озеро, со вздохами поминали отлетевшее к небу бабье лето... и летали уже без былой рыбацкой суеты – плавными, печальными кругами, и не орали ором, не гомонили, вырывая друг у друга пойманных чебачков, – насытились, видно, остепенились да, построжав, собирались с духом в дальний перелёт. И всё загибали и загибали круги возле дедовой лодки, – похоже, он подбрасывал им загодя припасённый хлебушек, потому что отпотчевать рыбой не мог. Впрочем, христорадничали мелкие чайки и сеголетние чаята, нынешним летом вставшие на крыло; а матёрые чайки, прозываемые бакланами, да и средние, посиживали вокруг лодки, точно старики и старухи на солнопечной завалинке, с печалью в слезливых и застойных глазах дивуясь молодой ненасытностью и суетливости; иногда, очнувшись от старческой дрёмы, встрепенувшись крылами, властно вскрикивали, осаживали молодых, если те вдруг, плача и бранясь промеж себя, слишком настырно завивались над самой дедовой лодкой, – того смотри, из ведра потащат, если, конечно, там было чего тащить.

Ярыми кострами – красной, жёлтой, малиновой цветью – полыхал над озером таёжный дыбистый хребет, отражаясь в белёсой, будто омертвелой воде. И чудилось, там, в озёрной глубине, светится в осеннем угасании иной хребет – нежнее и чище, и замерли над гольцами сизые облака, и, замедленно, отмашисто вздымая и опуская крылья, безголосо пролетают чайки.

От таёжного хребта, где на каменистом облыске чернела заброшенная часовенка святого рыбацкого угодника Николы, истекало едва приметное цветастое сияние, плыло над умолкшей водой, колыхаясь дивным миражом. В призрачном рое свечений и плывущего эхом с небес ангельски тихого пения старик одиноко сидел в лодке, изредка подёргивая коротенькие уды-мотыльки, разложенные по избитому, отрухлявевшему борту, с коего сыпался в воду жёлтый прах.

Ближе к сумеркам озеро и пуще высветлилось, стало таким гладким и зеркалестым, что когда пролетала чайка, то ясно виделось, будто другая чайка скользит под водой, среди замерших в пучине белёсых облаков, вытянутых, похожих на диковинных рыб; там же, в озёрной глубине, среди белых рыбин являлось и лицо деда Хапа, опушённое ковылистой, выцветшей бородой, а встречу ему зазывно посвечивали обмельчавшие под старость кротко синие очи.

***

...Хватились старика уже вечером, когда, приплыв берегом, выскочили из лодки Никола с Тоськой. В это же время вернулся Спиридон и, костеря своего непутного

сыночка, суетливо сбежал с крутояра к воде. Прихватив на берегу сына, обнимающего на прощание сморенную Тоську, тут же набросился на него:

– Ты что же это, мякинна твоя башка, деда-то отпустил? – Спиридон, невысокий, кряжистый мужик, с крупным и будто сонным лицом, был непривычно возбуждён и от досады готов был, кажется, плюнуть в сытые и бесстыжие Николины зенки. – Тётка Матрёна доглядела... Здоровый уж бык, а соображения совсем нету, мать ты за ногу. Вот сыночек-то вырос на мою шею, а!..

– Ладно, ладно, батя, чего разлаялся?! – огрызнулся сын, переминаясь с ноги на ногу, снисходительно поглядывая на шептунного, низкорослого папашу. – Что я тебе, должен был его, как телка, на привязь посадить?

– Э-эх, вечно у тебя пень да колода... Тебя, как доброго, оставили за дедом присмотреть, а ты куда ушастал? – Спиридон поскрёб сивую бороду и покосился на Тоську, хмуро оглядел её с ног до головы. – Ой, беда, беда, беда... Эвон чо дед отчебучил, на рыбалку умотал. А ты шуры-муры свои...

Тоська покраснела как маков цвет, испуганно одёрнула мятое и мокрое платье, потом, нервно прикусывая нижнюю припухшую губу, круто развернулась и, горделиво заломив шею, пошла к заимке.

– Ты бы подумал, бестолочь, маленько своей башкой?! – Спиридон постучал казанками себе в лоб. – Ты бы вспомнил, сколь ему лет?! Ох, беда, беда... Но чо шары выпучил?! Давай кричи деда... Каку холеру он там засиделся?! Пускай домой веслит... Кто сейчас на рыбалку ездит...

Ещё не смеркалось, но солнце уже село в озеро и посвечивало со дна утомлённым, блёклым светом; и небо, и озеро по-осеннему широко, неоглядно отпахнулись, замерли, глядя на ночь; и посреди остуженного, грустного покоя, посреди серебристой воды стариковский батик виделся сиротливо чернеющим бревном-пльвунном, которое, мерещилось, тихонько уплывает и уплывает туда, где озеро сливалось с небом – вечным морем.

Сперва покричали деда на разные лады, но тот не шелохнулся, потом, как и обвыклись, колошматили берёзовым сучком в медный таз. На гомон и бряк спустились прибрежные мужики и бабы, явилась и тётка Матрёна, за которой поводком волочился её парнишонка, ухватившись ручонкой за подол.

– Днём, это, ишо бравенько с им посидели на берегу, – тревожным шепотком, как про покойника, вспоминала тётка Матрёна, нет-нет да и со вздохом всматриваясь в чернеющий стариковский батик. – Дед ишо баял, дескать, манит озеро... А тут ишо мой варнак... – тётка уж замахнулась на малого, чтоб дать затрещину для острастки, но, глянув в озеро, сдержала заполошную, серчалую руку, – тут мой идол под шумок в воду залез да чуть не утонул... Но дак чо, бельё-то выполоסקала, уж в ограду вошла, на крыльцо-то вздымаюсь, гляжу... мамочки родны!.. дед Хап в море погрёб! Не загинал бы... – тётка Матрёна неволью высказала догадку, какая у заимских уже зрела в уме, но тут же спохватилась и прижала язычок, виновато покосившись на Спиридона.

Тот ожёг пустобайку суровым взором – чего ты, мол, баба-дура, раньше времени хоронишь старика?! – и велел сыну стalkerивать лодку:

– Ладно, Колька, чего зря глотку рвать, плыть надо к деду.

***

Дед Хап лежал, переломившись через борт, и красноватая закатная рябь колыхала плавающую бороду, накатывалась с прищёлком и причмоком на низкий, скошенный лоб и, журча, обтекала бледную, с буроватыми пятнами, морщинистую плешь. Выскользнувший из-за ворота, покачивался на витом шнурке медный крестик, блёсен-

кой посверкивал в чернеющей воде. Рука деда, упавшая за борт, сжимала ветхую фуражку с лопнувшим посередине твёрдым кондырем. Может, испить наклонился или уж глотнул из фураги студёной осенней водицы, да тут и отлетел к небу попутно с озёрным ветерком стариковский полегчавший дух. А может быть, старик, который неведомо когда и красовался перед зеркалом, загляделся, не узнавая, на своё отражение в воде... по-младенчески растопорщенные уши и по-младенчески же вьющиеся подле ушей бело-пушистые остатние волосы; утекающий в пегую плешь изморщиненный лоб, под крутяком которого хоронились, посвечивали из-глуби, как два махоньких синеньких озёрушка, дедовы слезливые глаза... и это отражённое лицо, может быть, приблизилось старику замершим ликом святого угодничка Николы, рыбачьего обережителя, который поманил, поманил деда... Или уж привиделся сынок, лет восемьдесят назад утонувший в прибрежной урёме, и, может, позвал едва слышным голоском, похожим на лепет озёрной ряби, и уж не стало сил противиться родному зову.

Возле стариковского батика качался на сумеречной волне припозднившийся баклан, и когда Спиридонова лодка заскользила рядом, жалобно вскрикнул, всхлипнул, тяжело взнялся и огрузло полетел по-над самой водой, кругом огибая батик, отчего Спиридон невольно обмер, провозжая вещь птицу испуганным взглядом. И после, когда, привязав батик к лодке, отец с сыном греблись в берег, баклан всё кружил и кружил подле, призрачно темнея на заревном небе, и, словно поминальная плачя, прощался со стариком заунывными воплями. Так чудилось Спиридону, так он шёпотом обсказывал и на рыбацкой заимке.

– Батя, батя! – в диве пуча глаза, показывая ими дедово ведро, полное отборных окуней, не молвил в голос, а сдавленно прошептал Никола. – Гли-ка, гли-ка, полно ведро надёргал, с опупком. И окунь-то хрушкой...

Не слыша его, Спиридон сторожко, с берегом косился на баклана, который не отставал, решив проводить древнего рыбака до самой заимки.

– А как чуяло сердце, – выдохнул Спиридон, и присмиривший сын, отмахнув с глаз смоляной чупрын, смотрел на батю во все глаза, слушал, стараясь не обронить в воду даже малого словечушка; даже грести перестал, отметнув вёсла, с которых мерно и звонко в обступившей вечерней тиши падали в озеро капли. – На двор пошёл... а ещё путём не рассвело, ещё петухи не пели... гляжу: мать ты моя родная, чайка!.. чайка на тыну сидит. Да большущая, паря!.. – Спиридон невольно и опасливо глянул на летящую поблизости чайку. – Сидит, это, и вроде в окошко глазом зырк да зырк – кого уж там высматриват, бог её знает. Кышкнул её с тына, а на душе моршно, неладно. Ох, смекаю, не к добру ты прилетела в ограду, вещунна птица, ох, злую весточку на хвосте принесла... Сроду ить, паря, подле избы чайки не сидели... Ну, думаю, как бы наш дед не тово... – Спиридон замолчал, вздыхая и покачивая головой. – А потом закрутился-завертелся с этой картошкой, да и забыл. Отчаевали, это, значит, на картошку собрались, а я ещё, помню, пошёл в сенник тебя будить, пускай, думаю, сбегает сети проверит – может, хоть на одну варю за ночь налезло...

– Бестолку: три чебака сдуру залетели, и всё. Снимать надо сети, чо их зря гноить в воде...

– Ну и вот, значит... Пошёл я тебя подымать, а тут старый-то и кличет меня в свой запечек. Надо, говорит, попрощаться, а то мало ли что. Дескать, сон видел лихой. И давай сон мне обсказывать: мол, щука приснилась, здоровенна така, цела кокорина, ажно мохом взялась. Приплавилась будто бы к самому батику, выпучилась на меня и смотрит, смотрит... а потом, это, по-человечьи молвит. Чо уж она баяла, говорит, не

упомнил. Зовёт, вроде сманиват... Мне бы, мол, надо окстись крестным знаменьем, а силов нету, вся моченька моя вышла. А шука манит и манит... Я, говорит, наклонился маленько, она своим плеском-то ка-а-ак даст – да и всего окатила водой, аж сердце захо- лонило. Окатила, это, с головы до ног да и пошла себе тихонько в урёму... – Спиридон, хотя и не бог весть какой богомольный, но и не художий, невольно перекрестился – витиевато махнул щепотью перед лицом и что-то коротко прошептал. – А мне недосуг его слушать, надо на картошку – коня уже успели запрягчи, девки на телегу уселись, меня кричат. Надо их увезти, а потом ишо и старуху Шлычиху в деревню утартать... Вот я ему и толкую: вечером, дескать, поговорим, дед... Везу старуху Шлычиху на мотоцикле и думаю: тронулся дед умом. А из деревни на картошку заехал, подкапы- ваю, а душе нет покоя. Скребнут кошки. Едва вечера дождался...

Спиридон сжал в кулаке бороду, пошиньгал её, одышливо вздохнул и, подтянув батик ближе к лодке, чтоб не болтался из стороны в сторону, покороचे перевязал верёвку. Мельком глянул на старика, лежащего теперь на дне батика, укрытого Николиным пиджаком, ещё таящим в себе запах потной Тоськиной плоти. Пиджак сполз с лица, и в светлое небо, где запалилась ранняя звёздочка, глядел открытый глаз, из бездонной глубины которого уже выкатился живой синеватый свет. Опять испуганно перекрестившись, Спиридон ещё ближе подтащил лёгонький батик, натянул пиджак на стариковское лицо, потом велел сыну:

– Давай, Колька, греби шибче, а то уж темнеет... Да-а, сколь не жить, а смерти не отбыть.

– А и вроде одыбал, на ноги встал, – с отцовской степенностью покачал головой сын, неспешно, осторожно, вроде как похоронно загребая вёслами.

Он впервые увидел смерть, вернее, даже не смерть, а покойника, который ещё вот-вот наставлял его на жизнь, и ему почуялось, будто он вдруг разом стал взрослее своих семнадцати лет, будто со смертью деда жизнь его как-то круто поменяется, да и во всей заимской жизни после деда что-то переменится. Что и как переменится, он не смекал, не угадывал, но уж по-старому теперь не будет. Ясно припомнились, будто прозвучали с закатного неба, последние, вроде и обыденные, но теперь освя- щенные сокровенным смыслом дедовы слова, сказанные ему на берегу. Кое-что из сказанного дедом Никола и поведал отцу.

– Сын, говорит, родится, Жданом назови. В честь него вроде, – усмехнулся Никола.

Спиридон, заблудший в глухом и холодном тумане грустных своих поминаний, кручинных дум, слушал в пол-уха, иногда жалостливо косясь на сына, потом смор- щился, проворчал:

– Ты, верно что, девке голову-то не морочь, а решил жениться, так женись. И правильно дед толковал, и грех тебе будет, ежлив обманешь. Дед зна-а-ал, как жить, не наша беда... Сроду худого слова не молвил, и не гордый был, незавидли- вый, вот и хворобы сроду не знал, вот и пожил... А уж здоровый-то был – нам ещё гоняться да гоняться за им. Не-е, здоровьем его Бог не обидел: за восемьдесят, кажись, завалило, а дённо и ночью на озере, так и не вылезил из мокра. И зиму, и лето удил и купался, паря, до ледяных заберегов... Вот и смертушку лёгкую при- нял. Спи теперь, деда, спи спокойно, отрыбачил своё. Ой-ё-ё-ёшеньки... Такая вот жизнь: одне – помирать, другие – рожать... Ты смотри, парень, догуляешь, девка в подоле-то принесёт, сраму не оберёшься. На всё озеро ославишься... Верно дед сказал: женись и не придуривай.

– Ладно, ладно, всё бы учили да учили... – отмахнулся сын.

– Вас не учить, так и добра не видать. Вы же теперичи по-путнему-то жить не

хотите, всё норовите по-своему, а своего-то умишка с гулькин нос, вот и колобродите. Нет послушать, что старики говорят. Они, худо-бедно, век прожили, ума нажили.

И внука Спиридона, и правнука Николу смерть старика хоть и опечалила, но опечалила легко, как может опечалить голый, насквозь проглядный березняк, где на потемневших от дождей ветвях трепещут на ветру остатние жухлые листья. Исподволь утешает и греет верная надежда, что минет вьюжная зима и по теплу опять народится клейкий младенческий лист, потом окрепнет и заиграет, засверкает под солнышком. Так же исподволь, в полноте неосознанно чувствуется, что и человек весь не помирает, не оставляет насовсем юдоль земную, а будто нарождается и вечно продолжается во внуках и в правнуках. Но ежели покинувший землю и не приживается в грядущей родове, то хотя бы душа его упокоенная витает подле живых и, может, в лунных снах и солнечных видениях, в поклонных поминаниях наставляет родичей на ладную жизнь.

Нет, внук и правнук не убивались по деду ни сейчас, ни потом возле могилки, куда ускользнул гроб: чего уж там шибко-то горевать, волосы рвать, когда старик уже зажил чужой век, когда лежал под святыми и желанно поглядывал в мохово, – на могилки, что темнели крестами и тумбами по высокому берегу.

Но если смерть не удивила... пожил дед, дай бог всякому стол прожить и небо не коптить... то и внука, и правнука изумила дедова добыча: в отсеке серебрился подойник, полный на диво крупных, прозываемых хармаками и капустинами, меднобоких окуней, а рядом, не уместившись в ведре, полёживали и вовсе отменные – такие, каких за всё лето пяток выудишь, так в пору Николе-угоднику свечку ставить, потом на ранешний манер обрызгать озеро святой крещенской водицей.

– И как он изловчился столь наудить, ума не приложу? – снова да ладом дивился парень. – Ни-и-чо не понимаю! С месяц уж рыба не берёт...

– Да в октябре она сроду не клюет, – кивнул отец. – До середины сентября ещё мало-мало тянет, а потом всё, как отрежет. Потом уж лёд встанет...

Спиридон, который взялся за удочку сразу, как отбил от материной титьки, сын его Никола, ещё подростком перерыбачивший самого деда Хапа, – оба они лишь руками разводили.

– На такое, видно, место угадал, куда, может, раз в жизни и угадаешь, – смутно предположил Спиридон. – Либо уж подшаманил чего. А может, и Никола подсобил, Угодничек-то... Сроду никого не утруждал и на поминки решил сам наудить.

– На поминки-то, батя, маловато будет, – рассудил сын и вдруг, кинув вёсла, хлопнул себя досадливо по бокам. – Э-эх, дураки мы дураки!.. надо же было местечко-то приметить, маячок поставить. Вон дедово весло к его же бархаку привязать – и пусть болтается. А я бы по утрянке выгреб и сети туда переставил.

– Да-а-а, не смикитили мы с тобой... А, с другой стороны, поставил бы и шиш бы чего поймал. Тут, Кольша, дело хитрое... Может, ещё под час такой подгадал старик... Да и этого, поди, за глаза хватит. У нас поминальщикова-то раз-два и обчёлся. Хотя... ежлив заимские-то все подвалят... Любили деда...

Удочки домовитый старик бережно смотал, обернул в чистенькую холстинку; берестяной чумашок из-под червей промыл в озере; и если бы Никола не видел, лёжа с Тоськой под крутяком, как старик трусил в чумашок землю, то можно было предположить, что наживы там и вовсе не было. Рыба в ведре и в отсеке уже подсохла, из чего Спиридон вывел, что поймана была сразу после полудня, а значит, после полудня старик и помер, – не стал бы он, поди, сидеть сложа руки, без дела и работы.

– Ох, сманило озеро, ох, сманило, – опять завздохал Спиридон. – Помню, раньше, как захворат маленько, все просил, чтоб я койку ловчей поставил, ближе

к окошку, чтоб озеро видать. Да всё, бывало, закрутишься, завертишься, да и без памяти. А старик лишний раз и не скажет, не попросит, бедный... А уж стал из ума выбиваться, третиводни дак меня перепутал с батей моим, Царство ему Небесно: дескать, ты бы, Егор, на рожон-то не лез, а вписался в колхоз от греха подальше. Плетью обуха не перешибёшь...

– А дед-то мой... твой батя... мало пожил? – вдруг спросил Никола, досель безразличный к своей родове. – Чо-то шибко уж рано помер?

– Добры люди подсобили... – сухо и отчуждённо отозвался Спиридон и с непроходящей, закоростевшей обидой поджал губы, но, немного помолчав, глядя в другую сторону от заимки, досказал: – Нас же у отца-то было ни много ни мало семнадцать ребят: пять девок да двенадцать парней. Дюжина почти... Это теперичи лишь тётки твои и зажились, да я шестой с имя. И те разбрелись по свету... Меня ещё и в почине не было, когда отец отделился и укочевал в Укыр. Я-то уж, паря, в Укыре родился – укырский вроде. Село тогда большое было, уездное, на тракту стояло. Церковь белокаменна... – своротили фармазоны... Ну, как отец наш выделился – матка сказывала, Царство Небесно, – сперва шибко худо жили, лопотины оболочкись, и той не хватало. Но потом, это, вроде обжились. Тут и братовья уже в годы вошли, наравне с батей в работушку впряглись, да и девки не отставали. Да и зажили куда с добром и нужды не знали. Коров да коней, всякой мелочи – полон двор... А тут сбросили царя-батюшку, власть переменялась, и пошли кумунисты крепких хозяев потрошить, да с нашего двора и зачали. Я-то не видал, я как раз у деда на заимке рыбу удил. Я у него частенько гашивал. А матка видала... Как нажитое стали переписывать и на телегу грузить, отец не стерпел да в сердцах и кинулся с топором на раскулачников. Ну, да там, видно, ребята крепкие подобрались, так отмузузили, что отец потом месяц кровью харкал. У деда на заимке и помер... Помню, просил меня, пока был в памяти: дескать, не бросай, Спирия, отца, на тебя вся надежда...

– И что, всё отобрали? – зашебутился возмущённый Никола.

– Подчистую! Всё подмели, что горбом своим нажили. Тятя батраков сроду не держал. На покос другой раз помочи собирал, а как братовья мои старшие подросли, дак и без помочей управлялся. Робили от темна до темна, и в кулаки угодили. Да... Добрых хозяев тогда подмели метёлкой, болтуны да непути остались... Э-эх, тогды-сегды прикинешь: почё жил, почё живёшь, а уж и смертушка не за горами, и такая тоска долит, что хучь рёвом реви. И на вас-то никакой надёжи... Ну, да ладно, чо уж теперичи... А мне тётка Матрёна сказала, мол, ещё днём напару сидели... У ней парнишонка тоже чуть не утонул. Едва, говорит, успела выдернуть... Ох, манит озеро, ох, манит...

Когда лодка с дедовым батиком подчала к дощатым мосткам, с которых заимские бабы черпали воду, по небу уже рассыпались белые искры – звёздочки среди ещё белёсого, но уже мутнеющего вечного моря; по тихим его водам и уплывала на незримой лодке стариковская душа; иные звёздочки срывались, опали, точно прибитые морозом бледные ягоды, и одна из них, как почудилось Спиридону, погасла над самой заимкой. Вот и закатилась дедова звёздочка, вот и не стало вековечного рыбака, правнука архангельского мужика, в пору великого раскола прикочевавшего сюда со своей суровой старой верой и срубившего на озёрище некорыстное зимовье.

На берег прибежал чуть ли не весь заимский народ, молча вглядываясь в причаленную лодку. Тётка Матрёна, хлюпая носом, утирая мокрые глаза углом запана, снова да ладом поминала:

– Днём, это, ещё так бравенько с им сидели на солнушке, судачили. И в уме, и в памяти был. Гляжу, вроде одыбал старик...

Кинувшись к лодке, заголосила Спиридонова хозяйка, за ней подхватились и другие, и лишь мужики стояли молча, пристально глядяваясь в зачужевшее, заострённое, восковое лицо древнего рыбака.

***

Разбежались Тоська с Николой – зад об зад, и кто дальше улетит; парень удавился в гульбу, а где гульба, там и драки с поножовщиной. И коротать бы тому век на тюремных нарах... не раз, спутанного по ногам и рукам, запихивали буйного в районную каталажку... да, слава богу, забрали во флот, который на диво всей заимки словно подменил хаповского последыша – ушёл варнак варнаком, по которому тюрьма горько плакала, а через три флотских зимы вернулся серьёзным, круто замужичившим парнем. Погулять бы самое время с поспевшими деревенскими деваками, ан нет, заныла, затомила душу старая любовь, и опять с Тоськой схлестнулся, которая надеялась, ждала, отбиваясь от сватов да игривых заимских рыбаков. Может, и слепились бы... уж и тёплое гнездо свили в районном селе, уж и Тоська от хаповского парня брюхо нагуляла... но не зажился тулдунский рыбак, загинул, и некого было нарекать в честь старика Жданом – не исполнил дедов наказ.

Недолго после старика зажилась и прибрежная заимка; рыбалку наполовину сократили, потому что обезрыбело озеро, и рыбацкие семьи уочевали по деревням и сёлам. Теперь, когда минуло тридцать с гаком, даже бугорки от бывших изб и барачков затянулись сбежавшим с хребта звонколистым березнячком и осинничком, сиренево украсились чащобами иван-чая. Сгнили, завалились кресты на могилках, и Спиридон Хапов, уочевавший на другое озеро, малое, непромысловое, с трудом нашёл после долгой отлучки дедов бугорок – благо, что хоть мета припомнилась верная: торчащий искрошенным старческим зубом срезанный молнией дородный листвяк – с давно уж облезлой шкурой, выдубленный и выбеленный на озёрных ветрах. Комель порос мхом и брусничником, и рясно высыпала крупная тёмно-вишнёвая ягода.

Под старость и характером, и обличкой сивобородый Спиридон стал шибко походить на своего деда Ждана, разве что ворчливее и сумрачнее старика. Ну, да и время такое приспело, пропади оно пропадом, – фармазоны-верховоды спихнули страну и народ в срам, нищету и отчаянную гульбу, а сами под шумок растащили всё, что с кровью и потом наживали отцы, деды и прадеды. Или уж светопреставление близь дверей, – скрёб Спиридон то морщинистую плешь, то реденькую, ковыльную бородёнку, – или уж чудо спасёт народ русский. На чудо и осталась одна надежда.

В Тулдун привёз его на легковушке «Нива» старший сын Пётр, широкий, что поставь, что положь, пожизненно начальствующий в районном селе Сосново-Озёрск, красномордый, одутловатый, с тяжёлыми, синими мешками в подглазьях, – видать, быстро ухайдокали сивку крутые горки, по каким скребутся вверх начальники – горюны-печальники.

Спиридон в чёрном пиджаке, который стоял на нём коробом, точно седёлка на корове, посиживал на переднем сиденье возле сына, который и вёл «Ниву». На заднем сиденье, без умолку, наперебой поминая тулдунское житьё-бытьё, шумно вздыхая, сидели две мужние Спиридоновы дочери, приехавшие погостить к отцу-матери. Пожили городские гостеньки у родителей, сбежали по ягоды, грибы, навестили в Сосново-Озёрске тулдунских подружек и, наконец, стали упрашивать Петра, чтобы свозил в Тулдун. Может быть, и не решились бы... чего уж там, Господи, смотреть, коль ничего не осталось от бедной заимки... но отец настоял, чуя, что когда ещё выпадет случай навестить дедову могилку, когда ещё сможет

уломать Петра, чтоб отвёз на заимку. А тут девки прилипли к брату: свози да свози, тот и не смог отказать городским гостенькам.

Лишь миновали былую поскотину, мягко покатали по замуравевшему просёлку... а ведь улица была, вдоль и поперёк исхожена, испета и оплакана... сёстры в голос завыли, запричитали, уставившись в окошки, за которыми уплывали и охлёстывали машину сиреневые кусты иван-чая. У Спиридона, как ни тужился, ни крепился, а тоже в глубоких морозных глазницах засветились слёзы. Даже Пётр посерел опухшим багровым лицом, и по набрякшим скулам запохаживали взад-вперёд тугие желваки; задёргался, точно в тике, правый глаз, и тяжелее набухли синеватые мешки под глазами. Он крепче ухватился за баранку, злее и настырнее уставился в стекло, за которым вырастали миражами тулдуновские избы и бараки, а подле счерневших лиственничных венцов бесплотными тенями маячили рыбаки, укочевавшие с озёрища или, как дед Хап, давно уже отчалившие к засиневшим осенним небесам.

На скалистом берегу озера спешили. Вышли гости, потыкались туда-сюда среди чащобного березняка и осинничка, пошарахались из стороны в сторону, запинаясь о притаённые в белёсом ковыле полусгнившие кресты и тумбочки, и лишь по обломанной лиственничной сушине... она неожиданно озарила Спиридонову память... отыскивали могилку деда Ждана. Сёстры, от роду мокроглазые, жалостливые, опять дружно заголосили. И вопили даже не по своему прадеду... помнили его мутно, ощущением сухого, теплого покоя и ласки... они плакали всё по той же родимой заимке, где до обидного быстро пролетело раздольное, лесное и озёрное малолетство, где осели, поросли наглухо быльём и ромашкой, словно канувшие заимские дворы, наивные и блажные девчоночьи мечты. По себе, как и бывает на могилках, плакали и причитали сёстры.

– Ну, хва, девки, хва, – сердито осадил их отец, которому вопли дочерей болезненно щемили изношенное сердце. – Могилку прибирайте. А мы уж пойдём с тобой, Пётр, крест вырубать.

– Сказал бы в Сосновке, я бы железную оградку заказал, и тумбочку бы мигом сварили, – проворчал Пётр, закуривая вторую сигарету подряд.

– Да уж крест срубим, и то ладно, – досадливо отмахнулся Спиридон.

Утихомирившись, просморкавшись в платочки, отчего нежно заалели кончики носов, сёстры начали хлопотливо прибирать могилку: с корнем повыдёргивали мелкие осинки и берёзки, выпололи траву, оставляя на взрыхлённой земле пучки ромашки. Спиридон долго маялся с лиственничным крестом, вырубая под «ласточкин хвост» пазы для перекладин... Пётр только мешал, лез под руку, опаживая отца табачным чадом... но худо-бедно сладил мужик крест о семи концах; и когда врыли его поглубже в обихоженный девками бугорок, на двух затёсаных поперечинах выскребли ножом мало-мальску надпись: дескать, здесь улёгся на вечный покой пожизненный рыбак, честный труженик Хапов Ждан Мартемьянович, ста трёх лет от роду, Господи, упокой его душу.

Ближе к вечеру сели помянуть, достав из машины блины и брусничный кисель, приладив возле свежего креста рюмку с водкой и пару окуней горячего копчения. Пётр хотел отпочтывать деда Хапа ломтем жирной пеляди, но отец велел положить окуней-земляков, поскольку про рыбу-пелядь, запущенную и разведённую в озере лет пятнадцать назад, покойный и слыхом не слыхивал.

Несколько раз неловко, отвычно перекрестившись, Спиридон прошептал то, что всегда было на слуху:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, упокой душу раба Божиего Ждана и прости его прегрешения вольныя невольныя... Ну, с Богом. Помянем. Царство тебе Небесное, деда... Все там будем рано ли, поздно ли... – Спиридон поднял гранёный стаканчик.

Пётр, выпивший охотно, но тяжело, сквозь зубы, весь переморщился-перекопился и стал торопливо закусывать.

– С этой работой всю гулянку забросил, – пошутил он и тут же налил себе наособинку и выпил. – Уф!.. крепкая, зараза. Так и пить разучишься.

– Оно бы и ладно, – сердито буркнул Спиридон. – Хошь здоровье бы сберёг. Оно ить входит золотниками, а выходит кулями... Ты, паря, на выпивку шибко-то не налегай – чай, за рулём... А дедко-то наш сроду винцом не баловался, – Спиридон усмешливо глянул на рюмку, умощённую возле креста. – И табачишшем рот не поганил. Одно слово, старовер... Вот и век ладно прожил...

– Да-а-а... – закурив сигарету, жалостливо протянул сквозь дым Пётр, – долго дед жил, а доброй жизни не видел. В каких штанах всю жизнь ходил, в тех и помер. Кроме рыбы, ничего путнего не едал.

Спиридон покосился на сына, хотел что-то сказать поперёк, но смолчал, уставился в озеро, где похаживали и пошумливали возле берега зеленоватые пенистые валы. Тут же, под самым берегом, свившись в мельтешащий клубок, с визгом бились о воду чайки – значит, поверху плавилаась мелкая сорожка, а возле, охочие до неё, паслись, конечно же, крупные окуни и щуки.

– Да, знали наши старики, где селиться, – оглядывая озёрное раздолье, подумал вслух Спиридон, – знал деда, где жить. Где ещё такое местечко сыщешь. Пазуха Божья... И тайга богатая, и рыбы полон... А уж места красивше, ей-бог, сроду не видал. Э-эх, жить бы да жить.

– Везде, батя, хорошо, где нас нету, – усмехнулся Пётр.

– Оно, конечно, хорошо, где вас, варнаков, нету, – отозвался Спиридон.

После деда заодно решили помянуть и убиенного Николу... Сомустили того после армии в рыбохрану, и не сказать, чтоб шибко ярился, гоняя загрёбистых рыбаков, а всё ж напоролся на злую пулю... городской браконьер отпотчевал с хмельного зла... а как уж там вышло, бог весть, но отыскали его, бездыханного, в оглохшей моторке, которая сиротливо болталась на озёрных волнах. Погребли Николая Хапова на займке, подле прадеда, чтоб уж не расставались наперёд, а Тоська, что убивалась на высоком становом берегу, на глазах постаревшая, поблекшая, вскоре уочевала в город к сестре, оттуда завербовалась на комсомольскую стройку да и сгнула с концами, и ни слуху ни духу. Сколь ни писали Спиридон со старухой в разные края, отыскивая бывшую молодуху... шибко хотелось внучонка поглядеть, Никольшино семя... но всё беспроку.

– Надо Кольшу поискать, – Спиридон кряхтя встал на ноги, оглядел забытое-заброшенное кладбище. – Где-то ближе к скале хоронили...

С горем пополам по ржавой звёздочке нашли сварную тумбу, утонувшую в осиновом подросте и дурнопьяной траве; карточка под стеклом добела выгорела на солннопечном угле, суриковая надпись выветрилась, вымылась осенними дождями, и уж попробуй разбери, кто там лежит под сплетением древесных корней.

– Тоська-то красавица была, как сейчас помню, – грустно улыбнулась Спиридонова дочь.

– Да и наш куда с добром, подстать Тоське, – вздохнул Спиридон.

– Парни по ей с ума сходили, а она по Кольше убивалась. Жили бы да жили – такая пара. Если бы...

– Если бы да кабы в рту бы выросли грибы, – жёстко осёк Пётр сестру. – Что Тоська, что наш, оба непути, к жизни неприспособленные. Пара сапог... Да наш ещё горячий, заполошный... Всё равно толку бы не было.

– Пошто? – заупряился Спиридон. – Парень выгулялся, остепенился после армии...

– И какого хрена он права качал перед теми рыбаками?! – осерчало сплюнул Пётр. – Жалко стало вонючего окуна... Пропади он пропадом!..

Чтобы не тянуть пустопорожние говоря, Спиридон вспомнил далёкое:

– Но рыбак-то Кольша смалу был – всем рыбакам рыбак. За то и любил его наш дед. Вот теперичи рядом и полёживают. Сошлись рыбаки навечно.

Помянув Николу, пожалев и его несчастную зазнобушку, вернулись к деду Хапу, молча постояли возле свежего, будто светящегося среди зеленоватой лесной тени, отмашистого креста. Спиридон вдруг суетливо стал собираться домой, заторопил дочерей, которые хотели ещё пройтись по мёртвой заимке. Похоже, ему, вдруг пуще остаревшему, сполна взявшему свои законные лета, больно стало от поминаний, как и горько... горше не придумаешь... было видеть заросли осинника и березняка там, где алела в зорях деревянная церквушка, окружённая избами, где прошла вся его добрая жизнь.

Перед тем как залезть в машину, Спиридон огляделся кругом и, перекрестившись, неведомо к кому обращаясь – не то к озеру, не то к заимке, не то к сыну с дедом, – прошептал:

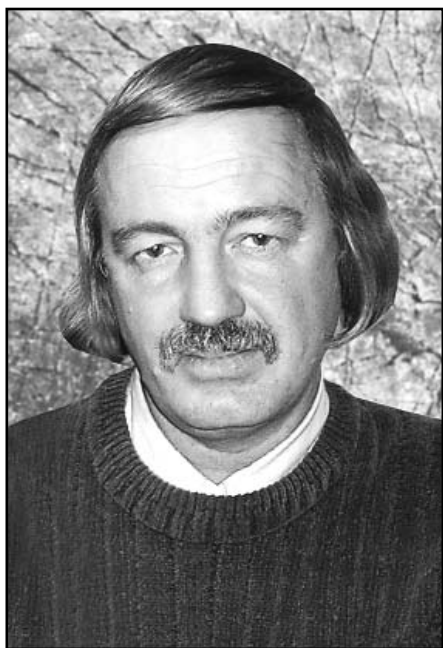
– Ну, прощайте. Даст ли Бог ещё свидеться, не знаю. Прощайте да не поминайте лихом.

1987, 1996, 2004.

ПОЭЗИЯ

Сергей
КЛЮШНИКОВ

Сергей Евгеньевич КЛЮШНИКОВ
родился 4 октября 1955 года
в селе Зудилово
Первомайского района
Алтайского края.
Отслужил в армии.
Окончил три курса
Литературного института
имени М. Горького.
Работал в рыболовном флоте
Дальнего Востока,
на заводах и стройках
Новоалтайска и Барнаула...
В краевой и центральной периодике,
в коллективных сборниках
и антологиях публикуется с середины
70-х годов XX века.
Он автор шести поэтических книг.
Лауреат краевых премий имени
Л. С. Мерзликаина (2001 г.)
и Н. М. Черкасова (2008 г.).
Член Союза писателей России
с 1994 года.
Живёт в Барнауле.

*Редколлегия журнала «Барнаул»
поздравляет его
с 55-летием.
Желаем вам,
уважаемый Сергей Евгеньевич,
больших удач –
житейских и творческих!*

НЕУДЕРЖИМЫ ДНИ

* * *

Прости мне, мама.
По-мальчишьи, в свист
Закручивают дни свои метели.
Покамест мне ещё не надоели
С судьбою споры. Лист кладу на лист.
А на дворе куражится февраль
И вместе с ним февралится погода.
И я не знаю, от какого года
Любить в себе надежду и печаль.
Прости мне, мама.
Всё наперекос
В тревожной мгле вчерашнего покоя.
Взойдёт луна – и что-нибудь такое
Я напишу весёлое до слёз.

15.02.09.

* * *

Свеча, да перо, да распластанный лист
Уже обречённой бумаги,
Да вечной метели немислимый свист
В порыве бездомной отваги.
Всё это – вчера. А сегодня – ни свеч,
Ни перьев с расщепом...

И выдохлась речь
Метели над вязью словесной,
Над вечной тоской поднебесной.

14.01.09.

* * *

Что же ты, строка моя ударная,
Выдохлась почти – на грани сна?
...Вот и наступила календарная,
Слишком календарная весна.
Слишком невозможная, сугробная,
Трудная – под взмахами лопат.
...И строка, живая, бесподобная,
Плачется в преддверии утрат.

03.03.09.

* * *

Скрытые возможности
От кого скрывать?
Скрытые возможности
Надо раскрывать.
Наше время скрытное
Нараспашку – ах!
...Что-то первобытное
Слышится в словах.

06.03.09.

* * *

Когда б вы знали, из какого
Позора мелочных обид
Встаёт взволнованное слово
И о прощенье говорит...
Когда б вы знали, по какому
Безумству храбрых небеса
Тоскуют, часу роковому
Отсрочку дав на полчаса...
Когда б вы знали, за какую
Печалью пройденных дорог
Всё поверяется строкою
Одной –
из многих тысяч строк...
Когда б вы знали!

03.07.10

* * *

Когда весь мир контужен
И холодно в стране,
Скажи, кому ты нужен
С полётами во сне?
Всё в жизни тишиною
Поверено, но вот
Зачёркнутое мною
Вдруг набело всплывёт.
Последнюю страницу
Серьёзно проживу,
Чтоб завтра повториться
В полётах наяву.

12.05.10.

* * *

Александру Паку

За штрихом штрих – гну линию свою.
За жестом жест – себя определяю.
Пусть не договорю, но выскажусь. А там
Вдруг святость озарит
греховное начало.

11.08.10.

* * *

Это где-то около любви.
А казалось, думалось – навывлет.
И теперь хоть душу раскрови, –
Всепрощенье скоро опостылет.
Я не слышу музыки окрест:
С прошлым надо молча расставаться.
На прощёном воскресенье – крест,
Ну а вербным сложно утешаться.

03.03.09.

* * *

Неудержимы дни.
В небе – столбы огня.
Боже, царя храни
И заодно – меня.
Рванный лоскут зари
Кровью – во все края.
Кончились все цари,
Но продолжаюсь я.
Мимо случайных дат,
Мимо чужих утрат –
Не на любой манер,
А на любой промер.

13.07.09.

* * *

Наша песенка спета.
Но, бывшее дробя,
Я всю ночь до рассвета
Проживаю себя.
Сокрушаться ли стану,
Вслух ли проговорю:
– Вот возьму и воспряну,
А потом воспарю.

Если зеркалу треснуть,
 Всё отступит во мрак...
 Не проблема – воскреснуть,
 Но воистину – как?
 От попыток устанешь,
 А вокруг поглядишь:
 – Для чего ты воспрянешь
 И над чем воспаришь?

05.04.10.

* * *

Татьяне Абросимовой

Сирень, омытая дождём,
 Вскипает яростно и странно.
 Я проживаю день за днём
 Себя – легко и неустанно.
 И наплывут издалека
 Воспоминания, как тени:
 Цветут в полнеба облака
 И дождь купается в сирени.

26.05.09.

* * *

Всё поверяется молвой,
 Но через край
 Бодрится клейкою листвою
 Холодный май.
 В каких безумствах рассчитать
 Число примет?
 Кукушка хочет подсказать,
 Да силы нет.
 Но если всюду благодать,
 Живи простей.
 Зачем давление сбивать
 В кольце страстей?

22.05.09.

* * *

Евгению

Я спичкой взволную печурку –
 И станет приветливой ночь.
 Спасибо тебе за дочурку.
 За дочку спасибо. За дочь.
 Пусть ветер гуляет по свету
 В бродяжьей своей простоте, –
 От счастья спасения нету,
 И все прегрешенья – не те.
 Накроется ночь тишиною,
 Какою тоской ни болей.
 Припозднилось время с весною,
 Но поздние дети – милей.

05.05.10.

* * *

Вино – всегда похмельное,
 Беда – всегда в пути,
 Но счастье неподдельное
 В продаже не найти.
 Не знаю, с чем прощается
 Печальная страна,
 Но дочка улыбается
 В кровати у окна.

11.05.10.

* * *

Дочке Сашеньке

То серьёзной, то лукавой
 Ты плывёшь по волнам дней,
 И запомнится верней
 Промельк ямочки на правой
 Щёчке розовой твоей.

29.08.10.

П Р О З А

Иван БУЛАХ

Иван Владимирович БУЛАХ родился 1 января 1942 года в с. Покровка Благовещенского района Алтайского края.

Его рассказы и повести публикуются в краевой и центральной периодике, в коллективных сборниках с середины 70-х годов минувшего века.

Он автор восьми книг прозы, изданных в Барнауле. Лауреат краевой литературной премии «Нива Алтая» (2003 г., учредители – Алтайская краевая организация Союза писателей России и «Алтайагропромсоюз»), краевого литературного конкурса имени В. Б. Свинцова (2009 г.).

Награждён медалями «Имени Т. С. Мальцева» – от Аграрной партии России, «За веру и добро» – от администрации Кемеровской области и Казачьим крестом III степени.

В течение нескольких лет работал главным редактором краевой газеты «Аграрник Алтая». Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

ПСЕВДОНИМ ДЛЯ САТИРИКА, или КОМУ СОЧУВСТВУЕТ БУЛАХ

Странные вещи творятся на свете. Интересно бывает посмотреть на привычные явления под иным углом зрения.

Мы привыкли, что Иван Булах – пересмешник, автор баек из деревенской действительности, ходячая энциклопедия басен из быта потребкооперации.

Впервые услышав его фамилию, я подумал: «Какой удачный псевдоним для сатирика!» Позже я убедился в справедливости начального впечатления. Его жизненный опыт, беспокойный характер и природный дар рождают меткое слово. А это уже радость!

Я читаю его неторопливое повествование и мысленно слышу надтреснутый голос с придыханием. В этом смысле Иван Булах занял нишу, оставшуюся после Владимира Свинцова. Более того, он продолжил в литературе гуманистическую линию своего друга и учителя.

Булах – дитя военного времени. Он родился в разгар битвы под Москвой. Может быть, поэтому в его рассказах о состарившихся солдатах так много доброты (см. журнал «Барнаул» № 1 с. г. – Ред.). Я вчитываюсь в его прозу и делаю неожиданный для себя вывод: Булах – лирик. Предмет его любви – народ. Герои его – русские люди. Порой они плутоваты, но не бездуховны! Одобряет автор поступки своих героев или осуждает? Скорее – сочувствует. Точнее, со-чувствует! Поскольку он сам из народной гущи.

Предлагаемая подборка рассказов Ивана Булаха достойно представляет автора и не без юмора приподнимает завесу над коллизиями сельской жизни минувших и нынешних лет.

Сергей БОЖЕНКО.

ГОРОХ ОБ СТЕНКУ

ЦЕННЫЕ КАДРЫ

Это было в самом начале освоения целины. К нам тогда ехал народ со всего Советского Союза и о славных трудовых достижениях Алтайского края знала вся страна. Впервые многие услышали слово «Кулунда», а Мария Мордасова пела частушки по радио:

*...Ой, боюсь, боюсь, Володя
В Барнауле влюбится!..*

Шутка ли – распахали почти три миллиона гектаров векового целика, построили сотни новых посёлков!.. Но самое главное – через десять лет после военной разрухи обеспечили страну хлебом!

Конечно, велась большая культурно-просветительная работа. К нам приезжали известные артисты знаменитого Мариинского театра из Ленинграда, виолончелист Мстислав Ростропович... Были у нас и молодые поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и другие. Наш земляк Роберт Рождественский перед целинниками, чуть заикаясь, читал свои стихи:

*Напряжение, как на войне,
Эшелоны хлеба – стране.
И от пота в глазах темно,
Это хлещущее зерно.
Моря! Океаны зерна!..*

На культурный фронт направляли и местные творческие силы – артистов и писателей.

Помню, однажды собрали большой десант творческой интеллигенции и отправили в Берёзовский район, а там нас распределили и развезли по целинным хозяйствам. Встречали везде хорошо, выступали мы от души, и было отчего. Представьте – кругом вороха золотой пшеницы, вместо сцены – машина с открытыми бортами, а вокруг нас стоят и сидят на хлебных ворохах целинники!.. Вот это аудитория! От всего этого чувствуешь крылья за спиной, осознаёшь причастность к великому делу. Это ли не счастье!..

Уже к вечеру руководство совхоза решило нас угостить на природе. Было незатейливое застолье – у костра уха и всё, что к ней положено. В одном кругу гости, партком, рабочком, целинники.

А надо вам сказать, что во время освоения целины стопок, рюмок и хрустальных фужеров не было, зато были гранёные стаканы по семь копеек. Кстати, это дизайн замечательного скульптора Веры Мухиной, которая известна, например, как автор знаменитого памятника «Рабочий и колхозница», ставшего ещё и заставкой к кинопроизведениям «Мосфильма». Так вот, когда мы в этом кругу осадили по два стакана водки и уже разлили по третьему, парень-целинник в тельняшке (видать, из флотских) говорит:

– Всё, ребята, я пить больше не буду.
– Как?! Почему?! – загалдели все.

А он так спокойно и рассудительно говорит:

– Я же за рулём. Мне ещё вас везти в Берёзовку, а потом в гостиницу.

И это после двух стаканов!..

Потом уже, когда мы всем десантом уезжали из района и нам устроили традиционное застолье, мы рассказали первому секретарю райкома про этого крепкого флотского парня. Какое же у человека должно быть здоровье и сила воли, если после двух гранёных стаканов он может сказать: «Нет!» А потом рулить сорок вёрст и при этом выглядеть как огурчик (а ему же ещё назад ехать!)!..

– Это надо учесть, – говорит первый секретарь райкома заведующему орготделом. – Найдите этого парня, побеседуйте и переведите в профком. – Потом подумал-подумал и уточнил: – Нет, лучше сразу на партийную работу! Нам такие кадры позарез нужны.

ПОСМЕРТНАЯ НАГРАДА

Работал у нас в колхозе главным зоотехником Пётр Петрович Востриков. До этого он трудился в знаменитом институте племенного животноводства, а уж потом приехал в Покровку. Человек он грамотный, с большой практикой, потому надоумил наших ударить по племенной части, и стали в хозяйстве разводить породистых овец. Года три прошло, и наши барашки стали давать колхозу большую прибыль. Но торговали не мясом или шерстью, а овцами на племя. Судите сами: бараны-производители были под 140 килограммов, а овцематки тянули под центнер. Вот за них-то и гребли лопатой деньги.

Всем Пётр Петрович глянулся начальству, но была у него одна слабость – с горя или радости, бывало, загулит с друзьями-коллегами на несколько дён. А так он был очень работающий, и его ценили.

Ясное дело, слух пошёл про наш колхоз. Как-то в Родинском районе в госплемзаводе «Степной» проводили краевой День овцевода и затребовали привезти наших овец на выставку. Пётр Петрович стал психовать и отказываться, говорит, что, мол, овцеводство в хозяйстве только-только становится на ноги, рано, мол, хвастаться. А начальство, оно же подневольное, только руками и разводит – надо!

Ладно, приказал он чабанам поймать в отаре любых четырёх ярок и, чтобы только отвязались, повёз их на выставку. Приехали. Расположились, отвели им небольшой загончик. Сгрузили они овец, поставили палатку и, как цыгане, запалили костёр. Сами себе варят ужин, а дым комаров отгоняет. На другой день вся эта канитель с экспертной комиссией. Потом подвели итоги – и вдруг... новость: одной из его ярков присудили золотую медаль! И его, конечно, не обошли – вручили диплом, а к нему хорошие денежки.

Пётр Петрович человек понятливый – сразу в лавку и как следует затарился. И кто только не побывал у них в палатке: и высокое начальство, и друзья, и коллеги. Само собой, гостей надо угощать. А какое лучшее угощение? Ясное дело – шашлыки! И, разумеется, среди гостей была прекрасная половина человечества – веттехники, стригали и сакманщицы. Ближе к ночи появилась гармошка. Вот тут всё и началось... И случилось...

Короче. Вернулся Пётр Петрович домой... только через три дня. Увы, без премии и без... овец. Утром, хмурый, заявляется в правление, кладёт председателю на стол золотую медаль, а сам бормочет, что, мол, зря его посылали на эту выставку... Наш председатель уже наслышан о победе, хвалит его. Потом спохватился, спрашивает:

– А где же сама медалистка?

Пётр Петрович почесал затылок и смущённо так говорит:

– Считаю, что её наградили посмертно.

ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

Когда распахали целину, то в первый год выдался небывалый урожай. Синоптики наобещали дождливую погоду, поэтому все торопились с уборкой. А поскольку уборочной техники не хватало, то из хозяйств, которые уже завершили уборку, комбайны перегоняли в соседние районы, чтобы оказать помощь.

У нас в районе тогда работал начальником сельхозуправления Середина Максим Григорьевич. Вот рано утром у него идёт планёрка со всеми специалистами управления по уборочной, и вдруг – телефонный звонок. Он подымает трубку и сердито говорит:

– Вас слушает Середина.

А в ответ слышит из трубки:

– Вас беспокоит Пятница...

Середина сердито швырнул трубку и закричал: «Тут продыха нет, а они лезут с идиотскими шуточками!» И только опять взялись за свои гектары, центнеры, вновь раздаётся звонок. Максим Григорьевич машинально хватается телефон, представляется:

– Середина слушает вас...

– Пятница говорит с вами...

Максим Григорьевич как заорёт в трубку: «Ты, придурок! Ещё раз позвонишь, я тебе устрою эпилепсию!» – и тут же даёт команду радисту переключить его прямой телефон на приёмную, а агроному – «сесть на телефон» и разобраться «с этим приятелем Робинзона Крузо – Пятницей».

Опять начали обсуждать ход уборочных работ, но тут вбегает агроном и испуганно шепчет:

– Максим Григорьевич!.. Это вам звонит... Семён Ефимович Пятница – Герой Соцтруда, что возглавляет знаменитую Петуховскую МТС. Он с колонной техники уже в нашем районе и... никак не может добиться, куда направлять комбайны. Что ему ответить? Он ждёт...

Максим Григорьевич лично помчался на своём «газике», чтобы извиниться. Но Семён Ефимович Пятница только посмеялся над необычной ситуацией и помог ещё до дождей обмолотить пшеницу и убрать всё зерно с полей. На то он и Герой. А фамилии? Такие достались от родителей...

ОБ ЭКОНОМИКЕ И САМОКРИТИКЕ

Расцвет застойного времени правления Л. И. Брежнева. С товарами в стране напряжёнка, но талоны на сахар, мыло и хлеб ещё не вводили. Очередной исторический XXIV съезд КПСС отмерил очередную пятилетку под девизом «Экономика должна быть экономной!» Никто как-то и не заметил несурезицы девиза – получается, что масло должно быть масляным, сахар сахарным, соль солёной, спорт спортивным...

По всей стране в парторганизациях стали проводить обсуждение итогов съезда, и коммунисты «одобряли» всё, что сказали партийные товарищи наверху.

Мы в тресте тоже обсуждали. Был доклад секретаря партбюро, потом должно быть несколько выступлений. Первым выступил пенсионер – старый большевик Власов Савелий Степанович. Он, как бывший начальник экономического управления, всё пытался расшифровать, что это за ребус – экономика, которая должна быть экономной? Он, как экономист, и задал тему обсуждения.

И до того запутал нас, что дальше, хоть убей, кто ни начнёт выступать, всё не то горюдит. Снабженцы – про малые фонды, директор автобазы – что не хватает запчастей, авторезины и бензина. Даже завхоз Кустов туда же – у него кто-то со склада украл ведро олифы. И так дальше – всё не по теме.

Секретарь видит такое дело, решил поднять Михаила Семёновича Прошкина, тому гвоздь покажи, он про него может час молоть. Вызывают его на трибуну, а он не готов, поскольку малость вздремнул в ходе обсуждения доклада. Сморило его.

Но по привычке быстро сориентировался. У соседа спросил, что обсуждают, кто уже выступил, и напрямиком на трибуну. Начал с надрывом и болью.

– О какой экономике можно говорить, если за пятью бочками белил на лакокрасочный завод за двести вёрст направляем шестнадцатитонный КамАЗ! А теперь подсчитайте, во что нам обошёлся каждый килограмм? А ведь туда и оттуда на наших базах есть попутный груз. Так почему тот, кому это положено, не побеспокоился об этом, а гоняет такую машину порожняком? Почему, я вас спрашиваю? До каких пор это будет продолжаться?..

Секретарь партбюро его и спрашивает:

– Михал Семёныч, а кто должен был об этом позаботиться и распорядиться?

Тут оратор Прошкин слегка запнулся, но, будучи настоящим коммунистом, честно ответил:

– Я!

Вот это и есть партийная сознательность и самокритика! Все заплодировали, но тут появилась беспартийная техничка Никитична. Она выключила свет в зале и стала ворчать:

– Расходитесь уже по домам! Который час воду в ступе толчёте. Вон сколько люстр горит. Экономить надо свет и провода.

На этом экономная экономика и закончилась.

«КИТАЙСКИЕ» ПЧЕЛОВОДЫ

У нас почему-то гаишников, этих... людей с большой дороги с их полосатыми палками, не любят. Какие бы лютые законы ни принимало государство, чтобы искоренить взятки на дорогах, получается по Крылову: «А Васька слушает да ест». Но иногда и у них не всё бывает гладко. Случается, что они в день собирают с шоферов даже меньше месячной зарплаты. Или того хуже. Вот об этом и расскажем.

Когда зацвёл эспарцет, гречиха и налил золотом свои шляпки подсолнечник (а это для пчёл самый взяток нектара!), Степан Сергеевич с мужиками решил вывезти свои улья поближе к медоносам. Пошли к Олегу Капустину, у которого был свой бортовой ЗИЛ, поговорили, и он согласился перевезти пчелиные улья в поле. А улья-то старенькие, поэтому его предупредили:

– Олег, ты, пожалуйста, езжай осторожно, чтоб не растрясти улья, а то рассыплются, и тогда быть беде.

Ладно. Поехали. Олег едет передом, мужики следом на «жигулёнке». А перед Павловском тогда была хорошая дорога, не шелохнёт, вот Олег и набрал скорость под сотню. Только вдруг видит – поперёк дороги узкая полоса от траншеи, видать, асфальт потревожили, потом щебнем засыпали, а до ума довести забыли. Машина со всего хода ка-а-ак у-у-ухнет!.. Брезентовая палатка с ульями подпрыгнула вверх и осела. Степан Сергеевич сразу схватился за валидол и заголозил:

– Всё! Кирдык нашим ульям!..

Тут рядом пост ГАИ, и вот они – эти ребята с полосатыми палками.

– Стоять! Документы! Что везёте?

Олег суёт им водительские права и говорит:

– Везу пчёл.

А гаишники – народ ушлый, в это время как раз все воруют дрова в бору, а чурки маскируют под габаритный груз. Это для гаишников стопроцентная пожива: или плати им в карман отступное, или вызывают лесников, и тогда акт, суд, штраф – себе дороже. Вот они и размахивают своей палкой и кормятся дровами.

- А не сосновые ли чурки у тебя, дорогой товарищ?
- Я же говорю – пчёл везу, – оправдывается Олег.
- Пчёл рассыпью везёшь или навалом? – балдеют гаишники.

Тогда Олег, не будь дураком, решил их проучить: «Ну, я вам устрою сюрприз, сами напросились». Говорит:

– А если вы такие бдительные, то проверьте, – а сам поплотнее дверь кабины закрыл и боковые стёкла до упора поднял.

Один настырный гаишник становится на подножку ЗИЛа и поднимает угол палатки. А там пчёлы злые-презлые, потому что их действительно везут как дрова, ждут – на ком бы отыграться... Мама родная!.. Пчёлы всем коллективом вырвались на волю и давай понужать этих разбойников с большой дороги.

Что было! Пока те до своей «синеглазки» добежали, каждый схлопотал по самое «не хочу». Забаррикадировались в «уазике» и орут по громкоговорителю-матюгальнику: «Ты... уезжай к... матери!..» (В переводе на литературный язык – «Будьте добры, уважаемый водитель, пожалуйста, уезжайте как можно скорее!»)

Тут Олег по газам и вперёд, Степан Сергеевич с мужиками на «жигулёнке» следом за ним. И это ещё не всё.

Дело было в выходной день, потому у этой истории было продолжение, о котором мы узнали позже. Надо же такому случиться, что в это время начальник краевого УВД генерал-майор Бельков ехал с дачи домой. Поравнялся он с постом ДПС, дежурные узнали «Волгу» начальника и взяли «под козырёк». Начальник мельком на них глянул и уже было проехал, а потом и подумал: что-то с ребятами непорядок. Притормозил, спятил машину назад, выходит. Видит, что у ребят, как говорится в народе, «вся морда лица» взялась подушкой, а вместо глаз узенькие щёлочки. Ребята с перепугу как рывкнут:

– Здр-р-равия желаем, товарищ генерал!

Тут уж «товарищ генерал» и попёр на них:

– Пьёте, сволочи!.. Противно глядеть – морды... заплыли, как у китайских пчеловодов!.. Вы совсем?..

Вот такая вышла история. Оказывается, и гаишникам не всегда везёт.

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ

Кто постарше, тот помнит, как работали мясокомбинаты при советской власти – мясо и колбасу тащили не только рабочие, но и начальство. И как ни бдила вневедомственная охрана и ОБХСС, всё равно воровали. Всех же обыскивать не будешь. Да и как?

С мужиками проще – обшарили, вытрясли пакеты с мясом, колбасой и пиши протокол, а вот с дамами сложнее. Тут смех и грех: когда они идут на работу, то все тощие, как из Дома моделей, а со смены возвращаются толстющие. А женщину ощупать охране нельзя – закон не позволяет. Для острастки одну-другую заташат в смотровую комнату, где досмотр может делать только женщина в погонах, и то если найдут понятых, а ими из своих никто не идёт. При таком раскладе мясокомбинат работал в убыток.

У нас на мясокомбинате на весовой скот принимал Фёдор Кузьмич. Работал он более двадцати лет и дело своё знал. Его весы проверяла инспекция, сами сдатчики скота, а придраться не могли – работали как в аптеке. И при этом он обдирал деревню за милую душу. Делалось это элементарно.

На площадку пятитонных весов загоняли до десяти голов скота, а когда животные успокаивались, он кричал: «Вешаю! Готово!» Сдатчики скота сами видят – всё по-

честному. А весь секрет был в том, что в яме, где был смонтирован механизм весов, сидел Коля Сироткин. Как только он услышит заветное «вешаю!», хватается какие-то рычаги и тащит изо всех сил на себя, пока не услышит «готово!».

В итоге только за день от таких взвешиваний у Кузьмича из воздуха получалась лишняя пара коровок или бычков. За месяц таких бычков набирался целый табун. Но это мелочь против того, что вытворяли ветеринары. Они запросто могли скот средней упитанности принять даже тощак. Вот тебе и дармовое мясо для комбината.

Но вернёмся к Кузьмичу. Сами понимаете, задарма в яме сидеть и дёргать нужные рычаги будет только дурак, поэтому Коле причитался дневной спецпаёк: две бутылки вина и колбаса.

Вот так и выравнивался мясной баланс социализма. Начальство комбината делало вид, что ничего не знает, начальник цеха делал вид, что всё знает, но так положено. Коля был весьма доволен, сам же Кузьмич с совестью был в ладах – у него пухла сберкнижка.

Но однажды случилась беда. И всё потому, что в магазине вышел перебой с вином и Кузьмичу пришлось для спецпайка брать водку. К тому же он по привычке сунул в яму сразу две бутылки водки вместо одной. В итоге Коля скоро окосел и в состоянии эйфории начал дёргать не те рычаги.

У Кузьмича за двадцать лет работы глаз намётанный, потому почувствовал – что-то не то. Вместо прибыли начал работать себе в убыток, так как его подельник залил шары и перепутал отработанную систему доходов! Но ни это главное, а то, что Коля с алкогольной радости в этой яме... запел!.. Представляете? Рабочий день, на весах скот, все суетятся, а из ямы несётся: «Миллион, миллион алых роз...» Колхозники подняли такой хай, вызвали комиссию. Ну и что? Просто пьяный рабочий свалился в яму, эка невидаль. Повторно взвесили скот, а там 150 кг в пользу деревенских. Мужиков пристыдили и в придачу сбросили эти полтора центнера. Не повезло Кузьмичу, выходит, он день работал «бесплатно».

Колю Сироткина сразу за шиворот – и вышвырнули за ворота. Вскоре его место занял Мишка Харламов и всё пошло по-старому. Фёдор Кузьмич кричал: «Вешаю! Готово!», а Мишка тянул на себя нужные рычаги.

ИЗВИНИТЕ, СЭР!

После войны, когда сибиряки вернулись с фронта и начали осваивать целину, часто новым сёлам давали названия городов Европы, которые они узнали или освобождали: Варшава, Берлин, Канны, Орлеан... В нашем районе был целинный посёлок Лондон, названный так в честь столицы союзников по второму фронту.

Однажды трактористу из этого Лондона, Степану Братышеву, выпала честь – в составе краевой делегации целинников он поехал в Москву на ВДНХ. А в магазинах тогда было ещё худо с товарами, поэтому, чтобы не ударить в грязь лицом, краевое начальство расстаралось и всех приделало, в том числе и Степана. На краевой оптовой базе помогли ему купить костюм, шикарные ботинки, шляпу и даже модный галстук.

По Москве он ходил вместе с делегацией. Всё было нормально. Но однажды, возвращаясь с ВДНХ, когда уже подошли к гостинице, он решил зайти в магазин купить папиросок. Купил. Выходит. От группы отстал. До перекрёстка со светодорожкой обходить далеко, а если напрямки, то до гостиницы рукой подать: перешёл дорогу – и вот она. Он и подался напрямки догонять своих, от машин увёртывается, а шофера что-то ему кричат и грозят кулаками.

Вдруг милицейский свисток, и вот он – строгий милиционер с жезлом. Представился и грозно говорит:

– Гражданин! Почему вы переходите улицу в непопознанном месте? Это непорядок, – и достаёт книжечку с квитанциями, чтобы выписать штраф.

– Да? А у нас в Лондоне улицу переходят, где хотят! – говорит Стёпа Братышев, а сам стоит такой представительный, в костюме, в шляпе, при модном галстуке.

Милиционер сразу обмяк, руку под козырёк и вежливо говорит:

– Извините, сэр! Прошу вас, – жезлом остановил поток машин и перевёл Стёпу на другую сторону улицы, прямо к гостинице. Ещё раз козырнул и ушёл.

Стёпа понял, что он сдуру что-то нарушил, но говорить всем об этой промашке не стал. Лишь на другой день спросил у старшего группы:

– Василий Николаевич, скажите, а слово «сэр» не матерное?

ДОМОФОН

Сейчас во всех домах устанавливают домофоны. И правильно делают. Воспитанием никто не занимается, потому молодёжь превратила чужие подъезды в притоны. Особенно зимой, когда на улице холодно. Там парни и девчонки вечерами собираются и гужуются до полуночи. И попробуй сделать замечание – себе дорожке. Техничка Михайловна жаловалась, что по утрам ей приходится выметать не только пустые бутылки, окурки, шприцы из-под наркоты, но даже...

Пригласили работника фирмы, он говорит: «Если нужен домофон – гоните с каждой квартиры по две тысячи рубликов за монтаж спецтелефонов и установку в подъезде стальной двери». Все согласились, кроме Николая Петровича из десятой квартиры. Он говорит:

– Я, как фронтовик и бывший секретарь райкома, скажу: это демократы довели страну до того, что стало опасно в подъезд заходить! Такой преступности при коммунистах не было! Если власть не может навести порядок, то пусть из бюджета оплачивает гражданам вынужденные затраты на самооборону!..

Началась буза. Большинство согласно, а пенсионеры и фронтовики – ни в какую: «За что боролись?!»... Мужик из фирмы говорит: «Договоритесь – звоните!» И ушёл.

А так как во всех домах домофоны уже установили, то молодняк стал активно обживать наш подъезд. А тут ещё кто-то на двери Николая Петровича стал писать обидные гадости. И он решил поймать хулиганов. Как-то услышал на лестнице топот и смех и сразу бросился к дверному глазку. Видит, стоит у его двери девчушка и хихикает. Он как бухнет кулаком по железной двери, как выскочит на площадку да как заорёт: «Ах ты дрянь! Попалась!» А та испугалась, пятится назад, что-то лепечет и извиняется. Николай Петрович глянул на свою дверь и совсем озверел – там мелом написано: «Петрович – козёл!»

– Вот хулиганка! И ты туда же! – Сдёрнул с её головы меховую шапочку и начал ею стирать надпись про козла. Потом ухватил девчушку за шиворот, поддал коленкой под зад и спустил с лестницы. Та чуть не упала, ревёт, слёзы ладошкой огребаёт. Николай Петровича тоже бьёт озноб, никак не может успокоиться...

Через некоторое время звонок. Пошёл, по привычке смотрит в дверной глазок и видит: стоит Варвара Максимовна из шестой квартиры, а рядом с ней растрёпанная и заплаканная та девчушка. Что такое? Он открывает дверь, а соседка и говорит:

– Петрович, ты совсем?.. Был секретарём райкома, а в людях не разбираешься!.. Это же Наташа – наш новый почтальон. Она тебе пенсию принесла, а ты ей нахамил, шапку изгадил да ещё пинками спустил с лестницы!..

Понял Николай Петрович, что вышла ошибка. Про козла написали хулиганы, а она просто попала под раздачу – за то, что смеялась над этим лозунгом. И вот тут он поступил как настоящий коммунист! И как!.. Чтобы загладить свою вину, он первым делом соседку и нового почтальона угостил чаем с вареньем. И это ещё не всё. Поскольку у него, как у фронтовика, была хорошая пенсия, то (чем весьма удивил всех!) он купил Наташе шапку из меха голубой норки! Представляете?! А потом ещё лично обошёл весь подъезд и собрал с жильцов деньги на домофон. Вот что может сделать критика, даже в столь обидной форме.

О ПОЛЬЗЕ КОМПЬЮТЕРОВ

По весне решили у нас в Покровке провести сход села. Главный вопрос – наймы пастухов. Деревня наша большая, скота много. Как сейчас в селе без личного хозяйства, если колхоз распался и каждый выживает как может? Да ещё этот чёртов финансовый кризис. Без скота и пастуха не обойтись.

К вечеру возле клуба собралось много народу, а между ними крутится интернатская ребятня во главе с Федюшкой. И надо же такому случиться: дождик накапывает, а попасть в клуб не могут – разиня завклубом потеряла ключ от секретного замка. В деревне к тому времени появилась мода ставить электронные замки: приставишь металлический кружочек поменьше копейки, и он заворкует: «Уви-уви-уви...» Открыто! Первыми начали ставить электронные замки приезжие из города, врачи и учителя, которые жили в двухэтажках. Они стали пробовать своими ключами открыть дверь, но у каждого ключа свой код – это же вам не амбарный замок, а электроника.

Народ волнуется, жмётся под навесы. Дверь богатая, ломать жалко. Что делать? И тут кто-то предлагает:

– Надо Женю Климашина позвать. Пусть обществу хоть раз с пользой послужит.

Послали за Женей. А надо вам сказать, что Женя всю жизнь вскрывал сейфы и подламывал магазины, тем и кормился. Правда, пока не посадят, а сажали его часто. С годами притомился и устроился в колхозе электриком.

Приходит Женя. Тут его все даже зауважали. Руки у него, как у хирурга, чуткие. Достал он какой-то приборчик и начал колдовать. Возился-возился... Возился-возился... Ничего не получается. Он и говорит:

– Тут американская система защиты, с блокировкой...

Стыдно ему перед земляками. А может, волнуется, вскрытие замков – дело интимное, а тут ещё под руку бурдят:

– Куда тебе до электроники, тебе только ломиком и орудовать.

Дождь всё пуще, а ведь не уйти – коров-то кому-то пасти надо. Лето впереди. Кого выберут пастухами? И главное – сколько они будут брать за пастьбу?

И тут интернатский Федюшка вдруг подаёт голос:

– Давайте я вам открою этот замок.

– Ты чё, малец? Женя не открыл, а ты куда суёшься?

– Да открою, – горячится Федюшка, – только сбегаю в интернат за машинкой. Здесь система простая. Я мигом.

И верно, вернулся быстро, а в руках у него нечто побольше футляра электробритвы. Он как-то его к замку приспособил, чем-то там щёлкнул, что-то по-комариному зажужжало, потом закурлыкало: «Уви-уви-уви...» Дверь и открылась.

Стали его хвалить: «Ай да Федюшка!.. Ай да молодец!..» Ребёнок – он и есть ребёнок, ему доброе слово, он и разоткровенничался:

– Это всё пустяки, – говорит. – Чего уж там! Труднее, когда просто на засовах с секретом. А так не такие открывали. Все эти электронные замки и разная сигнализация – мелочь. Нам в школе это преподают.

– Как? Вас учат в школе замки открывать?

– Не-а. Нам знания дают, а куда их направлять, мы сами догадываемся. У нас есть компьютерный класс со своим сервером. Мы можем через провайдер зайти в Интернет, а там есть много программ. У нас был хороший учитель по информатике – Евгений Палыч. Да вы его должны знать – это же лучший хакер нашего времени! Он сумел зайти на сервер самого Пентагона и взломал защиту секретной компьютерной системы. Вот где был переполох. Его еле-еле вычислили...

– Страсти какие! Это не тот ли будет парень, которого арестовали и посадили в тюрьму?

– Как же, арестовали его! Да если хотите знать, он сейчас у наших военных в какой-то секретной лаборатории работает.

– Ага. Так тебе про это и скажут! Молод ещё, а туда же, врать.

На это Федюшка обиделся.

– Зачем мне врать? На это есть Интернет. Евгений Палыч иногда заходит к нам на сайт – пообщаться. Но этого вам не понять.

И правда, никто не понял: где-то у чёрта на куличках сидит в лаборатории этот головастый Евгений Павлович и как-то умудряется заходить к интернатской шпане в гости. Бред какой-то.

– И чему вас научил этот ваш знаменитый хакер?

– Он нас научил мыслить и быть с компьютером на «ты». Когда делать нечего, мы даже спорим, кто быстрее войдёт на сервер городского банка и через кракер взломает там защиту. А все эти замки для нас – семечки. Закладываем в мультимедийный проектор задание, и компьютер через три секунды выдаёт нужные чертежи. Потом в слесарной мастерской из заготовок делаем ключи.

Тут как раз воспитательница из интерната была, тоже на сход по выборам па-стухов пришла. Она и спрашивает:

– Так это вы вчера конфеты стащили из кладовой?

– Не-а. Конфеты девчонки спёрли. Мы мясо берём. Есть охота, вот мы ночью котлеты и стряпаем. Голодно у нас.

– И часто вы лазите по кладовкам?

– Лазим всегда, только вот мясо бывает редко. Его повара с директором раньше нас домой в сумках уносят. На этой неделе всего раз нам и перепало.

– А почему тогда участковый каждый день акты пишет?

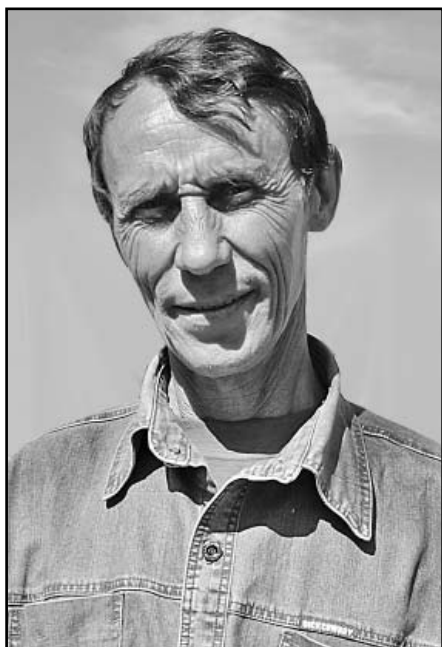
– Как почему? Директор его зовёт, чтоб списать то, что они раньше нас украдут. Ещё его водкой поят...

И только тут Федюшка спохватился, что наговорил лишнего...

ПОЭЗИЯ

Виктор
КОВРИЖНЫХ

Виктор Анатольевич КОВРИЖНЫХ
родился 5 ноября 1952 года
в с. Старобачаты
Беловского района
Кемеровской области
в простой крестьянской семье.
По окончании средней школы
работал на промышленных
предприятиях области:
электросварщиком, трактористом,
монтёром, машинистом...
С начала 80-х годов
его стихи и статьи публикуются в
областной, региональной
и центральной периодике.
В течение ряда лет работал
в журналистике –
корреспондентом, редактором.
Соавтор ряда коллективных
сборников и антологий,
автор пяти поэтических книг,
изданных в Кемерове.
Лауреат премий
в номинации «Поэзия»:
журнала «Огни Кузбасса» (2006 г.)
и областной «Образ» (2007 г.).
Член Союза писателей России
с 1997 года.
Живёт в с. Старобачаты.

ДЫХАНИЕ ПРИРОДЫ

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Открылись неба синие глаза,
запели краски радуги над домом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
глухой стеной стоящая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день
как на младенца после трудных родов...

СТАРОБАЧАТЫ

Всё перестроили в русском краю!..
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки Старобачат,
ветры степные польнью горчат.

В купах черёмухи и тальника
белую лебедь качает река.

Щука с Емелей и чёрт с водяным
мирно живут за окошком моим.

Звоны и ягоды в травах густых
вспомнят заглавия сказок моих.

Яви и вымысла зыбкая грань.
Здравствуй, лесная моя глухомань!

Милая родина, вечности птах...
Здесь лишь воскресну листвою на кустах!

Тешьтесь вы – Господи! – в вашем раю,
только не трожьте деревню мою.

Белая лебедь томится во мгле,
трудно не петь мне на этой земле...

СВЕТ В НОЧИ

Светом серебряным куст озарился,
птицы ночной голосок прозвенел.
То ли ребёнок в рубашке родился,
то ли на землю Господь посмотрел?..

Снова темно. Лишь почудился вроде
вдох потаённый в ночной тишине.
Ветер вздохнул? Или, может, Природе
виделось светлое что-то во сне?..

***

Овраги за оградой и тальник.
Затем бугор за школою и – воля!..
Рассыпан петушиный звонкий крик
цветами перепёлкиного поля!

Потом – холмом возвышенный лесок,
наполненный мечтами и полётом.
Там дудочки зелёной голосок
томится за берёзовым заплотом.

Затем ручей, впадающий в Июно,
а дальше – лес застыл раскатом грома.
А дальше – чёрт пугает ребятню,
чтоб далеко не бегала от дома.

***

...смолк перезвон колокольный,
призрачно, будто во сне.
Словно Всевышний невольно
вспомнил о прошлой войне.

Словно всё главное – мимо.
Мимо отцовской избы.
Словно коснулась незримо
тьнь безымянной судьбы.

В тихих цветах подоконник,
тихий мерцающий пруд.
В красный закат, как в икону,
красные кони идут.

***

Везёт мне: я родился и живу!
На родине. У солнца на примете.
Кошу с отцом на пасеке траву,
и жить мне очень нравится на свете!

Лежать в траве и в дудочку свистеть.
Небесный свет загадочно струится,
что можно даже к облаку взлететь
и вниз сойти, сойти и не разбиться.

Какой сюжет искать в стране другой?
Здесь солнце обозначило границы:
восходит из-за леса над рекой
и за горою Лысою садится.

Теченье дней исполнено забот,
и помыслов высоких, и отваги.
Здесь ангел в роще Заячьей живёт
и чёрт живёт за мельницей в овраге!

...Горит над огородами звезда,
а самая желанная, родная
живёт в кирпичном доме у пруда
и о любви моей ещё не знает...

***

Слава Богу, что есть ещё лето,
облака, одуванчики, птицы!..
И красивая девушка Света –
я в неё собираюсь влюбиться.

Я бы с ней день и ночь целовался
в пасторальном ромашковом поле.
Я в любви ей сейчас бы признался,
да боюсь, мне жена не позволит.

Но в тенетах домашнего плена
под цветение томной сирени
в честь её напишу непременно
совершенное стихотворенье!

Напишу я, как птица томится,
про любовь напишу и природу,
что жена, прочитав, прослезится
и отпустит меня на свободу.

«АВЕ МАРИЯ»

В этом доме когда-то я в детстве бывал.
Там картина над спинкой дивана,
в тёмных плюшевых шторах
изысканный зал,
в зале – книги и фортепиано.

Там сирень ароматом дышала в окно.
Был тот мир мне совсем незнакомым.
Мне казалось, там люди пришли из кино
вместе с садом, сиренью и домом.

Там вечерней порой пили чай при свечах
под нерусские песни с пластинок.
Говорили о Шуберте и флюгерах,
о строительстве и Метерлинке.

Там красивая женщина – как её звать,
я не помню... Лишь помню, как мило
улыбаясь, давала мне книги читать
и со мною на «вы» говорила.
И на фортепиано играла она!
Танцевали на клавишах руки,
рассыпалась на тысячи звёзд тишина,
звёздам плакались нежные звуки.

Мне казалось, я сплю и летаю во сне,
сердце сладкой сводило истомой!..
«Это – «Аве Мария», – ответили мне
благородные жители дома...

В этот дом я когда-то
как в храм приходил,
оставлял за дверями ботинки.
И я женщину эту наивно любил
вместе с Шубертом и Метерлинком.

Как мечтал я тогда тайны звуков понять,
овладеть музыкальной стихией.
Чтоб, великим маэстро вернувшись,
сыграть
этой женщине «Аве Марию».

...Они вскоре уехали строить мосты
на Восток. В дом вселились другие.
И я долго пытался в них видеть черты
от божественной «Аве Марии»...

***

А по улице нашей дома – теремки!
Мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах
резные коньки,
на наличниках – яркие краски!

В каждом доме –
достаток, уют, чистота
и дворы в образцовом порядке!
В крепких прибранных стайках
скотинка сыта,
и прополоты вовремя грядки!..

А Кудесников Гриша в избушке живёт.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде осот,
трын-трава на душе и на крыше.

Ах, позорит всю улицу Гришин хором!
Ни стыда у владельца, ни страха.
Осуждают соседи, грозит исполком
наказать нерадивого штрафом.

Ни семьи у него, ни забот, ни хлопот.
Заведёт радиолу и важный
на пороге сидит и про море поёт,
и плюёт на зажиточных граждан.

И судьбою доволен...
Беспечный чудак
всех бродячих собак привечает.
Ловит рыбку в реке,
кормит рыбкой собак,
и собаки его уважают...

Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избёнке.
За окошком у Гриши растёт тополёк,
как свеча перед тёмной иконкой...

СТАРУХА

Старухе этой – девяносто с лишним.
Уж немощна она, да и слепа.
Но, видно, бережёт её Всевышний
и к смерти не протоптана тропа.

Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живёт.

Ей совестно за немощность и кашель,
и потому украдкой от родни
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены.

И по ночам к Всевышнему старуха
зывает все грехи её простить.
И – умереть, пока тепло и сухо,
чтобы зимой могилку не долбить.

***

Не всем по плечу безымянная слава,
что в жизни обыденной просто живёт.
И пусть не узнает, как прежде, держава,
как странник народный до Бога дойдёт.

Начнёт, зарядившись от слова простого,
в одичавшую землю бросать семена,
заселять голосами глухие просторы,
возвращать потерявшим свои имена.

Созвучна Природа

с божественной Волей,
любовью и светом желанным полна!..
Журчаньем ручья, колосящимся полем
по имени нас окликает она.

ОТЕЦ

«Райский сад рукотворен, –
отец говорил. –
Чтобы вырастить сад для услады,
поначалу лопату Господь сотворил,
а затем уж Адама изладил...»
Сад библейский взрастил
и взлелеял Адам,
но приелась однажды лопата.
Замечтался Адам,
и пришлось к рукам
пулемёт сатаны и граната...
Проступила дорога в дыму и огне.
Время нянчит сирот в колыбелях.
Ищет славы Адам на далёкой войне,
ищет Ева любви на панелях...

Заструился весенних проталин дымок,
обозначилась даль в перелесках.
Точит батька лопату, затем черенок
отшлифует наждачкой до блеска!
Он повертит лопату и – яркий павлин
просиял на мгновение вроде!
(Вот с такую лопатой электрик Ильин
клад нашёл у себя в огороде!)
Как дворянская знать,

возвышает свой быт,
только вместо клинков и мушкетов
у отца инвентарь под навесом висит
на стене благородным сюжетом.
Как торжественно

батька идёт в огород!
Кропотливо над грядкой ворожит.
И возвышенный миг в его сердце поёт –
передать только музыка может!
Дышит светом,

теплом и любовью весна,
бродит солнце в гряде огуречной!
Засевает отец овощей семена,
как разумное, доброе, вечное!
Вот и голос зелёный над грядкой завис –
так отзывчива пашня к заботе.
Скажет батька:

«К субботе созреет редис!»
Непреренно созреет к субботе!
Впрочем, что там редис,
если сочный мажор
льют листвою заборы подворья!
В землю корни пустил,
распустился забор,
и кукушка поёт на заборе!..
Улыбается батька с лопатой у ног,
как прообраз бессмертного века:
задышала земля, просиял черенок,
мысль по древу – судьбой человека.

У отца моего так настроен топор,
что услышится звон колоколен!
Что неволью возьмёшь
да и срубишь собор
или дров на неделю наколешь!
Да, тот самый топор,
что когда-то давно
прорубил в темноте ради света
во Европу окно... И полезли в окно
паровозы, бананы, ракеты...

Осерчает отец, и топор над землёй
застит дали огнём и дымами.
А когда запоёт: «Хас-Булат удалой...» –
разродится топор теремами.

Всё же страшно оставить топор у ворот
беспризорным –

душа не на месте.

Выйдет тёмная память из топких болот
и во мгле затаится окрестной.

Хвойный снег упадёт

на тропу похорон,

льдом покроется мрамор улыбок.

Отразился закатный в реке небосклон,
онемела прозревшая рыба.

Всё в одном топоре: и исток, и конец.

Ничего просто так не бывает.

Свой топор, как судьбу,

держит крепко отец

и в сарае на ключ запирает...

ИЛЮХИНСКИЙ ПЛЁС

Старые ивы сомкнули
кроны над тихой водой.
Здесь мне в начале июля
встретился мальчик с удой.

Странный, как житель чащобы,
шёл он по краю реки
в длинной рубахе холщовой,
стыли в глазах сквозняки.

Он поравнялся со мною,
жалобный вырвался стон.
За тальниковой стеною
дымкой рассеялся он...

Давнюю повесть утраты
слышал ещё от отца,
как утонули два брата,
дети Ильи-кузнеца.

В майскою пору разлива,
лет девяносто назад,
младший сорвался с обрыва,
старший спасал его брат.

В дом не вернулись дети...

До полуночной поры
шарили в омутах сети,
дно бороздили багры.

Младший был выловлен в пойме
в донных кустах ивняка.
Старший не найден, не пойман, –
спрятала тело река.

Он это! Он с удилищем
ходит по краю реки!..
Младшего братика ищет –
так говорят старики.

Давняя грустная повесть,
тихий Илюхинский плёс.
Травы, склонённые в пояс,
всхлипы тележных колёс.

Ивы зелёное пламя,
купола смуглая медь...
Родина, как в твою память
сладко и больно смотреть...

ЦВЕТЁТ ЧЕРЁМУХА

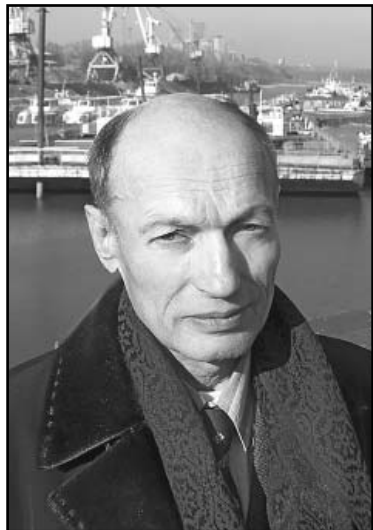
Веют в сумерках белые сполохи,
кружит голову вздох ветерка.
Над рекой распустилась черёмуха,
замечталась, притихла река...

И мне вольно с дороги сворачивать,
и в черёмухе сладко мечтать,
и поверить, что мне предназначено,
что-то важное миру сказать...

ПРОЗА

Владимир КОРЖОВ

Владимир Михайлович КОРЖОВ
родился в Барнауле 26 декабря 1947 года.
С середины 60-х до первой половины 80-х годов
прошлого века посещал краевые литобъединения
при газетах «Алтайская правда», «Молодёжь Алтая»
и краевой организации Союза писателей СССР.
С этих же времён его стихи, рассказы и статьи
публиковались в краевой периодике
и коллективных сборниках, изданных в Барнауле.
Автор четырёх поэтических книг и двух книг прозы.
Лауреат пяти краевых литературных премий.
Член Союза писателей России.
Живёт в Барнауле.

НА БЕРЕГАХ РЕКИ

ПЕЧАТКА

К вечеру схлынула жара. Солнце скатилось по синему с алой каёмкой небу за величавую гору. На спортивных площадках у туго натянутой сетки то здесь, то там по всей территории пляжа любители активного отдыха продолжали с удвоенной силой играть в волейбол.

Мы с Игорем Петровичем Татарским (он работал директором городского пляжа, а я старшиной спасательного поста) стояли на возвышении у вагончика спасательной службы и наблюдали, как, с трудом обходя мелкую песчаную косу, мощный буксировщик РТ выводит из Затонской гавани состав из трёх гружённых гравием барж.

К нам, громко разговаривая и энергично жестикулируя, подошли двое мужчин кавказской внешности:

– Вах! Вах! У нас нэпрэятност! – заговорил старший из них, высокий дородный дядька с массивной золотой цепью и большим крестом на волосатой груди.

– Утонул кто? – всполошились мы.

– Нэт! Казол патэрыял, маладой!.. – указал он на худошавого спутника. – Пэчатка патэрыял. С палца студэнта улэтэл!..

– Да вы успокойтесь! Объясните толком, что к чему, – попросил Петрович.

– Брат пошёл купаться, – продолжил молодой, – а свой золотой перстень он надел мне на палец, а я стал играть в волейбол. Вон там, – он указал на ближайшую к нам группу волейболистов.

– Грабла ест? Пэчатка – двадцат два грамм!.. – вновь завёлся старший.

– Мужики, граблей нет. Скажем одно – искать бесполезно. Лёгкая монетка, падая, зарывается в песок так, что не сразу найдёшь, а тяжёлый перстень и подавно, – пустился я в объяснения.

– Покажите нам место! – перебил меня Игорь Петрович, смерив колючим взглядом из-под кустистых бровей. Был он приземист, но крепко сбит. К шестидесяти годам тюркские черты его лица, едва заметные в молодом возрасте, проступили резче, да и властности прибавилось. Мы с Петровичем были давние приятели, более двадцати лет вместе трудились в краевом совете ОСВОДа. Вплоть до его ликвидации (не выдержал рыночной гонки), он – в должности заместителя председателя по хозяйственной части, я – по учебной.

Мы подошли к группе волейболистов.

– Кажется, вот здесь. Да, здесь. Я взял подачу, врезал по мячу, а печатка слетела с пальца, полетела и упала метрах в десяти от реки. Кажется, вот на этом месте, – указал молодой на взрыхлённый множеством ног песок.

– Кажется или точно? – переспросил Петрович. – Нужна полная определённость! – В его голосе проступал нажим, и волейболист заколебался.

– Наверное, на этом пятачке, примерно в пределах тридцати метров, где мы играли.

Пострадавшие, а с ними и другие игроки принялись ворошить ногами и перебирать руками песок, пытаясь найти золотой перстень... Но, увы, безрезультатно. Вскоре начало смеркаться.

На следующий день, пасмурный и ветреный, на пляж пришёл молодой кавказец с приятелем. На месте потери они, орудуя садовыми граблями с частыми зубьями, метёлкой и совком, в течение трёх-четырёх часов ворошили песок. Петрович несколько раз подходил к ним, интересовался поисками, что-то советовал и подсказывал. Несмотря на старания, молодые люди так и не смогли найти перстень.

Занепогодило. Пляж опустел. В ненастные дни мы работали с прохладцей: чинили оборудование, рыбачили или перебрасывались в карты.

На третий день после этого случая, придя на службу, я увидел странную картину. Петрович с багажника выдавших виды «Жигулей» сгружал панцирную сетку от односпальной кровати. «Привёз со своей дачи-огорода в семьдесят соток, что находилась (не ближний свет!) в селе Черёмно-Подгорное», – мелькнула у меня догадка.

Пока я разговаривал с охранниками, он утащил сетку на место, где была потеряна печатка, предварительно им обнесённое кольшками и бечевой. Водрузил её на пару чурок и, вооружённый совковой лопатой, стал методично, метр за метром, срезать верхний слой песка. Бросит четыре совка на сетку и ворошит лопатой, просеивает его, пока на поверхности сетки не остаются мелкие предметы.

В том, что Петрович будет искать печатку, я не сомневался: дождётся, когда сильный юго-западный ветер вздыбит барханчиками песок, обнажая пивные пробки, мелкие камушки и потерянные монеты, которые вначале стоят ребром, а потом заваливаются на песок и серебрятся, поплёскивая на солнце двуглавым орлом или решкой. В пляжное безлюдье поиск потерянных отдыхающими монет был одним из наших любимых занятий. Обычно в городе на лежащую на тротуаре мелкую монету не обращаешь внимания. Лежит, ну и пусть лежит. Пройдёшь мимо. На пляже – другое дело. Во-первых, занятие в непогоду, во-вторых, спортивный азарт, в-третьих, за пару часов можно насобирать приличную горсть монет – на пиво, минералку или мороженое...

С Петровичем и со мной – дело понятное. У него было послевоенное детдомовское детство, а у меня – уличное. Так что хождение по рынкам и пляжам в поисках потерянных вещей и денег было для нас привычным занятием. Странно, что поиск монет привлекал и других работников пляжа, а кое-кого и затягивал. Вместе с нами пристрастились искать монеты и работающие второй год матросами-спасателями старательные исполнительные парни: долговязый Дима Бушин и быстрые на ноги его неразлучные друзья Толя Иванов и Серёжа Петров.

Спасательная служба как никакая другая, особенно в молодом возрасте, формирует характер и мировоззрение человека, приучая к дисциплине, высвечивая лучшие черты характера и отсекая худшие. Здесь, в небольшом коллективе, не принято прятаться за спину товарища: всё как на ладони, все на виду. За короткий отрезок времени понимаешь, на кого можно положиться в трудную минуту, кто не подведёт, подставит плечо и протянет руку, а кто увильнёт в сторону.

Петрович, не потому что начальник, а по занудности, которая приходит с возрастом, любил поучать молодых матросов-спасателей, строя из себя бывалого водолаза, хотя таковым не был. Водолазную книжку он получил десять лет назад, погружаться под воду не любил, да толком и не умел. В то время, в тяжёлые перестроечные годы, при краевом совете ОСВОДа я, чтобы выжить, создал маневренную водолазную группу по обследованию мест купания на водоёмах, где располагались детские оздоровительные лагеря, турбазы, профилактории и другие объекты. Жизнь состоит из кажущихся случайностей и закономерностей, подчинённых причинно-следственной связи, и мне очень пригодились наработки семидесятых годов и опыт, приобретённый во время работы с Владимиром Яковлевичем Иванько.

А Игоря Петровича взяли в состав группы потому, что у него была машина и он, характером напористый, даже нагловатый, обладал недюжинной пробивной силой, столь необходимой при заключении договоров и выбивании денег с заказчиков, а на водолазных работах мы его использовали в основном на обеспечении, на подхвате. Порою я в душе посмеивался, наблюдая за тем, как Петрович, нахватавшись верхушек, бахвалился перед матросами-спасателями, что у него водолазный стаж идёт с флотской службы и составляет более тридцати лет. Да и как не посмеяться, если он увлекался, вживался в образ, придуманный им, и рассказывал разные небывлицы якобы из нашей водолазной практики.

У всех людей есть свои достоинства и недостатки, когда у человека они живут в равновесии, то, на мой взгляд, человек состоятелен. А когда нет, чувствуется некая червоточина... Впрочем, я не психолог, чтобы судить о противоречивой и непредсказуемой людской сути.

Два демона довели над Петровичем, в общем незлобивым, к тому же работающим, истинным трудоголиком, – это скупость и хвастовство. Иногда они приобретали даже маниакальный характер. Но я за долгие годы нашего приятельства к ним привык (учитывал его детдомовское детство), хотя порой они вызывали у меня раздражение. Например, когда он несправедливо делил деньги от проката лодок и от других приработков, коих на пляже было предостаточно. Если я уличал Петровича во лжи и нечестности, он почти не выкручивался, но своего, что попадало к нему в руки, никогда не выпускал.

Дав необременительное задание матросам-спасателям, чтобы они не болтались без дела, подхожу к Петровичу и, вспомнив любимую мной книгу Джека Лондона «Смок Белью», напеваю вполголоса слова боевой песни Малыша – одного из её главных героев:

*Как аргонавты в старину,
Родной покинув дом,
Плывём, тум-тум, тум-тум, тум-тум,
За золотым руном.*

Еле сдерживая улыбку, говорю Петровичу:

– Привет старателям! Много золота накопал?

– Стараюсь! – на полном серьёзе молвил он. – А ты почто про золотое руно мурлычешь?

– Да, глядя на тебя, Джека Лондона вспомнил.

– Видишь, погода шепчет – займи и выпей! В ненастье работы мало, а я, сам знаешь, не привык сидеть без дела. Надо копейку рубить... Печатку искать, пока другие не нашли. Ха-ха!.. Вовчик, ну скажи, разве я не здорово придумал – с панцирной сеткой?

– Хорошо придумал! Ничего не скажешь, – ответил я, подумав, что Петрович с первых дней перестройки и капитализации только тем и занимается, попал человек

в родную стихию, что зашибает деньги. За что он только ни брался: организовывал кооперативы «купи-продай», подрабатывал частным извозом, торговал книгами оптом и в розницу, продавал картофель и морковь, выращенные на огромном приусадебном участке...

– Пацаны – лодыри! Попросил их помочь – отказались. Бушин с Ивановым по пять лопат на сетку бросили и ушли. И ведь не заставишь. Смотри, маются от безделья. Людей на пляже нет... – закончил Петрович. – Ну, так это ничего, разомнёмся, пока здоровышко позволяет!

– Ты прав, Петрович, золото зовёт. Только не забывай, что оно – живое, оно, как мудрая рыба, уходит на глубину и не идёт в руки, а лишь по счастливой случайности всплывает. Вспомни, как молодой доктор нашёл золотое кольцо. Случайно! Вспомни, как ты в прошлом году три вечера убил, прочёсывая старицу на лодке с кошкой* в поисках сумочки с деньгами и драгоценностями. Её выронила на середине реки та дородная блондинка, заведующая магазином, которую ты катал под мотором на «Крыму». Меня подпрягал, чтобы я с аквалангом прошёлся по глубине, по мутному песчаному дну с илистыми проплешинами, искал сумочку, но я, не будь дураком, ответил отказом. Вспомнил? То-то!

– Ха-ха!.. На случай надейся, да сам не плошай! – рассмеялся Петрович, берясь за лопату, – а сумочка, Вовчик, была знатная – тянула более чем на сто тысяч рублей. Пять коряг я тогда вытащил со дна, водоём почистил. Ленив ты, дружище, а я и сейчас не прочь поискать сумочку, лежит где-то на грунте, но разве найдёшь её?..

В течение двух дней Игорь Петрович Татарский – чем не стахановец, не добытчик-старатель золотоносного прииска – перелопатил без малого пятьдесят квадратных метров песка, но, увы, перстень не нашёл. Зато мы эти два дня жили в ожидании. Более того, с моей подачи разбились на пары, заключив пари: найдёт Петрович печатку или нет. А он и не догадался, что мы ставим на него ставки, когда к вечеру в нашем спасательном вагончике на столе появлялось пиво – проигравшие проставлялись. Петрович недоумевал и бурчал: «Странно, непогода, калыма нет. Горевать надо. А вы чего веселитесь, пивко пьёте да ещё и мне предлагаете, зная, что я за рулём?» Его ежедневную добычу составляла большая горсть мелочи, в большинстве своём покрытая ржой, видно, пролежала в песке не один год, и тянувшая рублей на тридцать.

... Через две недели, в конце купального сезона, задул шквалистый юго-западный ветер, предвестник затяжных августовских дождей.

В один из таких ненастных, ветреных дней в полное безлюдье вместе со мной на спасательном посту дежурили только врач с медсестрой, оба из поликлиники, расположенной на посёлке Южном. Молодые люди на пляже работали впервые. Я им объяснил их обязанности, рассказал о несчастных случаях, что произошли в этом сезоне. А в разговоре о том о сём выяснил, что Виктор с Верой молодожёны и у них ещё не закончился медовый месяц.

Ветер, завывая, кружил по пляжу, поднимая к небу песчаную пыль, выстёгивал глаза – чем не Сахара с мини-барханами, и я, пройдясь из конца в конец по территории пляжа, вернулся в вагончик и высыпал на стол тяжёлую горсть мелочи (рублей на сто), в основном червонцами, полтинниками да двугривенными монетами.

– Вот это добыча!.. – удивлённо воскликнула Вера. Её зелёные глаза вспыхнули, а нежные ямочки нежно зарделись на миловидном лице.

---

* Кошка – четырёхлапый якорь, в данном случае маленький и лёгкий, для поиска предметов на дне реки. – Здесь и далее примечания автора.

– Где столько насобирали?

– Вестимо, на пляже! – ответил я и пригласил их на поиск, объяснив технологию одного.

Мы разошлись по берегу в поисках монет. Примерно через два часа мы вновь собрались на спасательном посту, и Виктор, зазвенев пригоршней мелочи, сказал, что добыл без малого пятьдесят рублей. А Вера, слегка смущаясь, раскрыла ладонь и бережно, словно крохотного цыплёнка, положила на стол массивный золотой перстень.

– Ничего себе находка! – воскликнул Виктор. – А мне почему не сказала? Ну, ты, Верунчик, даёшь!

– Витя, пожалуйста, не сердись! До сего момента не верила. И сейчас с трудом верю...

– Везёт же на новенького! – выдохнул я. – Покажи, где нашла. Хотя я уже догадался, что именно этот перстень был утерян кавказцами.

Действительно, она заметила печатку на кромке сглаженного ветром песчаного отвала, рядом с тем участком, который ограждал Петрович. «Каких-то полметра ему не хватило, чтобы откопать печатку, более того, он сам присыпал её песком, не дотянув самую малость...» – подумалось мне.

– Считайте, Вера, что дух острова Помазкина был к вам добр и преподнёс свадебный подарок, – сказал я.

На старице дыбились белыми барашками волны, и ветер, посвистывая золотистыми песчинками, вызванивал прощальную песнь уходящему лету.

Но впереди нас ждали редкие тёплые августовские дни и бабье лето, когда:

Свежо, светло на пляже в межень,
Течёт прохладная вода,
И солнце не печёт, а нежит –
Не верится, что холода
К нам неожиданно нагрянут,
Цветы последние завянут...
И вслед за северными утками
Летят безмолвные снега,
А по утрам губами чуткими
Целуют льдинки берега.*

ГЛОТОК ВОЗДУХА

*Светлой памяти
водолаза Виктора Яблонского*

И дёрнул меня чёрт по дороге в водно-моторный клуб «Нептун» субботним днём, тихим и светлым, а такие дни довольно редки в первых числах августа после того, как Илья-пророк омочил воду, зайти к друзьям на Центральную спасательную станцию, расположенную ниже устья Барнаулки.

Обь, несмотря на начало межени, ещё не приобрела свойственную ей предосеннюю лёгкую прозрачность и лениво катила свои белёсые с чуть заметным синеватым оттенком величавые воды. Редкие моторные лодки, оставляя длинный пенистый

---

*Межень – время, когда на реке держится низкий уровень воды. – Прим. автора.

след за кормой, проносились мимо. Большие суда почти не бороздили окрестные воды, не уходили в дальние рейсы.

Что поделывать, середина девяностых – разгар либерально-буржуазных преобразований в нашей стране, когда экономика и привычный уклад жизни находились в глубоком упадке. Моя семья, друзья и многочисленные знакомые все прелести «светлого капиталистического рая», обещанного демагогами всех мастей, вкусили в полной мере, месяцами недополучая, а то и вовсе не получая зарплат, пенсий и других выплат...

Старейшее в стране Общество спасания на водах – ОСВОД, учреждённое в 1871 году по указу Александра II (второе после Географического общества России – 1845 г.), словно большое судно, получив пробоину, медленно погружалось на дно. А что делать, если по всей необъятной родине закрывались и приватизировались индустриальные гиганты, крупные, средние и мелкие предприятия и как грибы росли многочисленные кооперативы. Поэтому мы с друзьями не питали иллюзий, а предчувствовали, что долго на плаву нашей нужной людям организации не продержаться и нам пора подыскивать работу. В душе рождались грустные стихи.

Монолог водолаза

<i>Покинул нервную работу:</i>	<i>В холодную, стальную мглу...</i>
<i>Учил людей, спасал людей,</i>	<i>Не за углом, не на углу</i>
<i>А приходилось –</i>	<i>Судьба мне путь предначертала,</i>
<i>и зверей...</i>	<i>Коль умереть – так у причала.</i>
<i>Иную возложил заботу</i>	<i>Сияй, полночная звезда,</i>
<i>На дни бессменные свои.</i>	<i>Обозначая мой фарватер,</i>
<i>А сердце поет без любви,</i>	<i>До боли жаль, что в никуда</i>
<i>И снова хочется под воду,</i>	<i>Уходит жизнь, как белый катер.</i>

Сижу на скамейке, смотрю на реку, веду разговор с водолазами Толей Ивановым, Борисом Касаткиным, Андреем Сивковым, а рядом жалобно поскуливает, выставив беловатый живот с налитыми сосками, чуткая сучка Найда. Собака вздрагивает, влзлаивает и в ожидании команды смотрит то на хозяев, то на решётчатую створку ворот ограды, открываемую с металлическим скрипом.

– Найда, свои. Лежать! – командует мой друг Женя Турнаев, моторист спасательного катера «Чибис», симпатичный малый с загорелым до черноты лицом, прорезанным ранними морщинами.

К нам не спеша, вразвалочку подходит с улыбкой крепкий чернявый Юра Пахомчик, водолаз из Государственной инспекции по маломерным судам.

– Привет, кореша! Не устали косточки на солнышке греть? – здороваюсь за руку, как всегда без прелюдий и недомолвок он продолжает: – Кто пойдёт со мной на калым?

– Какой ещё калым? За невесту, что ли? – прикидываясь шлангом, спрашивает смуглолицый, родом из знойного Узбекистана, по паспорту – русский, Толя Иванов.

Хотя мы начинаем догадываться, о чём поведёт речь дружище Пахом. Мы в курсе, что их водолазная группа задействована на строительстве важного для города и края объекта – нового коммунального моста через Обь.

– Юра, не тяни kota за хвост. Коли начал речь – говори дальше, – обращаюсь к Пахому.

– Парни, мостоотрядовцы, непонятно как, умудрились уронить с палубы баржи в реку стальную семиметровую трубу диаметром более метра, она служит для подачи цементного раствора при строительстве опоры. Так вот, пока трубу не заилило в грунт, её надо поднять. С минуты на минуту подъедет Витя Галкин, но нам нужен третий водолаз, нужны акваланги и катер. У нас склад с оборудованием закрыт, ключи от него у Георгия Мартыновича, старшины водолазной группы, а он на даче.

– Юра, шучий хвост, у нас почти та же ситуация. Вчера была инвентаризация, и всё водолазное снаряжение снесли в большой класс, а ключи Владимир Тарасович Самусев, наш начальник, по запарке унёс с собой. Сегодня выходной, в наличии всего-навсего три акваланга. Нам покидать станцию нельзя, к обеду нагрянет Тарасыч. Ему звонить бесполезно, он добро на спуски не даст, – мямлит, слегка картавя, упомянув «добрым словом» моего давнишнего приятеля, рыжеватый, с красным от солнца, ветра и воды носом Борис Касаткин. – Пахом, берите «Крым», он уже под «Вихрем», считай, на ходу. Берите мой акваланг и ещё один, казённый, сигнальный конец, грузы, гидрокомбинезон, водолазное бельё, а мы два аппарата оставим для нештатных ситуаций.

– Володя, махнём с нами! – просит Юра. – Там дел-то всего ничего – закрепить пару строп за трубу, максимум на час работы. Расчёт сегодня получим наличкой, в крайнем случае завтра. Так что решай.

– Юра, у меня были другие планы, да и под воду я уже с полгода не ходил, поверь, не горю желанием работать на глубине и течении...

– Окстись, вода убывает, и там, у острова Помазкина, между третьей и четвёртой опорой, где утопили трубу, будет от силы метров пять. Под воду пойдёт Витя Галкин. Ты только страховать будешь.

– Ладно, Юрок, считай, что уговорил, – ответил я и погладил Найду. Собака вновь жалобно заскулила, тяжело перевалившись с одного бока на другой.

Вскоре подошёл Витя Галкин, высокий, нескладный, болезненный на вид.

Мы перенесли водолазное снаряжение от станции по крутой лестнице вниз и погрузили в моторную лодку «Крым», стоящую у причала. От станции вверх по Оби до строящегося моста под тридцатым «Вихрем» ходу не более пяти минут.

Сбавив обороты двигателя, наша лодка из-под течения пришвартовалась к барже, счаленной с плавкраном. На её палубе громоздились трубы и прочий строительный материал. Баржа стояла на якорях метрах в пятидесяти от берега вблизи от опор поднимаемого моста.

Высокий носатый прораб с редкими волосами, зачёсанными набок, был немного взволнован. Его звали Игорь Ильич и, как он сам признался, по его недосмотру дорогостоящая труба упала на дно реки.

– Ну, упала – так упала, а отдуваться нам, – подумал я, поднимая на палубу акваланг, невольно отметив, что мысли текли вяло и несколько отстранённо, будто всё происходило не со мной, не сейчас, и не на самом деле. О, как я не любил подобное состояние! В такие моменты моя душа-вещунья редко ошибалась, предчувствовала опасность...

Витя Галкин куда-то исчез. Вскоре он появился из-за труб, прикладывая носовой платок к покрасневшим глазам.

– Что-то печень схватило! Меня того, вырвало, – держась за правый бок, сказал он.

– Никак, поддавал вчера? – спросил Пахом.

– Да было немного...

– Ну и какой, спрашивается, из тебя работник? Придётся под воду идти мне или Володе! – процедил сквозь зубы Юра.

– Ладно, хватит балясы точить! Готовьте снаряжение, – нехотя согласился я.

– Тут ничего сложного нет, – пояснял Пахом. – Труба лежит вдоль течения. Зацепишь первый крюк стального троса за технологическое отверстие трубы (их по диаметру четыре), спустишься вдоль неё к нижнему обрезу и вставишь крюк в отверстие на конце трубы. Работы на полчаса. И взятки гладки.

Меня облачили в водолазное снаряжение у трапа, приваренного к борту баржи, давно не крашеной, подёрнутой ржавыми потёками.

Тихо плескалась вода. Некогда величественная, а ныне стёсанная бульдозерами, беззащитно белела гора, лишённая привычного зелёного покрова. Казалось, она безучастно взирала на остров Помазкин – остров моего детства, прорезанного посередине широкой полосой будущего шоссе. А над лёгкой рябью волны проносились острокрылые стрижи, неутомимые стражи сибирской реки. Невольно вспомнились детство и юность:

***

*Порт-Артур, Сахалин и Кораблики
Притулились под жёлтой горой.
В бузине заливались зяблики
Лучезарною ранней порой.*

*Над рекою стрижи колдовали,
Колесил пароход не спеша,
На обрыве крутом трепетала,
Замирала от страха душа.*

*Я срывался не раз с крутояра,
Вновь манила меня высота...
И стихи, словно жар от пожара,
Обжигали дыханьем уста.*

Я спустился в воду на последнюю ступеньку гулкого трапа, продулся и обжался, держась рукой за его выгнутый поручень. И мне на миг показалось, что я сейчас совершу первое погружение с дощатого плашкоута плавательного бассейна водной станции ДСО «Труд», когда пришлось хлебнуть под водой полстакана придонной воды.

Юра и прораб несли околесицу, когда говорили, что глубина не превышает пяти метров. Мне пришлось два раза выравнивать давление воды на среднюю полость уха, и, по моим прикидкам, глубина составляла восемь-десять метров. Это чувствовалось и по усилию при вдохе, и по тому, как быстро таял воздух в аппарате, пока я в сероватом сумраке (видимость отсутствовала) не нащупал одно из четырёх технологических отверстий у верхнего по течению обреза трубы. Её, опасения были верны, уже на добрую четверть успело затянуть песком.

Обмениваюсь с Юрой сигналами, что «всё в порядке», продолжаю работу.

По сути, приходилось действовать одной рукой; левой я, выпустив сигнальный конец, держался за обрез трубы, чтобы не сносило течением, а правой вдвевал тяжёлый неудобный крюк в отверстие трубы. Затем, чуток передохнув, стал шарить рукой и ногами по песчаному дну, но не мог найти второй трос – коварное течение отнесло его в сторону. Тогда я по закреплённому стропу дошёл до соединительного кольца, сцепил пальцы на стальном тросе и стал спускаться вниз по течению вдоль трубы. Но неожиданно споткнулся, выпустил сигнальный конец, который дал слабинку, и это сыграло со мной скверную шутку. Меня течением пару раз развернуло вокруг оси, оторвало от грунта, приподняло над трубой, и я вновь потерял стальной трос. Да что там трос! Стало не по себе, когда я на минуту-другую потерял ориентацию. Где труба? Где дно? – Не понять! Наконец ноги коснулись грунта, я опустился на колени и подал сигнал Пахомчику, чтобы не беспокоился, – «чувствую себя хорошо».

Ответного сигнала не было. В запарке я не обратил на это внимание – нашёл обронённый трос, добрался до нижнего по течению обреза трубы, нащупал отверстия под болты и с усилием вставил крюк.

Всё!.. Можно расслабиться. Делаю глубокий вдох, прислонившись к холодному металлу. Отстёгиваю из гнезда крепления шланг высокого давления и медленно приближаю к глазам манометр: его светящаяся зелёная шкала, похожая в сумраке на круглый зрачок глубоководной рыбы, показывает тридцать атмосфер. Нормально. Работу выполнил примерно за полчаса. Воздуха в баллонах акваланга осталось на добрых пятнадцать минут. Пора на поверхность.

Начинаю выбирать на себя сигнальный конец, отчего-то тугой, неподатливый, интуитивно чувствую – произошло неладное, случилась беда.

Мысли, словно искры, вспыхивают в мозгу: «Почему от Юры нет сигналов?! Почему так тяжёл страховочный конец?!» Подаю сигнал на выход: «дёрнуть три раза!» – ответа нет!.. Я вновь повторяю сигнал, и вновь нет ответа. Затем начинаю часто поддёргивать сигнальный – «срочно поднимайте вверх!». Меня бросает в жар. Мои сигналы не доходят. А это означает худшее, что может случиться с водолазом под водой – я запутался в тросах. По-видимому, сигнальный конец в нескольких местах перехлестнулся с металлическими стропами. Холодный пот струйкой потёк вдоль спины. «Бляха-муха!.. Что делать?» – растерянно ругаюсь я. «Кретины, недотёпы... не взяли главное – водолазный нож, заведомо зная, что под водой придётся работать с тросами. Грубейшее нарушение техники безопасности. Ну ладно, я дилетант (редко участвую в технических работах), а морской волк Пахом, в прошлом служил в водолазно-диверсионном отряде Черноморского флота, он что думал? Ножи – его коронка. Дома хранит целую коллекцию. Всё! Ша, салага, успокойся! Не дёргайся! Жди помощи. Экономь воздух. Сейчас под воду спустится Юра и освободит из плена. Надо же, у трубы – попасть в трубу!» – каламбурю, не выпуская из левой руки туго натянутый сигнальный конец без признаков жизни. Чтобы экономнее расходовать воздух, ложусь на правый бок, головой на течение, метрах в двух от злосчастной трубы.

А на палубе баржи происходило следующее: Юра Пахомчик понял, что я запутался в тросах у заднего обреза трубы. Ему было не ясно, закреплён ли второй строп на трубе. Он прояснил ситуацию прорабу, который дал команду крановщику, чтобы тот чуть-чуть натянул стропы. Убедившись, что труба закреплена, Юра надел акваланг и маску, решив использовать вместо сигнального конца тридцатиметровый тонкий, но прочный капроновый спасательный линь, что находился в моторной лодке.

– Идиотство!.. – вскричал Юра, обращаясь к Галкину. – Акваланг неисправен!.. Мы-то понадеялись на Касаткина, не проверив аппараты перед отъездом со станции!..

И он, чуть не завыв, зашёлся в трёхэтажных руладах. Ремонт дыхательного автомата (самого важного, но капризного узла акваланга АВМ-1 М) требовал времени, а его не было в запасе.

– Галкин! Мухой прыгай в лодку! Заводи мотор и гони на станцию. Не теряйте ни секунды. Пусть парни облачаются в снаряжение по пути к мосту. Иначе кранты, иначе порву всех!.. Не дай бог не вызволим Вовчика. Ведь у него в аппарате воздух на исходе!..

Двигатель взревел, и Галкин с ходу, до звона, врубив скорость на полные обороты, помчался за подмогой.

Я с нетерпением ожидал помощи, а её не было, и, услышав шум лодочного мотора, подумал: «Наверное, наверху что-то произошло, значит, всё пошло наперекосяк...

Главное – не паниковать, а сохранять выдержку и ждать! Спрашивается чего? Скорой гибели от удушья? Нет, спасения!» – успокаивал я себя. В напряжённой тишине, словно выстрел, раздался щелчок, это на манометре сработал указатель минимального давления. Обычно он включается, если воздуха в акваланге остаётся максимум на десять минут. «Был бы при мне нож, махом бы перерезал сигнальный конец, освободился от тридцатикилограммовых поясных грузов и всплыл на поверхность», – прокручивал я в уме варианты спасения. Все мои чувства были до предела обострены. Я слышал, как течёт вода, как монотонно шуршит песок, и различал серебристые и золотистые песчаные блёстки, которые, словно живые, тёрлись о стекло моей маски. «Расслабься и дыши медленней, задерживай дыхание на десять-пятнадцать секунд, почти как при нырянии в длину, но не до предела! Думай о чём-нибудь постороннем и светлом...» – давал я себе установку.

...И мне вспомнилось, как погожим июньским днём мы с Луизой Константиновной, преподавателем русского языка и литературы, спешим на городской конкурс на лучшее сочинение среди учащихся школ рабочей молодёжи. Он проходил в главном здании педагогического института, что на Социалистическом проспекте. Из окон звучит задорная песенка в исполнении Муслима Магомаева:

*По переулкам бродит лето,
А я несу тебе цветы,
Как единственной на свете
Королеве красоты...*

На сердце радостно и легко. Светит яркое солнце, и лёгкий ветерок шаловливо поигрывает светлыми, слегка рыжеватыми волосами любимой учительницы, словно хочет нарушить причёску, откидывая прядки волос то на высокий лоб, то на щёки с милыми крапинками редких веснушек.

Что греха таить, многие пацаны в нашем одиннадцатом классе, и я в том числе, были чуточку влюблены в красивую, стройную Луизу Константиновну. Ей было от силы двадцать три года, а мне – семнадцать. Она наверняка догадывалась о моих мальчишеских чувствах и отвечала странной взаимностью, спрашивая меня почти на каждом уроке литературы, точнее, я сам поднимал руку, когда никто в классе не знал предмета. Мне было жаль её и стыдно за нас. Я не готовился дома, всё помнил с прошедшего урока, на любую тему отвечая без запинки. И ложились в строчки классного журнала только точки... и одна пятёрка за неделю, за четверть. Не ставить же пятёрки каждый день.

Конкурсное сочинение я выбрал на свободную тему «Мой Алтай», так обыграв сюжет: ...Далёкий Марс. Стоит на опорах устремлённый в фиолетово-багровое небо космический корабль, а вдали, в песчаной пустыне у холодных скал, застыл крохотный марсоход. Он накренился набок, передним колесом угодив в яму-ловушку, а космонавта (писал от первого лица) отбросило далеко в сторону, придавив камнем ногу. Он лежит и в ожидании помощи прокручивает в памяти свою короткую жизнь: детство, прошедшее у берегов Оби и на островах, где работал дед-бакенщик; улицы родного города в юности, исхоженные с друзьями вдоль и поперёк; природу родного края. В конкурсной работе прозаический текст чередовался стихами собственного сочинения.

С каждой минутой воздушная смесь в серебристых баллонах за плечами космонавта тает, а плотный колючий марсианский песок красными струйками скребёт по шлему скафандра...

Неужели я много-много лет назад в ученическом сочинении смоделировал схожую ситуацию? Но, вспоминая юность, я не ушёл, да и как уйти, от жестокой действительности.

Яркие картины детства и ожившие образы покойных деда, бабушки, отца, друзей всплывали в воспалённом сознании. Мучила боль за близких людей. И самый сильный страх – страх ожидания – терзал мою душу. В моём школьном сочинении космонавта в последний момент спасли, вытащив из-под завала, а поднимут ли меня вовремя на поверхность с глубины в жалких восемь метров?

«Боже мой, зачем ты ниспослал мне подобное испытание? За какие грехи?» – шепчут сухие губы. Я силюсь вспомнить бабушкины молитвы, но только первые строки: «Отче наш, иже еси на небесех!.. Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... Боже, спаси и сохрани!..» – всплывают в памяти, переходя в строчки стихов:

*...Ангел, милый мой, голубоглазый,
Защити меня, пока живой!
После смерти стану я не сразу
Ангелом в реальности иной.*

Всё тяжелей и тяжелей дышать. Во рту сухо и горько от привкуса металла. Но до чего желанны остатки воздуха! Язык шершав. Боль раздражает гортань и пронзает бронхи...

Марсианская скала накренилась, заскрежетала, обдав меня облаком пыли. Нет, это не глюки! Это вздрогнула труба, и песчаная муть наполнила, нахлынула на меня. Казалось, песок, словно наждак, прошёлся по стеклу шлема, пробуя его на прочность. «Пытаются плавкраном оторвать трубу от грунта. Зачем? Если нечем дышать!..» – вспыхивает мысль.

«Багровый сумрак, и никакого света в конце туннеля, только всепоглощающая боль!..» – пульсирует в моём угасающем сознании. Последнее, что я сделал – разжал зубы и выпустил загубник, пытаюсь поймать лопнувшими до крови солонатоватыми губами глоток воздуха в пространстве под маской, и, уловив его, отчётливо услышал всеми клетками измученного тела шум двигателя спасательного катера, его скрежет о борт баржи...

Казалось, красный зернистый марсианский песок вдавил в лицо треснувшее стекло маски и горячей струёй заполнил гортань. И мой мозг, сжатый до предела, внезапно расширился и взорвался, словно сверхновая звезда, рассыпаясь на мириады холодных искр... А крохотный младенец, только что покинувший утробу матери, беззащитно голый перед жестоким миром, тянул пухлые ручонки вслед солнцу, уходящему за окоём...

ПОЭЗИЯ

Ирина
СЛИВЦОВА

Ирина Евгеньевна СЛИВЦОВА после окончания школы и библиотечного факультета АГИКа работает в Павловской модельной межпоселенческой библиотеке имени И. Л. Шумилова. С 1991 года руководит районной творческой студией «Радуга», пишет песни для композиторов и исполнителей (Н. Бабина, С. Петров, В. Ортман, В. Самарский, К. Матрёнин, А. Похилько, И. Прощенко). В соавторстве с Н. Бабиной выпустила музыкальные альбомы «На другой стороне Земли» (2004) и «Позови меня в сны» (2008). Песня на её стихи «Родина Шукшина» впервые прозвучала на открытии юбилейных Шукшинских чтений – в 2009 году на горе Пикет. Песни на её стихи звучат на различных концертах, в радиозфире Алтайского края и страны. Её творчество отмечено доброжелательными отзывами композиторов Олега Иванова, Михаила Старикова и др. Её стихи публикуются в районной газете «Новая жизнь», представлены в коллективном сборнике поэтов Павловского района «Откровения». Она лауреат краевых, региональных и всероссийских фестивалей и конкурсов.

АПЛОДИСМЕНТЫ ЗИМЫ

* * *

Есть ли в этом какой-то смысл
Или нет никакого смысла?
Разноцветное коромысло
Кто-то в реку к нам уронил.

А потом на исходе дня,
Может, просто лишь для забавы
Разноцветными сделал травы
И совсем зелёной меня.

ПОКА

Я листаю недели, как страницы книг.
Вот и снова капли за воротник.
Улетели метели в облака...
Как любви мы хотели, но пока...

Как сосульки тают стрелки на часах.
Кто за нас решает всё на небесах?
Жаль, судьбой не стала твоя строка.
Я сама сказала тебе: «Пока».

Я листаю недели, как страницы книг.
Вот и снова капли за воротник.
Улетели метели в облака...
Дни и сны опустели, но лишь пока...

ПОД АПЛОДИСМЕНТЫ ЗИМЫ

Снова в нашем городе снег
Тихо стал слезами афиш –
Так пришёл загадочный век
В наш провинциальный Париж.

Спутали реальность и сны
Дни, что были в нас влюблены.
Помнишь, открывали сезон
Вместе – скрипка и саксофон?

Под аплодисменты зимы
Даже не заметили мы,
Что ненужной стала игра,
Что исчезло наше вчера...

Свет давно в окошках погас.
 Позабыла осень про нас.
 Но всё чаще снится мне сон:
 Плачут скрипка и саксофон.

Снова в нашем городе снег,
 Но холодной этой зимой
 Ты уже в меня не влюблён –
 Скрипку позабыл саксофон.

* * *

Покатилось лето, как с горы...
 Дни что разноцветные шары,
 Те, что жаль, но надо отпустить, –
 Как проездом в детстве погостить.

* * *

Сердце просится в детство,
 Где тальник и река,
 Где плывут по соседству
 Сказки и облака.
 Там поёт и искрится
 Золотистый песок,
 Там легко раствориться
 В ласке тихих протоков.
 Там у заводи старой
 Ловит дед карасей,
 Там калины пожары,
 Стаи диких гусей.
 Там зовёт и дурманит
 Трав нескошенных дух
 И утрами горланит
 Неуёмный петух...
 Но просрочены сроки
 И меня там не ждут...
 Лишь седые протоки
 В вечность воды несут.

В СРОСТКАХ

Прохожу селом, пейзаж неброский.
 Здесь моя душа оголена.
 Я попасть давно мечтала в Сростки,
 Я спросить хотела Шукшина...

Да, спросить и попросить совета,
 Чтобы всё обдумывать потом:
 Так ли я живу на свете этом,
 Как ему всё видится на том?

Может, верю я напрасно в чудо,
 Сердцем глупым устремляясь ввысь?
 Зло добру наставило запруды,
 Чудики и те перевелись.

Бесконечны горькие вопросы,
 Но пока жива моя страна,
 На Пикете будут плакать росы,
 Будем помнить правду Шукшина.

MAME

Есть на свете великие храмы,
 Есть исток и последний причал,
 А ещё, знаю, ждёт меня мама
 В том краю, где начало начал.

В том краю, где поникла берёзка,
 Заглядевшись в заброшенный пруд,
 Где, сроднившись с природой неброской,
 Годы поступью тихой идут.

Сколько лет ни пройдёт, нас встречает
 Старый клен, у дороги жнивье...
 И я всем существом ощущаю
 Здесь ушедшее детство моё!

Мы порою бываем упрямы,
 Уходя за порог наугад,
 Но как сердце болит твоё, мама,
 Как глаза твои грустно глядят.

Улыбнись. Только плакать не надо.
 Будет много хороших вестей.
 Видно, это твой крест и отрада –
 В гости ждать повзрослевших детей.

* * *

Ты меня на ходу не спрашивай
 Про здоровье и про дела.
 Я любила тебя вчерашнего –
 Я вчерашним тобой жила.

Я любила. Была любима ли?
 Без ответа вопрос опять.
 Боль из сердца прольётся ливнями,
 Станет травами прорастать...

Все мечты – корабли бумажные.
Календарный лист оторву...
И зачем я тебя – вчерашнего –
В своё завтра опять зову?

* * *

Я смеялась вчера
И пела
Вместе с летом.

В твоём доме
Я стать хотела
Лунным светом,

Чтобы в воздухе
У порога
Раствориться...

А сегодня
Лишь только Богу
За тебя могу
Помолиться.

* * *

И зачем вы меня,
                        поезда,
Поманили опять в дорогу?
Возвращусь ли я снова сюда,
Одному только ведомо Богу.

Был дорожный мой скуден запас,
Я во сне,
                        как в побег, собиралась...
Свет того полустанка погас,
А в глазах только темень осталась.

* * *

Вновь досада взяла в кольцо,
И сама я себе не рада.
Непроявленное лицо
Как насмешка фотоаппарата.

Снимки старые вороша,
Потеснила досаду жалость:
Непроявленная душа
Там – за кадром – одна осталась.

ПУТНИК

Путник гордый, странник вечный,
Ты куда спешишь с рассветом
По дороге бесконечной?
Что ты ищешь в мире этом?
И трудна и камениста
Опалённая дорога,
И одежда неказиста,
И котомочка убога.
Для чего тебе лишенья?
Их и так на свете много!
Не в гордыне утешенье
На пути, ведущем к Богу.

НА ГОЛГОФЕ

Страшный день страданий на кресте:
Знойный полдень, пыльная дорога...
Не был он совсем похож на Бога.
И друзья застыли в немоте.

Не могли они тогда понять,
Предсказаньям веря и не веря,
То, что может страшная потеря
Светлым Воскресеньем просиять!

* * *

Жгут прошлогоднюю листву,
И пахнет день весенним дымом.
Не тронув первую траву,
Идёт весна неотвратимо.

Она идёт из тёплых мест,
Не заплутав в дорогах дальних.
И тронул душу благовест
Звонящей радостью пасхальной.

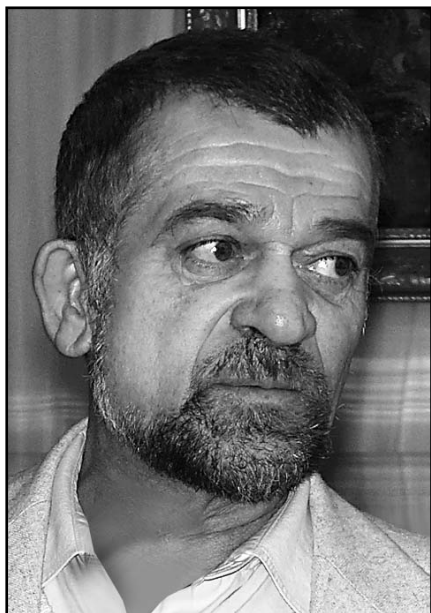
ПАМЯТЬ

Вячеслав МОРОЗОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОБРОГО ИМЕНИ

В октябре 2009 года на базе Литературного института имени А. М. Горького состоялись Первые международные Клычковские чтения, в которых участвовали не только представители крупнейших университетов России, но и учёные-слависты из США, Великобритании, Франции, других европейских государств. Чтения были приурочены к 120-летию Сергея Антоновича Клычкова – поэта, несравненного прозаика, друга Есенина, Пришвина, Конёнкова, Алексея Ганина, Павла Васильева...

20 лет назад, когда писатели-энтузиасты пытались вернуть русскому читателю честное имя расстрелянного по ложному навету (8 октября 1937 г.) Сергея Клычкова, упоминания о нём были вычеркнуты из истории советской литературы, а книги изъяты из библиотек – не всякий редактор соглашался на публикацию очерков к 100-летию юбилею погубленного «кулацкого поэта».

Наш земляк, член Союза писателей России прозаик Вячеслав Валентинович Морозов, потолкавшись в столичных журнальных коридорах и получив отказ, обратился к Геннадию Панову – тогда редактору отдела поэзии в журнале «Алтай» (мол, поэт поэта всегда поймёт). Геннадий Петрович с согласия главного редактора И. П. Кудинова снял чей-то материал и поставил очерк В. В. Морозова «Слово Сергея Клычкова» («Алтай», №1, 1989). Он и стал одним из первых полноценных литературных материалов о Клычкове на пути возрождения его доброго имени. Публикация в журнале «Алтай» помогла В. В. Морозову в тот же год опубликовать ещё два очерка-исследования о С. А. Клычкове в московских журналах – «Доля» («Москва») и «Противостояние» («Слово»).

Уважаемые читатели, вместо ранее обещанного интервью с В. В. Морозовым о жизни и творчестве С. А. Клычкова предлагаем вашему вниманию его очерк «Последний Лель»* о Клычкове-переводчике**, подготовленный для Первых международных Клычковских чтений.

Валерий ТИХОНОВ.

---

*Публикуется впервые.

** Две книги переводов С. А. Клычкова «Мадур-Ваза победитель» (М., «Наш современник», 2000) и «Сараспан» (М., «Голос-Пресс», 2009), о которых сообщал журнал «Барнаул» (№ 3, 2009, «Книги возвращаются», стр. 140-142), есть в фондах Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В. Я. Шишкова и Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Издатель этих книг – В. В. Морозов.

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕЛЬ

*... Такое чувство, будто поэты
рождались испить Христову чашу.
Владимир ЛИЧУТИН*

I

Так назывался первый роман Сергея Антоновича Клычкова «Сахарный немец»*. Так затем называли и его самого – последним Лелем русской литературы. Николай Клюев назвал роман «мечом словесным за русскую красоту» и выстроил преемственный ряд: Гоголь – Лесков – Мельников-Печерский – Сергей Клычков. Лель – славянский бог любви и страсти (всем знакомо слово «лелеять» – нежить, любить), сын богини красоты Лады, не поражал сердца стрелами, как Амур или Эрос, он возжигал их любовным пламенем, меча из ладоней искры. И вот этого Леля (Миколая Митрича Зайцева – см. «Война»), уже заметного в литературе поэта, автора двух книжек («Песни» и «Потаённый сад»), забривают летом 1914-го, во «вторую мобилизацию», и отправляют на фронт – убивать либо умирать... Зайчик-Лель убивает первого немецкого солдата и долго не может выйти из состояния шока: он пролил чужую кровь, отнял чужую жизнь. Как теперь жить самому?.. Не Господь затеял эту войну – сатана. «Бес – моя основная философская тема», – напишет он позже в дневнике. Даже спустя много лет он продолжает испытывать душевные муки: в 1929 году пишет стихотворение «Ко мне мертвец приходит...».

Приехав на побывку в родное Чертухино, он и здесь видит полный развал – прежде всего в сознании людей. Возвращается на позиции и узнаёт от сослуживца, что на Счастливом озере, что неподалёку, где мирная трудовая жизнь рыбаков грезилась ему совершенной гармонической идиллией, «с сиротских слёз вся рыба сдохла», а по берегу проживают одни несчастные люди... Война для поэта стала одним из самых больших потрясений. 1 января 1917 года он писал своему другу Петру Журову, с которым ходил пешком из Талдома на озеро Светлояр, на дне коего, по преданию, упокоен необыкновенный в своей таинственной единственности град Китеж: «Прости меня за такое долгое молчание, за то, что не отозвался на твой голос, причиной была пустыня души, которая у меня как-то съёжилась, завяла с первого дня этой войны. Первый выстрел будто разбудил, ошеломил, накинулся на меня как вор на дороге жизни и сделал меня из богача нищим». Мундир младшего офицера он, находясь в Балаклаве, снял с себя одним из первых: потомственный мужик от сохи и сапожной липки, какое там «ваше благородие»!.. Ну, закончил школу прапорщиков – так туда и не рвался, направили как владеющего грамотой, в писаря определили...

Гражданская война обошлась без воина Сергея – на чьей бы то ни было стороне, но зацепить – зацепила. В начале 1918 года поэт женится на талдомчанке Евгении Лобовой (шафер – скульптор Сергей Конёнков), давней своей юношеской несчастной любви (предпочла его другому – по молодой глупости и без любви, как вспоминала она сама), от которой, как писал он в «Автобиографии», «вздумал я было наложить на себя руки». Война разрушила семью красавицы Евгении – муж погиб на фронте Первой мировой. Новобрачная жалуется на слабые лёгкие, страстно влюблённый и счастливый молодой муж (сам понюхавший на фронте немецкие отравляющие

---

*В журнальном варианте («Красная новь») роман назывался «Последний Лель», а когда С. А. Клычков, дописав и расширив главы, издал его в ГИЗе отдельной книгой, то поменял название на «Сахарный немец». – Авт.

газы) решается на безумно авантюрный поступок: отправляет жену в Крым, занятый врангелевцами, и едет следом, запасаясь охранной грамотой от М. И. Калинина. Здесь его дважды приговаривают к расстрелу. Один раз – белые по доносу (точнее, пущенному слуху), что «приехал красный комиссар», другой раз – вольные птенцы из Гуляй-Поля батьки Махно, на узловой станции Чонгар, заподозрившие в Клычкове переодетого священника (у него были длинные чёрные волосы), потом – «жида пархатого», которых анархист-социалист Нестор Иванович, кавалер ордена Красного Знамени, жаловал избранно и под настроение. Повезло ему тоже два раза.

Иван Старцев, встретивший Клычкова на одном из московских вокзалов в 1921 году (день и месяц не уточнены), вспоминал, что «вид у Клычкова был ужаснейший: оборванный, грязный. Заросший волосами, босой, с большой суковатой палкой в руках. Хриплый говор на «о». Как он довёз-доставил до столицы любимую жену – история умалчивает...

О соблюдении хоть какой-либо законности в то смутнейшее «рррэволюционное» время красноречиво говорит хотя бы запись в дневнике академика В. И. Вернадского, ехавшего из Харькова в Москву: на одной из станций пьяный матрос, выйдя на перрон, пристрелил случайного человека с возгласом «Мы там, на фронтах, кровь мешками проливали, а он в это время к моей бабе под одеяло лазил!..» Затем, шевельнув ногой голову убитого, промолвил: «О, чёрт, обознался! Не тот». Паровоз дал свисток, народ опять забился в вагоны – и все спокойно поехали дальше – дело привычное для того времени... В той же Балаклаве «офицеров топили в море, убивали где придётся» (Е. А. Лобова) – отнюдь не при «чёрном бароне» П. Н. Врангеле, а при всевластии Розалии Залкинд (Землячке) и Бела Куне (Когане).

Имя Сергея Клычкова житейски и творчески напрямую связано с именами Есенина, Пришвина, Конёнкова (гостевали и живали у него в Дубровках), Блока, Куприна, Городецкого, Клюева, Белого, Ахматовой, Радимова, Ширяевца, Алексея Ганина, Пимена Карпова, Ивана Приблудного (Овчаренко), Петра Орешина, Максимилиана Волошина, Львова-Рогачевского, Модеста Ильича Чайковского (брата композитора), Бориса Садовского, Леонида Леонова (был крёстным отцом дочери Евгении), Константина Бальмонта, Осипа и Надежды Мандельштам и других известных людей своего времени. Сергей Есенин, никогда не бывший щедрым на восторженные характеристики братьям по цеху, в своей программной статье «Ключи Марии» назвал Клычкова «истинно прекрасным народным поэтом». Как известно, больше никого он так печатно не называл. Фраза короткая, но весомая, особенно если заострить читательское внимание на слове «народный». У малых народов СССР, РСФСР (позже и новой России) до сих пор существуют вполне узаконенные звания: народный поэт Дагестана, народный поэт Башкортостана, народный поэт Татарстана, Чечни или Бурятии, но никогда (!) мне не встречалось определение «народный русский поэт» либо «народный русский писатель». С чего бы это?.. От излишней славянской скромности либо отчего-то другого?.. Сам Есенин – не народный поэт? Лесков, Горький, Леонов, Распутин, Шукшин, Белов (список длинный) – разве не народные русские писатели?.. Пусть хотя бы есенинский авторитет послужит неким подспорьем этому вопросу. А он, вопрос этот, отнюдь не простой и не всеу заданный. Об этом говорил ещё Ф. М. Достоевский: «Поэтому-то /.../ мы и называем Пушкина величайшим национальным поэтом (а в будущем и народным в буквальном смысле слова), поэтому именно называем, что он есть полнейшее выражение направления, инстинктов и потребностей русского духа в данный исторический момент» [1]. Ау, пушкинисты, подскажите, кто после Достоевского назвал Пушкина народным русским поэтом?..

Сергей Антонович Клычков родился в деревне Дубровки, в староверской семье, 1 июля (ст. ст.) – месяца сенозарника-липеца – 1889 года. В те времена Талдомский район Калязинского уезда территориально относился к Тверской губернии. Упирание его на «о» в разговоре – чисто тверское, а не московское, не вологодское и не архангелогородское, где «о» произносят в говоре совсем не по-тверски; коренные москвичи или ярославцы – люди «акающие»: «Ма-асква», «пра-аехали», «гыва-арю я вам...» и т. п. Поэтому Николай Клюев в теперь уже классическом его стихотворении «Клеветникам искусства» (уж как тут не вспомнить Пушкина, его «Клеветникам России»?) писал в 1932 году с нескрываемым гневом:

*И от тверских дублёных пахот
С Антютиком лесным под мышкой
Клычков размыкал ли излишки
Своих стихов – еловых почек,
И выплакал ли зори-очи
До мёртвых костяных прорех
На грай вороний, чёрный смех?!*

Было отчего «выплакать зори-очи»: семейная жизнь не сложилась, и, надо сказать, стихотворный сборник Сергея Клычкова «Домашние песни» едва ли не целиком посвящён (однако без какого-либо титульного посвящения!) любимой Женечке – это понятно по тем мучительным строчкам, в которых он изливал свою надорванную душу. Кажется, никто из исследователей его творчества этого не заметил. Взорван извечный, самый надёжный человеческий причал, тихая пристань, где можно отмякнуть душой и сердцем, – семья. В дневнике он записывает: «Нет ничего страшнее, как потерять любовь». Давнему другу Петру Журову пишет о супруге: «Я её за любовь свою к ней люблю. Какая была любовь!» Первая фраза до сих пор потрясает меня: она – величайшая поэзия, хотя, вроде бы, всего лишь строчка из частного письма... Может быть, спасёт работа? Опять дневниковая запись: «Искусство надо любить как женщину: когда оно изменит, не грех и в петлю влезть!» В ответе на анкету журнала «На литературном посту» (№ 20-21, 1931) – «Что Вы написали за последние два года?» – пишет: «За последние два года я почти ничего не написал: критика имеет для меня сокрушительное значение, хотя я и не мимоза. Но я глубоко убеждён, что при необходимости для писателя быть в некоей протестующей позиции по отношению к общепринятым канонам для него столь же необходимо внимание со стороны тех, по отношению к которым он, может, является еретиком и протестантом, – требование, может, нелогичное, малозаконное, но тем не менее правильное, ибо камушки на берегу моря потому так и круглы, потому так и блещут, что их всегда и немолчно окатывает заботливая волна, – человеческое справедливое внимание столь же необходимо писателю, как, положим, и каждому человеку!» [2]

Для более полного понимания сказанного следует вспомнить, какое было «милое, у нас тысячелетие на дворе»... Сергей Клычков (и многие иже с ним) к началу 30-х годов пережил такие литературные ипостаси: русский поэт, «крестьянствующий поэт», «новокрестьянский поэт», «мужиковствующий», «бард кулацкой деревни», «бард кулацко-стольпинской России», «рупор кулацкой идеологии», «мракобес», «верный ученик отца кулацкой литературы Н. Клюева» и т. п. В 1930 году ему было позволено издать седьмой по счёту и последний сборник оригинальных стихотворений под названием «В гостях у журавлей». Талдомская земля – ныне известная «журавлиная родина», хотя такое определение и не совсем правомочно: на талдомских болотах серый журавль лишь временно отъедается во время прилёта с «югов» по весне и во время осеннего отлёта в далёкие жаркие края. Герб города

Талдома – журавль, стоящий на одной ноге, обутой в сапог, – одновременно символизирует и «журавлиную родину», и «башмашную страну».

Затравленный самоназванными «марксистскими критиками», поэт в этом сборнике предстаёт перед читателем уже совсем непохожим на того, которого когда-то Сергей Городецкий назвал «птицей певчею»: «повёл очами – и запел», на поэзию которого (всего лишь первые журнальные публикации!) В. Вересаев в письме И. Бунину советовал обратить внимание, а Н. Гумилёв одобрил её со сдержанным достоинством, равно как и А. Блок («...Вы уже в литературе, так что помощи моей Вам не надо»)...

Если в 1912 году Клычков пишет: «...милая, прекрасная Муза!», то в 1924-м – «Нерадостная Муза, неверная жена, / Чья ласка как обуза, / Улыбка как вина». В «Кольце Лады» (1919 г.) жизнерадостное стихотворение «Зима»:

*По-за лугу у крылечка
Льётся Речка-Быстротечка:
Берега её убраны
В янтари и жемчуга!*

В последнем сборнике (1930 г.) зима описана иначе:

<i>Плывёт луна и воют волки,</i>	<i>Закрыв метельный саван всполье,</i>
<i>В безумии ощерив рот,</i>	<i>И дальний лес, и пустоша...</i>
<i>И ель со снежною кошёлкой</i>	<i>И где с такой тоской и болью</i>
<i>Стоит, поникнув, у ворот!..</i>	<i>Укроется теперь душа?..</i>

*Всё слилось в этом древнем мире,
И стало всё теперь сродни:
И звёзд мерцание в эфире,
И волчьи на снегу огни!..*

Слово «саван» уже прозвучало... В 1929 же году он пишет откровенное и чудовищное по искренности признание, в котором уже звучит полная обречённость и – никакой надежды на светлое будущее. Лично для себя. Хотя в сохранившихся дневниковых листках появляются такие (не датированные) записи: «Всё – во благо!!!» Затем в какой-то иной день добавлено: «Всё!» И следом – «Надо, надо терпеть!» Ещё немногим позже: «Ничто так не обкрадывает меня, как хождение по советским учреждениям... Во благо ли это?» И – несомненно выстраданное и не раз обдуманное: «В наше время особенно и очевидно /неосуществимы/ три вещи: подвиг – потому что смешон, жертва – потому что бессмысленна, борьба – потому что невозможна» [3].

<i>Меня раздели донага</i>	<i>Пух из подушки растряли</i>
<i>И достоверней были</i>	<i>И вываляли в дёте,</i>
<i>На лбу приделали рога</i>	<i>И у меня вдруг отросли</i>
<i>И хвост гвоздём прибили...</i>	<i>И в самом деле когти...</i>

*И вот я с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав, что человек страшной
И злей любого зверя...*

Когти у Сергея Антоновича так и не отросли – он по своей природе был не злобным и не воинственным. Однако ж, кто был его «чернила и крови смеситель» (О. Мандельштам)? Сначала это был Пролеткульт, курируемый Н. К. Крупской и А. В. Луначарским, лично составлявшими список запрещённых к публикации переизданий русских классиков и подлежащих сожжению ранее изданных их

произведений, куда попала и самая загадочная пушкинская «Сказка о золотом петушке...», поскольку в ней упоминается пусть мифический, но – «царь Дадон»... Так что первые «аутодафе» в XX веке, увы, придумал всё-таки не партайгеноссе Йозеф Геббельс в фашистской Германии.

Почти всё, что было написано до 1917 года, было объявлено «буржуазно-дворянской литературой, идеологически враждебной пролетариату». На смену дубинноголовому Пролеткульту пришла РАПП (Российская Ассоциация пролетарских писателей), в руководстве которой находились весьма хищные и предприимчивые люди, к пролетариату не имеющие отношения даже малейшего. РАПП – хлёткая, рычащая аббревиатура, напоминающая возглас, сопровождающий удар кнута. Её литературный орган – журнал «На посту» – (позже – «На литературном посту») столь бдительно следил за проявлением вражеских вылазок в литературе, что доставалось по сопатке даже А. М. Горькому – «основоположнику пролетарской социалистической литературы», это сделал «барометрейший» Леопольд Авербах, которого Горький своим влиянием и авторитетом сумел оставить в Оргкомитете по созданию Союза писателей СССР. Который, чтобы остаться «у руля» русской литературы (или хоть у гирокомпаса), специально ездил с покаянием на о. Капри, когда постановлением ЦК ВКП(б) РАПП была распущена. Даже Владимир Маяковский был объявлен не революционным поэтом (ЛЕФ давно изжил себя), а всего лишь «попутчиком»; он был принят в РАПП в порядке «заслуженного недоразумения» незадолго до роспуска этой недоброй памяти литературно-политической «конторы» – весь в огляде на своё творческое минувшее, не видя уже для себя перспектив.

Михаил Пришвин, прочитав о себе такое определение, раздражённо записал в дневнике: «Какой я вам попутчик? Я вам – отец!» Как писал современник, «одного взмаха «напостовской дубинки» было достаточно, чтобы «попутчик» превратился во «врага». Об интеллектуальном уровне некоторых «пролетарских писателей» весьма саморечиво говорит случай с Андреем Белым, которого в 1934 году пригласили на 1-й съезд Союза писателей СССР. 54-летний Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый – литературный псевдоним), полагая, что он, как и Пришвин, не «попутчик», а «отец», сунулся в двери, не предъявляя пригласительного билета. «Куды прёшь?» – вежливо поинтересовался пролетарский писатель, дежуривший у входа. Старый поэт и прозаик слегка оторопел: «Я – Белый! Андрей Белый!..» «Тады тебе, мил человек, прямой путь на Лубянку: а то последних белых мы ещё в 20-е в Крыму перетопили да в Тихом океане. А тут уж, извини, сегодня – одни красные писателя!..» Это случилось 17 августа упомянутого года. В этом же году Белый и скончался, так и не став красным.

Не будем пинать ногами бесталанных и случайных людей в литературе – не они повинны в том, что Бог не дал им хотя бы малого литературного дарования. Но их было в достатке, поскольку в октябре 1930 года тот же Генеральный секретарь РАППа Леопольд Авербах провозгласил лозунг: «Ударник – в литературу!» То есть ударник производства. Мол, никто лучше трудового человека, да ещё ударно выполняющего социалистические обязательства и очередной пятилетний план, не сможет рассказать об энтузиазме масс, о происках врагов и приспособленцев, коварных бюрократов из «бывших», о трудовой доблести граждан новой России и их безоговорочном доверии постановлениям партии и правительства...

Загадочно ушедший из жизни Есенин, друг Клычкова, оставался бельмом в глазу «напостовцев» даже после своей смерти. Разумеется, те, кому надо, хорошо помнили, что есенинское стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...», ставшее любимым народным романсом, было впервые опубликовано с посвящением

Сергею Клычкову. «...Я не буду больше молодым» – это разве не упадничество?! С «есенинщиной» воевали в союзных и автономных республиках, даже в далёкой Болгарии: там в центральном литературном журнале «Наковальня» начали публиковать статьи Д. Полянова и Г. Бакалова (именем последнего нынче называется самое крупное издательство в Софии). 1927 год в нашей нелёгкой истории отмечен «началом активизации кулачества». Разумеется, «крестьянские» писатели, не поющие дифирамбы новому режиму, были взяты «на карандаш»: практически все они были впоследствии расстреляны. 30 марта 1925 года вместе с шестью товарищами был расстрелян друг Сергея Антоновича – прекрасный поэт Алексей Ганин, ещё семеро из т. н. «Ордена русских фашистов» отправились по этапу обживать вполне курортное место Соловки: СТОН – Соловецкая тюрьма особого назначения, затем СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. СЛОН прекрасно описан в доступной нынче книге Бориса Ширяева «Неугасимая лампада», воспоминаниях Ивана Солоневича, «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына [4].

Как это ни печально, но литературный посыл этой вакханалии дал А. М. Горький, который сначала напечатал в Берлине в начале 20-х годов свои очерки о русском крестьянстве, назвав его реакционным классом, которого и жалеть-то не стоит: мол, если завтра последний крестьянин исчезнет с лица земли, то послезавтра пролетариат сам научится выращивать зерно в пробирке. Лихо закручено!.. Уничтожение русского крестьянства началось с «года великого перелома» – 1929-го (но почему-то внимание заострено только на 1937-м, когда брали «верхушку» и бывших «своих»). Свои Макары Нагульновы и Аграновы-Собельсоны находились как в любом районе, так и в любом селе или деревушке...

Клычков, знакомый с Горьким и Луначарским по Капри, куда отправил его в путешествие и избавление «от несчастной любви» Модест Ильич Чайковский (февраль 1908 года), через 17 лет после знакомства посылает Горькому свой первый роман «Сахарный немец» с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову в знак давнишней каприйской любви и почтительного уважения к Максиму Горькому». Из Сорренто пришёл ответ: «Всюду встречаешь отлично сделанные фразы, меткие, пахучие слова, везде звонкий, весёлый и целомудренно чистый великорусский язык. Злоупотребление «местными речениями» – умеренное, что тоже является заслугой в наши дни эпидемического помешательства и некрасивого щегольства «фольклором». Отметил Горький и сказку «Ахламон», которая, по его словам, «безукоризненно сделана».

Однако сколько тайн хранит в себе бездонная человеческая душа!.. Неимоверно работоспособный писатель и прочитатель чужих произведений и рукописей (просто непостижимо – сколько он успевал прочитывать и всегда отмечать именно главное), безукоризненный литературный критик, Алексей Максимович, отправив Клычкову почти восторженное письмо, вскоре строчит другое – влиятельному партийцу Николаю Бухарину (от 13 июля 1925 г.), в котором предлагает уже программу борьбы с «крестьянской опасностью» в литературе, приведя в пример «Сахарного немца» Клычкова и стихи Павла Радимова. Горький подсказывает Бухарину (который печатно изливал душу: мол, долго верил, что его отец – сам дьявол, и пытал мать: не в блуде ли она зачала его в своём материнском чреве – потомок сатаны мог родиться только от блудницы!..), что ни в коем случае не нужно административно подавлять творчество «писателей-крестьян», «но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть дана теперь же...». Что ж, во всяком случае, почти гуманно... Ещё через 8 лет на записке Н. А. Славятинского, где значилось, что известные ему попытки некоторых писателей – в том числе Н. Клюева и С. Клычкова – «опереться на

фольклор» носили «реакционный характер», Горький поставит жёсткую резолюцию: «Очень верно!», подчеркнув закавыченные слова... Фольклор, душа любого народа, вдруг был объявлен «реакционным»!.. Вот и пойми Алексея Максимовича – отчего у него выработалось такое нехорошее отношение к фольклору и «местным» речениям!.. Почему вдруг русские в Вологодской губернии должны разговаривать как на Ставропольщине или в Оренбуржье?..

«Любимец всей партии» Бухарин понял всё правильно. 12 января 1927 года «Правда» публикует его «Злые заметки», февральский номер журнала «Октябрь» их дублирует, следом большим тиражом выходит и отдельная брошюра. Вслед за публикацией этой «хулиганской статьи» (М. М. Пришвин) повсеместно начинают организовываться дискуссии об упаднической поэзии С. Есенина и о губительном влиянии его на советскую литературу. Рапповцы-напостовцы выезжают с «литературными десантами» в глубинку для организации таких дискуссий. Разумеется, всякая (пусть и в прошлом!) связь с Есениным уже автоматически приравнивалась к посещению лепрозория без должного карантина. «Литературная энциклопедия» пишет, что с большой долей уверенности Есенина можно отнести к поэтам кулачества. Мало того, он «великодержавный шовинист», поскольку в 1924 году опубликовал сборник «Русь советская». Какая ещё, к чёрту, Русь?! РСФСР надо было писать! Вот другой поэт «правильной» ориентации пишет в августовском номере «Правды» за 1925 год: «Русь!.. Сгнила? Умерла? Подохла? Вечная память тебе!» Аббревиатуру РСФСР, подменившую гордое вековое название страны – Россия, в интеллигентских кругах не принимали в то время очень многие. Бытовала даже вполне «лагерная», подпадающая под политическую статью «загадка»: «По краям – розы, затем – слёзы, а посерединке – фига». Послереволлюционная ситуация в стране напоминала ту, что была после неудачного выступления декабристов на Сенатской площади в 1825 году, о которой М. Лунин записал в дневнике: «Сегодня нельзя произнести «здравствуй» без политической подоплёки».

Автор беспримерного слово- и мыслетолкования – сотрудник Комакадемии Осип Мартынович Бескин. Он и стал для Сергея Клычкова тем главным смесителем чернила и крови, не пропускаая ни одной публикации своей будущей жертвы или печатной его реплики. Впрочем, после 1930 года Клычкову лишь дважды позволили ответить в «Литературной газете» на откровенное жульничество со стороны «критики», но лишь затем, чтобы ещё раз растолковать и продемонстрировать читателям и подписчикам хищный оскал затаившегося «кулацкого прихвостня». Изданная в 1930 году книжка «В гостях у журавлей» получила семь убийственных рецензий на «кулацкую» поэзию – семь струй из огнемёта. Вскоре издаётся учебник современной советской литературы, где авторы Поляк и Тагер в разделе «Кулацкая литература» мелко дробят косточки уже и так раздавленному поэту, несравненному прозаику. Книга предназначена для будущих преподавателей литературы во всех краях необъятной России; все её постулаты учителя должны передать детям – вестникам грядущего...

*Хорошо, когда у дома
Сад цветёт в полдесятины,
Хорошо иметь корову,
Добрую жену и сына...*

Только самая распоследняя кулацкая сволочь могла написать такое!..

Журнал «На подъёме», сообщая об итогах Всероссийского съезда крестьянских писателей, уведомил своих читателей, что «старые реакционные писатели типа Клычкова и Клюева к крестьянским писателям не имеют никакого отношения». И здесь – отлучение...

Сергей Антонович, не зная, чем с утра покормить новую семью (женился во второй раз на писательнице Варваре Горбачёвой, «героине своих обязанностей», по словам В. Г. Белинского), опять идёт на поклон к Максиму Горькому – признанному авторитету как в литературной, так и в политической среде. Алексей Максимович прекрасно понимал, что, невзирая на свой авторитет, писательской плетью политического обуха не перешибёшь, советует Клычкову заняться переводами. Клычков переводит марийские народные песни, грузинских народных поэтов – Акакия Церетели, Георгия Леонидзе, других не менее талантливых авторов, издаёт стихотворный сборник «Сараспан». Помещённый в этом сборнике перевод узбекской легенды «Мудрец Эдыга» в черновом варианте заканчивается «отсебятиной» – выкриком изболевшейся, бессмысленно и беспричинно затравленной души: строки эти похожи на лопнувший нарыв, хотя слабый отсвет надежды всё-таки в них есть...

<i>Хлопнув по бокам поджарым,</i>	<i>Сбросив тяжкое берема</i>
<i>Я сам-друг – Сергей Клычков</i>	<i>Девятнадцати веков</i>
<i>Был бы к утречку таков.</i>	<i>Да простившись со всеми,</i>
<i>Взвился б под моим тулпаром</i>	<i>Кто отстал или устал,</i>
<i>Ярым громом звон подков,</i>	<i>Смело вденув ногу в стремя,</i>
<i>Разметалась бы пожаром</i>	<i>Я бы юношею стал,</i>
<i>Грива ввысь до облаков,</i>	<i>И догнал бы я, нагнал</i>
<i>И уж был бы я не старым</i>	<i>И судьбу свою, и время! [5]</i>
<i>Стариком из стариков,</i>	

Из милости (и некоторого риска главного редактора) он помещает в «Новом мире» небольшие рецензии на вышедшие книги, подписывая их не фамилией, а буквами – «С. К.», «К. С.» или просто – «К.», дабы редактору В. Полонскому не влетело за то, что даёт хоть малый шанс выжить вполне обозначенному, хотя пока и не осужденному «врагу пролетариата». Оригинальный стиль его, язык и другие отличительные индивидуальные признаки яркого писательского таланта не узнать невозможно, с кем-нибудь спутать – тоже, даже если бы он свои рецензии никак не обозначал. Наш известный философ Владимир Соловьёв, отнюдь не чуждый литературе, писал в 1896 году: «Индивидуальностью у каждого поэта, – как и у всякого другого существа, – мы называем то, что свойственно ему исключительно, в чём у него нет ничего общего с другими. Это есть та совершенно особенная, своеобразная печать, которая налагается существом на всё, ему принадлежащее, – у поэта, в частности, – на всё, что становится предметом его творчества. /.../ Индивидуальность есть неизреченное, или несказанное, что только чувствуется, формируется» [6].

Раздал долги, хотя и не все. Из Союза писателей получил уведомление, что 25 рублей, выданных ему в порядке взаимопомощи, требуется вернуть в общественную кассу, т. к. срок погашения долга истёк [7]. «Гигантская» сумма, но и ту Клычков не мог выплатить вовремя...

Тучи над его головой сгустились всё явственнее. Как выяснил поэт Станислав Куняев, получив краткий доступ к архивам КГБ, агентурные донесения на Клычкова стали поступать на Лубянку-2 уже с 1934 года [8]. Клычков давно всё понимает и всё чувствует; понимает и то, что он обречён (в одной из фраз из «Неспешных записей», приведённой ниже, мы увидим это). В 1931 году отказывается от предложения поехать с группой литераторов на Беломоро-Балтийский канал, прорытый «врагами народа» за 300 дней – в день по километру плюс 19 шлюзов и прочих сложнейших технических сооружений! – дабы потом воспеть работу чекистов и сам «Великий канал» (так была названа изданная коллективная книга с предисловием А. М. Горького). Алексей Максимович, неизвестно по каким соображениям, пишет в

предисловии, что рождается новый вид мировой литературы – коллективное творчество советских писателей; что в недалёком будущем индивидуальное литературное творчество заменит собой творчество коллективное; что если западная литература до сей поры может похвастать лишь братьями Гонкурами, отцом и сыном Дюма и ещё парой аналогичных примеров совместного написания литературных произведений, то «Великий канал» – это своеобразный «наш ответ Чемберлену»; он благодарно – даже восторженно – говорит о главных злодеях страны. Александр Солженицын в «Архипелаге...» пишет: «Жалкое поведение Горького после возвращения из Италии и до смерти я приписывал его заблуждениям и неуму. Но недавно опубликованная переписка 20-х годов даёт толчок объяснить это ниже того: корыстью. Оказавшись в Сорренто, Горький с удивлением не обнаружил вокруг себя мировой славы, а затем – и денег (был же у него целый двор обслуги). Стало ясно, что за деньгами и оживлением славы надо возвращаться в Союз и принять все условия. Тут стал он добровольным пленником Ягоды» [9].

После этой категоричной фразы Нобелевского лауреата всё-таки позволительно высказать некоторые сомнения, яркая иллюстрация к которым – абзацами ниже. В первую очередь, у меня есть сомнение, что это предисловие целиком и полностью написал сам Горький. Старый и мудрый писатель не мог не понимать, что такое на самом деле – «великие стройки социализма». Есть печатные свидетельства, что когда его «туристом» провезли по Соловкам, соорудив при этом из лагеря «потёмкинскую деревню» (кстати молвить, «потёмкинских деревень» никогда не существовало, но термин закрепился в историческом сознании масс), и допустили до общения только со спецпроинструктированными политэзками, он умудрился поговорить и с непроинструктированными; отплывал на материк мрачнее тучи. Так что вряд ли он мог искренне восторгаться превращением в «лагерную пыль» своих соотечественников на Беломоре. Скорее всего, не мог не вспомнить слова Блаженного Августина, работы которого читал и знал: «Что есть государство без справедливости? Банда разбойников».

Второе: архив Горького, за который отвечал его личный секретарь П. П. Крючков (агент НКВД) – семейное прозвище «Пе-Пе-Крю», – по доставлении его из Сорренто в Москву «усох» практически на треть. Петра Крючкова расстреляли после смерти («убийства») Горького, протоколы его допроса «в списках не значатся», утраченная часть архива не обнаружена.

Третье: наш прославленный Маршал Победы Г. К. Жуков не мог издать своей книги «Воспоминания и размышления» до той поры, пока не упомянет в ней, хотя бы в самом коротком пассаже, полковника Л. И. Брежнева (с которым никогда не общался во время Великой Отечественной!), понял, что «бодаться телёнку с дубом» – результат вполне предсказуемый... Ради памяти ещё живых фронтовиков и погибших Георгий Константинович «сломался».

Ещё один пример: к 20-летию первого полёта в космос первого землянина (!) была переиздана книга Ю. А. Гагарина «Дорога в космос» 1961 года издания. Если пролистать и сравнить обе книги, то обнаружим, что в блоке фотографий в переиздании отсутствует Н. С. Хрущёв, но появляется Л. И. Брежнев и что в «воспоминаниях» покойного первого космонавта планеты, который «лично правил» их к юбилейной дате своего полёта, давным-давно пребывая на том свете, отсутствует описание встречи по возвращении на землю с главой государства, зато о секретаре ЦК КПСС Л. И. Брежневе, который, по существующему протоколу, прикреплял Золотую Звезду к новенькому майорскому кителю (в космос Гагарин улетал старшим лейтенантом), отыскивались самые добрые и тёплые слова...

Сергей Клычков вместо Беломора выбирает Метрострой. По какой-то причине то ли ему отказывают как «неблагонадёжному», то ли он сам ставит крест на этой затее, поняв, что в «коллективные» авторы не годится. Однако нужда всё же заставляет сделать уступку совести: в конце 1933 года вместе с Валерианом Поповым пишет большой, явно компилятивный очерк «Зажиток» на колхозную тему. «Известия» его отклоняют – один из авторов известен как «певец кулацко-стопыпинской России». Всё же в начале 1934 года издательство «Советская литература», неизвестно при чьей поддержке, издаёт очерк небольшой брошюрой, поскольку она всё-таки «работает» на режим и преобразования в деревне. Небольшой гонорар за книжку выдраться из долгов возможности не дал. Одна из знакомых Сергея Антоновича писала: «В 1934 году я встретила Клычкова в последний раз... И была потрясена жуткой переменой, которая с ним произошла.... Осунувшийся... Дряблый... Растерянный... Разбросанный – он выглядел значительно старше своих лет...» Да, но талант – он и есть талант! Закатай его хоть в «асфальтовую лужу», он проявит себя в сохранившихся строках. Прошу читателя вдуматься в каждую нижеприведённую строчку, где за каждым словом – и поэзия, и судьба, и плач, и горечь, и любовь, и боль невыносимая, и безысходность, и – биография...

В стихотворении, посвящённом новой жене Варваре Горбачёвой, он пишет в это время:

*Вот она – весна с повязкой
По кудрям зари лесной.
Может быть, последней сказкой
Вдаль уходит – за весной,
За весной, твоей судьбою.
Дальше – страх, и ночь, и синь!
Сядь со мною, сядь со мною
Иль навек уйди и сгинь.
Завтра, может быть, не вспыхнет
Над землёй зари костёр.*

*Сердце навсегда утихнет,
Смерть придёт – полночный вор.
Пусть же здесь, как жемчугами
Убирал я каждый след,
Память сгинет вместе с нами
В чёрный омут чёрных лет.
Но останься ты (до срока),
Чтоб хранить последний шаг,
Ведь недаром же сорока
Потру сказала – враг!*

II

Куда податься затравленному «врагу», коль кругом бывшие друзья и знакомые его сторонятся; да ещё в НКВД прекрасно знают, что сосланному в Нарым «отцу кулацкой литературы» Николаю Ключеву от по-настоящему нищей семьи Клычковых (живут на скудные гонорары супруги) приходят денежные переводы, посылки и письма?... Куда? К человеку-символу. Снова – визит к Горькому. Скорее всего, тяжко давшийся, поскольку Горький, вернувшийся в Россию насовсем, проживал в особняке Рябушинского под неусыпным контролем «органов».

Однажды молодые писатели, договорившись по телефону о встрече (им чудесным образом повезло, т. к. охрана не позволяла «великому пролетарскому писателю» самому снимать трубку), прибыли толпой к входному звонку, увидели вышедшего на крыльцо Горького, а за его плечами – охранника с синими петлицами, который бесстрастно, не глядя на прибывших, сказал в пространство: «Алексея Максимовича нет дома». – «Так как же?... Вот же он, рядом с вами стоит!» – «Повторяю: Алексея Максимовича дома нет, поэтому принять он вас не может». «Основоположник пролетарской литературы» мог только развести руками и молча вернуться в свои, т. е. чужие апартаменты...

Горький посоветовал сходить в Госиздат, заваленный рукописями из провинции, где требовались внештатные редакторы-правщики. Клычков получил рукопись

«Янгал-Маа» (по-вогульски «Тундра»). Книгу сказаний народа манси (вогулов) Клычков назвал «Мадур-Ваза победитель». Опять не обошлось без скандала. Михаил Плотников, приславший рукопись, надолго отбыл на север, скорее всего, специально не оставив координат, поскольку не без причин полагал, что вскоре его объявят в розыск (так и случилось: судьба, схожая с клычковской!), и узнал о судьбе своего творения, лишь когда книга, отредактированная Клычковым, стала публиковаться в «Новом мире». Недоброжелатели обвинили Сергея Клычкова в плагиате. После литературного расследования авторов примирили, издав оба текста под одной обложкой [10].

Уже известный как переводчик, в середине 30-х годов Сергей Антонович получает подстрочник нескольких глав киргизского эпоса «Манас» в издательстве «Academia» и в короткий срок создаёт поэму «Алмамбет и Алтынай». Свои стихи пишет в стол – не публикуют. Один из циклов так и называется: «Нищий стол» (изъят НКВД при аресте и вряд ли будет разыскан). Живут на гонорары супруги...

За его спиной между тем сгущаются тучи. Политредактор Роза Моисеевна Бегак строчит донос в НКВД, в котором «расшифровывает» перевод с подстрочника как инструкцию затаившимся троцкистам и форменную агитационную клевету на советскую действительность, упорно называя главу из киргизского эпоса «поэмой Клычкова» [11]. Она настаивает, что «поэма написана по тезисам извне» и что поэт однозначно «продан, а не предан». Впрочем, агентурные донесения на поведение и высказывания поэта стали поступать в «органы», как сказано выше, уже с 1934 года. Бегак подвела черту... Войдя в литературу как поэт, он задумал девятикнижие (трилогия трилогий) романов о русской деревне: от «глубокой диверсии в прошлое», как сам он писал, до социалистической деревни XX века. Успел написать и издать только три романа: «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь» и «Князь мира», столь свирепо облаянных критикой за ярко выраженный «русский стиль», что через ступень «великодержавного шовиниста» быстро был зачислен в «кулацкие поэты». И это в период «решительного наступления на кулачество» и самого лютого искоренения того самого русского «великодержавного шовинизма», начатого В. И. Лениным и его соратниками. К этому определению подтасовывали не только «крамольные» высказывания, под дамокловым мечом скорбно существовало даже краеведение: некоторых известных краеведов, слишком много уделявших внимания дореволюционному прошлому России, пускали по этапу и даже ставили к стенке. В приговорах сохранились и такие определения: «Расстрелять как патриота и врага народа». Мастера Палеха, Жостова, Городца, фарфоровых заводов Гарднера и Кузнецова, Гжели сумели сохранить свои вековые традиции благодаря обращению к революционной тематике. В Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП) был известен термин – «ударить по Клычкову»...

В 1930 году ему удалось издать свой последний стихотворный сборник «В гостях у журавлей», получивший семь глумливых рецензий. Хотя ничего антисоветского в стихах Клычкова и не было найдено, но сам автор – «кулацкий поэт», которому спуску давать не следовало. Постановлением партии «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года политизированная организация РАПП (и другие литературные группировки) была распущена, 15 мая был создан Оргкомитет по созданию Союза писателей СССР под патронажем А. М. Горького, на который Клычков, затравленный критиками РАППа, восторженно уповал: наконец-то справедливость восторжествует!.. Однако на Первом пленуме Оргкомитета (29 октября – 3 октября 1932 года) за ним, образно говоря, закрепили потенциально расстрельную кличку «кулацкий поэт» – и никто не выступил в его

защиту. Будучи отстранённым от литературной работы (журнал «Красная Новь») и печатного станка (какой-никакой, а гонорар), Клычков, как было сказано выше, пробивается к первокласснику советской пролетарской литературы за помощью-советом: жить литературному изгояю надо, у него семья... По свидетельству младшего брата Алексея Сечинского, Горький во время беседы посоветовал: своё отложи в сторону и займись переводами – дело перспективное, сейчас этот жанр востребован и на слуху, а для «кулацкого прихвостня» – практически неподсудное! Здесь требуется небольшое отступление.

После образования СССР действия партии были направлены не только на политическую консолидацию народов на основе ещё не победившего социализма, но и на культурно-национальное строительство в новообразованных республиках и автономиях. Параллельно шла разработка алфавитов для ранее бесписьменных народов и орфографий для их языков, сбор и запись фольклорных и эпических сказаний, перевод их на русский и родственные языки. Появилось и немало «фольклорных» фальсификаций, сегодня не выдерживающих никакой критики, но тогда – востребованных. И хотя к 1934 году около 70 национальных языков страны Советов получили новую письменность на основе латинского алфавита (около 40 из них – на территории РСФСР), поворот к русской графике и русской культуре как связующей другие культуры стал исторической неизбежностью (после распада СССР бывшие братские народы сегодня понятия не имеют о жизни и творчестве своих литературных собратьев, хотя ранее бесписьменные имеют свои академии наук). С 3 по 7 января в Москве с помпой прошло грандиозное 1-е совещание переводчиков художественной литературы.

Ещё в 1929 году Сергей Клычков пишет рецензию на поэму «Красный дьявол» армянского поэта Айкуни, где касается и тонкостей переводческого искусства: «Нельзя о похищении из цейхгауза казённых вещей писать таким же языком, как и о похищении сабинянок...» Не существует точной биографической хроники писателя, где была бы отслежена точная датировка его работы над переводами с языков других народов (по разным причинам это и невозможно), но по конечному результату нельзя не заметить, что отдался он работе не только с великим прилежанием, но и с великой любовью. Даже забросил на время продолжение своего девятикнижия. Свои стихи писал «в стол» – без какой-либо надежды на их публикацию (изъяты НКВД при аресте, в «деле» Клычкова их не обнаружили). В начале 1931 года давнему другу юности, литературоведу П. Журову сообщает, что занимается обработкой вогульской поэмы М. Плотникова «Янгал-Маа» («Тундра»); Клычков назвал её «Мадур-Ваза победитель». От неё он, как записывает Журов в дневнике, «в тихом восхищении» и считает её «выше Гайаваты и Калевалы». Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях (Клычковы наконец получили квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке и стали соседями Мандельштамов) написала: «Жил он переводом какого-то бесконечного эпоса, а по вечерам надевал очки с отломанной лапкой – он привязывал вместо неё верёвочку – и читал энциклопедию, как учёный сапожник – Библию». Жена Клычкова, писательница Варвара Горбачёва (псевдоним – Арбачёва), также сделала короткую дневниковую запись: «Алексей Максимович /Горький/ плакал, слушая последние главы». Сегодня эта книга переиздана: М., «Наш современник», 2000 г.

«Мадур...» обратил на себя внимание литературной общественности. Уже в «перестроечном» журнале «Огонёк» преклонных лет поэт и переводчик Семён Липкин вспоминал: «В середине тридцатых годов Гослитиздат учинил закрытый конкурс на лучший перевод главы из киргизского эпоса «Манас». Соискателей /.../

было много, человек двадцать, среди них – именитые (выделено мной. – В. М.): Сергей Клычков, Василий Казин, Георгий Шенгели». Даже издательство «Academia», издавшее «Мадур-Вазу...», сочло возможным поддержать «контрреволюционера» и «верного ученика отца кулацкой литературы Н. Клюева».

14 декабря 1932 г.

В киргизское полномочное

Представительство при СНК СССР

Издательство «ACADEMIA» сообщает, что предъявитель сего – русский писатель и поэт Сергей Антонович КЛЫЧКОВ – по заданиям Издательства произвёл поэтическую обработку вогульской поэмы «Янгал-Маа», составленной Плотниковым. Эта работа, по отзывам целого ряда компетентных лиц, является высокохудожественной. Ввиду того, что Издательству известно о намерениях Киргизского Правительства перевести на русский язык киргизский эпос и создать из него на этом языке поэтический свод, Издательство находит, что С. А. КЛЫЧКОВ может быть для этого вполне подходящим лицом, которое, как полагает Издательство, с этой задачей, безусловно, справится.

ЗАМ. ЗАВ. ИЗДАТЕЛЬСТВОМ (ЕЖОВ).

Секретарь Издательства (Ческис).

Орфография документа – подлинная. Следует пояснить «шапку» обращения. В 1932 году, когда процесс национально-территориального деления ещё не был законченным и устоявшимся, Киргизстан входил в состав РСФСР. До 1925 года Киргизская автономная советская социалистическая республика называлась Казахской АССР.

Французский славист Мишель Никё, один из первых современников, кто познакомил европейского читателя с именем Сергея Клычкова, разыскал в РГАЛИ 646 листов рукописи черновиков и вариантов поэмы «Алмамбет и Алтынай» (малая часть гигантского исторического полотна «Манаса»). Поэма вышла отдельной книгой «в издательстве «Художественная литература» в конце 1936 года под редакцией Василия Казина, – пишет М. Никё, – и с вступлением «От издательства», написанным на основе клычковского черновика».

Алмамбет – богатырь, равный по силе Манасу, сподвижник его в боевых походах, Алтынай – его мудрая мать и духовная наставница. Хан Манас – не просто богатырь-великан, который побеждает не только бесчисленных врагов и поработителей киргизского народа (ему помогают волшебный меч, неуязвимый панцирь), но и всякую чудовищную нежить, поскольку сам рождён не без помощи высших сил: мать его откусила бочок чудесного яблочка – и понесла... Его поход на Бейджин, столицу Китая, во время которого он вместе с Алмамбетом, Чубаком и Сыргаком совершает множество подвигов, оказывается последним: богатыря предательски убивают отравленным оружием. Но Бейджин (Пекин) Манас всё-таки покорил. Именно подстрочник главы «Поход богатыря Манаса на Бейджин великий» Сергей Клычков и получил на руки, придав ей вольную обработку.

Роковая для переводчика книга ещё готовилась к печати, а бдительный политредактор Гослитиздата Роза Моисеевна Бегак уже строчит донос «куда надо»: «Уже при первом чтении мной этой поэмы меня смутило и вызвало на мысль (какой «чистейший» русский язык! – В.М.): не кроется ли в ней какое иносказание.

В основе поэмы Клычкова никакого народного творчества не стоит («Я в восхищении!...») – как говорила булгаковская Маргарита. – В. М.). Поэма не венчает, но сопровождает борьбу сил, является документом агитационным в ещё незавершённом

ной, с точки зрения автора, борьбе сил. В этом случае в содержании поэмы должно укрываться иносказание, аналогичное реальной действительности, которая в ней и нашла /место/, раскрыть которую я и попытаюсь дальше». Дальше безграмотная доносчица (рискованно плюёт на марксистско-ленинскую диалектику, которую обязана бы знать как политредактор одного из ведущих издательств страны! – В. М.) «раскрывает», что Бейджин – это не Пекин, а Москва; страна Кош-Сала – «страна кож и сала – Монголия» (для богатыря Манаса, как для бешеной собаки, – семь вёрст не крюк: взгляните на карту! – В. М.); что солоны – это те народы, которым нынче «солono живётся – народы СССР», а совсем не китайцы, как у Клычкова, и т. д. Настаивает, что «поэма написана по тезисам извне» и что Клычков – затаившийся троцкист [12]. Уж за «солono живётся народам СССР» ей самой могли легко впясть знаменитую 58-ю статью: антисоветская агитация!.. Роза Моисеевна не могла не знать, что в то время пометка на «деле» КРД («контрреволюционная деятельность») автоматически означала 10 лет лагерей, а прибавка буквы Т (КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность») тоже автоматически добавляла к сроку «червонец»... Когда в ночь на 31 августа 1937 года Сергея Антоновича арестовали, искали в первую очередь рукопись «Манаса».

«Манас» – устный богатырский эпос киргизов наряду с такими, как «Семетей» (самостоятельная часть «Манаса»), «Джаниш Балил», «Кедей-хан», «Курмам-бек» и др. Состоит из трёх частей. Исследователи относят события, описываемые в «Манасе», к X-XIV вв. Богатырь Манас совершает походы в Китай, Афганистан, внутри Средней Азии. Сказители именовались «манасчи» и исполняли эпос в сопровождении трёхструнного щипкового инструмента комуса или чертмека. Манасчи должен был обладать невероятной памятью, ибо до поры записей эпических сказаний не существовало. Лучших сказителей знал весь народ, и они пользовались неимоверным почитанием. Впервые записи стали появляться только после 1928 года – с введением латинского алфавита. Известно более 18 вариантов записей «Манаса». Для эпоса характерна разнообразная стилистическая окраска, обилие изречений, пословиц, афоризмов, поговорок, крылатых слов и выражений.

На время получения подстрочника главы «Манаса» Сергеем Клычковым были известны два: Сагымбая Орозбакова, который надиктовал около 250 тысяч строк, и Саякбая Каралаева, который хранил в памяти всю трилогию: подвиги Манаса, подвиги Семетея (сына богатыря) и подвиги Сейтека (внука). У первого сказителя ощутил сильный налёт ислама, поэтому вполне вероятно, что Клычкову предложили подстрочник Каралаева, за которым записано более 500 тысяч стихотворных строк.

8 октября того же года он был приговорён по двум параграфам 58-й статьи к расстрелу за «антисоветскую деятельность в идеологической области», участие в «Трудовой крестьянской партии», замышлявшей покушение на высших лиц государства, «связь с Каменевым» и т. п. Единственное «смягчающее» обстоятельство, которое занесли в протокол во время второго (и последнего) допроса, – слова замученного подследственного: «Организатором я не был». Речь об организации покушения. Не помогло. Следователь с печальной фамилией Журбенко, подписавший ему смертный приговор, вскоре сам был расстрелян – во время очередной «чистки» на Лубянке-2...

25 июля 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР Сергей Антонович Клычков был посмертно реабилитирован – «за отсутствием состава преступления». Однако переиздание его книг и возвращение честного имени в русскую литературу затянулось до середины 80-х годов...

III

Художественный перевод известен с глубокой древности и служит благородной задаче взаимопроникновения культур и взаимопонимания народов. В России перевод известен ещё со времён Киевской Руси. Классическое наблюдение – перевод зависим от объекта перевода. Вероятно, нам никогда не отыскать «золотой середины» в вечном противоборстве точности перевода подлинника с его поэтическим восприятием языка и образов, предложенных читателю переводчиком. Размыты грани ответа и на вопрос «Что важнее?». Не вдаваясь глубоко в тему, для примера сравните хотя бы перевод известного стихотворения «Перчатка» Ф. Шиллера В. А. Жуковским и стихотворение «Перчатка» М. Ю. Лермонтова – с подзаголовком «Из Шиллера». Авторские уведомления «из», «по мотивам», «подражание» и т. д. – честное признание в тяготении к т. н. «вольному переводу», о котором в предисловии к книге «Сараспан» упоминает С. А. Клычков. Сравните переводы одинаковых пьес Шекспира М. Лозинским, Т. Щепкиной-Куперник и Б. Пастернаком... Или варианты «Рубайев» Омара Хайяма, известные на русском языке... Корней Чуковский неспроста назвал перевод «высоким искусством». Николай Гумилёв, подробно говоря о трёх способах перевода стихов (и не ратуя ни за один), пишет: «Сохранённый дух должен оправдать всё. Однако поэт, достойный этого имени, пользуется именно формой, как единственным средством выразить дух». Его статья «Переводы стихотворные» (1919) заканчивается так: «Повторим же вкратце, что обязательно соблюдать: 1) число строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер enjambement (перенос предложения из одной строки в другую. – В. М.), 5) характер рифм, 6) характер словаря, 7) тип сравнений, 8) особые приёмы, 9) переходы тона.

Таковы девять заповедей для переводчика; так как их на одну меньше, чем Моисеевых, я надеюсь, что они будут лучше исполняться» [13].

К теме и к месту приведу и отрывок из «Мыслей о литературе» К. Н. Батюшкова: «Каждый язык имеет своё словосочетание, свою гармонию. И странно было бы русскому, или италианцу, или англичанину писать для французского уха и наоборот» [14].

Сергей Клычков неспроста взялся за переводы именно народного творчества и творчества народных поэтов. Исследователь Н. И. Неженец в книге «Поэзия народных традиций» (М., «Наука». 1988), говоря о раннем творчестве С. А. Клычкова, совершенно справедливо пишет: «В своём творчестве Клычков шёл за народными певцами и сказителями; материалом для его стихов служили их устные сказы, легенды, притчи, песни.

Ранний романтизм Клычкова можно назвать фольклорно-идиллическим. Его основой являлась песенная и сказочная поэзия народа. Молодой автор писал как бы по рецептам народных певцов и сказителей, отбирая в их творчестве лишь такие идеи и образы, которые способствовали созданию мира возвышенного». Дальше: «Темы, идеи, образы Клычкова получали своё раскрытие прежде всего в романтизированной интонационной среде. Эмоционально-ритмическое оформление стихотворной речи, её словарь и синтаксис способствовали созданию в произведении особого лирического подтекста, в котором явственно ощущалось восторженное отношение автора к природе, людям, жизни вообще».

На примере перевода двух глав из «Барсовой шкуры» Ш. Руставели [15] читателю решать самому: оправдал ли **всё** «сохранённый дух» или всё-таки к «девяти заповедям» Н. Гумилёва, пусть и не целиком, надо было бы прислушаться... С учётом того, что Сергей Клычков в творчестве всю жизнь был твёрдокаменно поперечен всяким «-измам» и новейшим теоретическим изыскам и толкованиям языковых и стилистических извращений (его «Лысая гора», не утратившая своего значения до сих пор, – классическое тому подтверждение!) и всегда искал свои пути, не пытаюсь

наступить на горло собственной песне, отстаивая свою «самость» – Божий дар, коим он был отмечен. Слово он, как и евангелист Иоанн, приравнивал к Богу – и честно служил ему в меру сил и таланта...

Шота Руставели жил в XII веке от Р. Х., был государственным казначеем в правление царицы Тамары, участвовал в росписи грузинского монастыря св. Креста в Иерусалиме, долгие годы при этом работал над своей бессмертной поэмой «Витязь в тигровой шкуре». Первое издание поэмы увидело свет на грузинском языке в 1712 году, когда разрозненная феодальная Грузия сумела освободиться от турецко-персидской зависимости, но ещё не обрела единства (многие удельные князьки приняли мусульманство, в Кахетии вспыхивали крестьянские восстания). Книга была издана под редакцией самого Вахтанга VI и с его комментариями. Заслуга поэта Шота Руставели в объединении Грузии была неоспоримой. В 1922 году в Тбилиси торжественно открыли драматический театр им. Шота Руставели. А в декабре 1937 года уже вся советская общественность отмечала его 750-летие.

Сегодня известны пять полных переводов на русский язык поэмы Руставели. Сергей Клычков был одним из первых, кто познакомил русского читателя с «Витязем...», но всего с двумя главами. Перевод К. Бальмонта относится к 1937 году, Ш. Нуцубидзе – на 20 лет позже, Н. Заболоцкого – 1962 (спустя четыре года после смерти). Из «девяти заповедей» переводчика, по Гумилёву, Клычков рискнул нарушить вторую. Поясним.

Народный грузинский напев (шаири) имеет поэтический размер 8+8. Приведём по переводу Н. Заболоцкого – для вящего понимания:

*Всё, что / спрятал, то / про / пало, /
Всё, что / отдал, / то тво / ё.*

Соблюдён не только размер, но и афористичность строки. А афоризмов в поэме Руставели – более двухсот. В клычковском переводе их практически не отыщешь. Хотя, как точно отметил упомянутый Н. И. Неженец, «поэтическая деталь у Клычкова всегда двупланова. Она как бы пребывает в двух измерениях – предметно-бытовом и психологическом». Сказано о лирике Клычкова, но эту двуплановость он сохранил и в своих переводах. Нарушив размер, но сохранив дух подлинника, – всё-таки проиграл... Например, у Шалвы Нуцубидзе, прекрасно владевшим грузинским и русским языками, первая строфа «Вступления» звучит так:

*Кто создателем Вселенной был всеильно-всемогущим
И с небес дыханье жизни даровал всем тварям сущим,
Одарил земным нас миром многообразно цветущим, –
От него ж цари с их ликом, одному ему присущим.*

У Сергея Клычкова:

<i>Тот, кто создал Вселенную, Духом, навеянным с неба, Мудро содеял всё сущее В многоличии мира.</i>	<i>Дал он в красе, в обилии Землю нам на потребу. Царь – его образ. Подобие Звёздному небу – порфира.</i>
--	---

Мягко говоря, грузинским шаири не пахнет... С другой стороны, почти смешно для русского читателя звучат многие строки более точного перевода Ш. Нуцубидзе вроде: «Утешенье сеют губы, алый цвет блестит алмазом»; «Словом, вставленным умело, он расширил речи круг» – и т. п.

Ну, и где та самая «золотая середина»?..

Полиглот А. С. Грибоедов в эпиграмме «Вестнику Европы» (1824 г.) писал:

*И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врёт вы, о дети? Детям – врут! [16]*

Ещё с большей желчью отозвался М. Ю. Лермонтов на французские переводы с русского: «Французы очень верно переводят наших поэтов; жаль только, что переводы их так схожи с подлинниками, как африканцы с европейцами. /.../ Батюшков говорит, что покидает берега Альбиона, а у г-на Герля он поспешает в Англию туманную. Откуда взялся океан туманов? Каким образом корабль Батюшкова превратился в барку у Г. Герля? Откуда взялось собрание гальцион около барки? Зачем из одной гальционы Батюшкова воображение г-на Герля породило их множество? У Батюшкова они плывут за кораблём, а у г-на Герля гальционы делаются путеводителями барки; и чем же ведут барку? – Своими голосами! Вот пример галиматши на ходулях! Вот верный перевод! Г-н Герль похож на того живописца, которого кисть писала Фоку Сидором, а Сидора Фокою» [17].

Здравствующий ныне писатель В. Н. Крупин, увидя, что дочь читает на английском русские сказки, попросил дословно перевести на русский язык неизвестную для него русскую сказку «Приказ шуки». Дочь перевела отрывок дословно: «Емеля, – сказали жёны старших братьев, – если ты не организуешь нам доставку воды, то братья твои не найдут в городе в супермаркет и не купят тебе презента». «О, кей! – сказал Емеля и пошёл организовывать доставку воды»...

Обратный пример весьма бережного отношения к переводу. Когда Борис Пастернак перевел «Ромео и Джульетту», Михаил Михайлович Морозов (тот самый Мика Морозов на картине В. Серова), авторитетнейший в мире шекспировед, с которым, как с конечной инстанцией не гнушались консультироваться даже признанные английские шекспироведы, написал весьма благожелательный отзыв на перевод, но жёстко отметил промахи, сделал ряд замечаний. Насколько они профессиональны – судите сами. Даю замечания выборочно.

«В четверг? Короткий слишком, сударь, срок». Актёры сразу почувствуют трудность в произнесении таких фраз.

Следует осторожнее подходить к сложным ритмическим формам пятистопного ямба, если перевод предназначается для театра. (...) Имею в виду ритмический рисунок, как, например, «Мой сын прокрадывается домой», «За требующимся распоряженьем», «О незнаградимая утрата!», «Чтоб укрывающиеся могли».

Пастернак неправильно подчеркивает английский колорит, употребляя слово «джентльмен». Неправильно потому, что для англичанина слово «джентльмены» просто значит «господа», а для русского читателя и зрителя непременно «английские господа». Так, благодаря одному слову, сужаются возможности постановщика! Неприемлема русифицирующая всю пьесу и фраза «друг Петруша»!

Имеются несколько случаев произвольного огрубления подлинника. «Я скотина», – говорит Джульетта. Но английское «beast» имеет совершенно другой оттенок. Не приходится сомневаться, что слово «скотина» вызовет ненужный смех в зрительном зале. Джульетта говорит у Шекспира: «Я девушка, умираю девушкой-вдовой». У Пастернака – «Тут и без лестниц (?) в девках (!) овдовели». (...)

Чрезвычайно вычурно выражается Лоренцо: «Как выпившие, выводя мыслите».

Много мест недостаточно ясных или, как мне кажется, непонятных. Например: «Я так и знал, и меток, как в стрельбе»; «Увы, у этой твёрдая серёдка» (в подлиннике «твёрдой серёдки» нет); «Ищи всему в глазах истолкованья»; «Пусть дурни шевелят» (чрезвычайно неестественный для русского языка эллипс); «Плясать не станет после этих слов» (не совсем ясно, о каких «этих словах» идёт речь). Я не понимаю, что значит «нечаянность предупреждает крайность», тем более что в подлиннике ничего похожего нет. «Не в душах, а в концах ресниц похоже» – насколько яснее у Шекспира: просто «глаза», а не «концы ресниц»! (...)

В переводе очень много неточностей смысловых, а то и текстовых пропусков. Прекрасно, конечно, что Пастернак далёк от буквализма, умеет замечательно рас-

крывать подтекст, но многочисленные отступления от подлинника временами просто недопустимы в переводе с Шекспира».

И так далее.

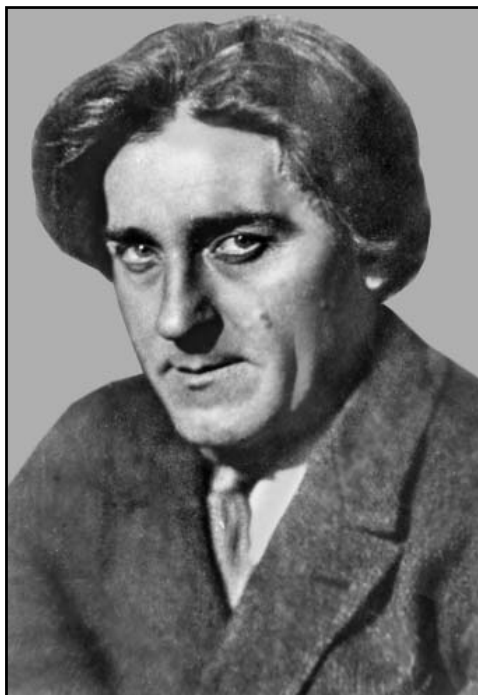
Примечательно, что Борис Пастернак переделал все указанные в замечаниях фразы. Они стали выглядеть так: «До четверга короткий слишком срок»; «Мой сын угрюмо тащится домой»; «Узнать на этот счёт твоё решенье»; «О муж! О князь! О страшная утрата!»; «джентльмены» переводчик заменил на «Привет, сеньоры!»; «друг Петруша» покинул английский лингвистический ареал навсегда; Джульетта перестала ругать себя «скотиной»; появилось «Пусть пляшут дураки» и «Не станет после этого плясать» – словом, благодаря М. М. Морозову мы теперь можем сегодня наслаждаться безупречным переводом Шекспира Пастернаком.

Что же касается перевода дословного, то как перевести с русского на любой другой язык, например, такое: «чеши отсюда», «дуй в парикмахерскую», «ты мне смерть как надоел», «ужасно красивая женщина», «грозился к обеду поспеть», «дать дрозда» – и т. п. Если для русского фраза «Польшу четвертовали на три неравные половины» звучит как тонкий юмор, то для того же поляка она останется неразгадываемым ребусом.

Небольшую часть марийских народных песен Клычков спас от забвения, поскольку, имея богатые фольклорные традиции, марийцы долгое время не имели своей письменности. Добавим, что и марийский язык всегда делился на луговой (левобережье Волги) и горномарийский (правый крутой берег). С какого языка осуществлён перевод – нам неизвестно.

Забытое ныне для широкого читателя имя: Ишемгулов Булат Закирович (1900 – 1938) – талантливый башкирский поэт и публицист. Печататься он начал с семнадцати лет, горячо приняв революцию. Отсюда и тематика его произведений (стихи, очерки, рассказы о «новой жизни»), и политическая их окраска: фельетоны, частушки, сатирические инсценировки, в которых он бичевал баев и мулл. Автор трёх поэм. Кончина его печальна: расстрелян как «враг народа», позже – реабилитирован. На русском языке его книга «Избранное» появилась только в 1957 году. То есть Сергей Клычков оказался первым переводчиком стихотворений Булата.

Через Сергея Клычкова к русскому читателю пришла одна из многочисленных восточных легенд (её начало) «Алямжи Мергени Госхон» и прекрасно адаптированная к русскому восприятию узбекская легенда о мудреце Эдыге. Смешанные образы, которые использовал Сергей Антонович в своих переводах, удачно решили одновременно две задачи: знакомили русского читателя с бытом и нравами Востока и одновременно не вызвали отторжения внешней чуждостью и экзотичностью, сближая разные литературы и народы. В этом – одна из больших его заслуг как мастера-переводчика.

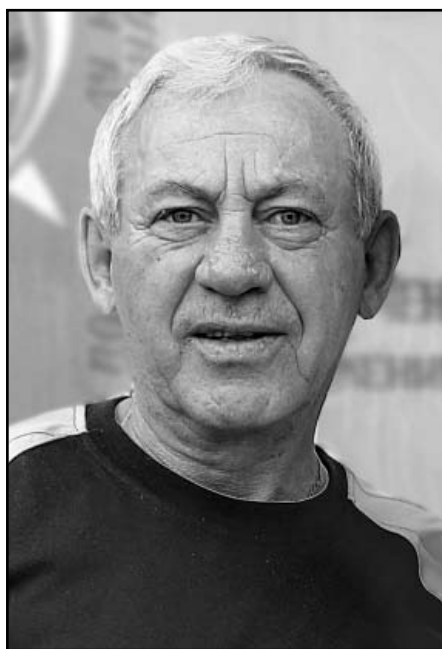
Примечания

1. Ф. М. Достоевский. Ряд статей о русской литературе. II. Г-н –бов и вопрос об искусстве.
2. С. А. Клычков. Лысая гора. Составление и комментарии – В. В. Морозов. Г. Талдом, 1996.
3. Там же.
4. А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, часть третья. Истребительно-трудовые.
5. Разыскано в ЦГАЛИ С. И. Субботиним.
6. В. С. Соловьёв. Литературная критика. Поэзия Я. П. Полонского. М., Современник, 1990.
7. Домашний архив Г. С. и Н. В. Клычковых.
8. Ст. Куняев, С. Куняев. «Растерзанные тени». Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов ВЧК-ОГПУ-НКВД, заведённых на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина. М., Голос, 1995.
9. А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, часть третья. Истребительно-трудовые.
10. Москва – Ленинград, Academia, 1933. Переиздание: Сергей Клычков. «Мадур-Ваза победитель». М., Наш современник, 2000. Послесловие и комментарии В. В. Морозова.
11. Карандашная копия – в домашнем архиве Г. С. и Н. В. Клычковых.
12. Домашний архив Г. С. и Н. В. Клычковых.
13. Н. С. Гумилёв. Письма о русской поэзии. М., Современник, 1990.
14. К. Н. Батюшков. Сочинения в 2-х томах, т. 2, стр. 45. М., Художественная литература, 1989.
15. С. А. Клычков. Сараспан. Стихи, обработки фольклора и переводы. М., Голос-Пресс, 2009. (Переиздание 1936 г.) Предисловие и комментарии В. В. Морозова.
16. А. С. Грибоедов. Сочинения. Эпиграммы. М., Художественная литература, 1988.
17. М. Ю. Лермонтов. Собрание соч. в 4-х томах, т. 4. Мысли, выписки и замечания. Стр. 378.

ПОЭЗИЯ

Александр
РАЕВСКИЙ

Александр Дмитриевич РАЕВСКИЙ родился 11 августа 1951 года в с. Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Окончив среднюю школу, отслужил в армии. Работал директором Дома культуры, рабочим на ряде промышленных предприятий. Выпускник филологического факультета Новокузнецкого государственного пединститута. Служил в пожарной охране МВД. Капитан в отставке. В настоящее время – руководитель Новокузнецкого филиала Союза писателей Кузбасса по югу области. Публикуется с конца 60-х годов в областной, региональной и центральной периодике. Соавтор ряда коллективных сборников и антологий. Автор пяти поэтических книг, изданных в Кемерове. Лауреат премий в номинации «Поэзия»: «Молодость Кузбасса» (1980 г.), журнала «Наш современник» (2003 г.), областной «Образ» (2007 г.). Член Союза писателей России с 1995 года. Живёт в г. Новокузнецке.

НАЧЕРТАНЬЯ СУДЬБЫ

ФОТОГРАФ ИЮНЯ

В цветном объективе лукавого лета
Так много вмещается звуков и света:
Кукушкина роша,
        просёлок, прохлада,
Ленивая россыпь далёкого стада...
Озимая зыбь –
        как душа гармониста –
Желает, чтоб ветры о ней поскучали,
А ближе – осинка в тяжёлом монисто,
Гляди-ка ты, пава... и тоньше встречали!
Светла на изгибе, как стёршийся лемех,
Река,
        вдоль которой по мягкой орбите
Звения пронесёт раскалённый «Юпитер»
Двоих невесомых в малиновых шлемах.
Зелёным пространством в мечты золотые
Летят эти двое, летят что есть мочи!..
Куда вы такие шальные?..
        А впрочем,
Рискуйте сердцами, пока молодые.
Ромашки навстречу, как царские деньги,
И ласточки воздух собой засорили,
И звону бездонному рады-раденьки
Антенны мелькнувшей вдали деревеньки!
...А по небу туча на юг волочилась.
И всюду, где тень её цветом владела,
Весёлая местность на миг становилась
Любительским снимком,
        уже чёрно-белым.

ЭТЮД

В огне купаются осины,
В ложбине прячется стожок.
Паучья нить.
Венец лосиный
Во мху, как белый гребешок.
Гнездо, покинутое пташкой,
Свисает рядом.
А вдали
Ползут оранжевой букашкой
По полю чьи-то «Жигули»...

***

Ушла любимая
и пламень губ
Влепила в щёку,
чтоб в груди звучало...
Седая роша,
Деревянный клуб,
А там и улицы твоей начало...
Остынешь малость, и охватит страх:
Где высь, где недра – угадай попробуй!
В каком безмолвии, в каких мирах
Сейчас летишь ты молодым микробом?
Дома –
Как головы уснувших рыб.
Кошмары космоса –
Острей иголок.
Опустишь валенок – вселенский скрип!..
Уронишь варежку – глубинный холод!..

***

...И вот изначальная струнка задета:
Светлеет восток. Тяжелют кусты.
Уводит в чащобы беспечное лето
Ленивые ключья былой темноты...

Так медленно в мире, и невыразимо,
И неповторимо... зелёный рассвет!
Дыхание птицы свободно и зримо,
Расслаблены крылья, и горло в росе.

И ты, человек, на пороге светанья
Стоишь – безголос, безмятежен и нов,
И кажется: видишь судьбы начертанья...
И веруешь в прочность житейских основ.

Случится ж такое:
однажды проснуться –
Душою ребёнка, летами жених,
С восторгом в лучи бытия окунуться
И каплей янтарной просвечивать в них.

Вот –
сердце трепещет под лёгкой сорочкой.
Вот –
мыслей возвышенных хрупкий венец...
Бесстрастное время,
ну что ты пророчишь
Всему заревому извечный конец?

Всё будет: и полдень, набитый ветрами,
И грозы, и странный,
с грустинкой закат, –
Так будет.

Но только не следует в травы
Печальное слово ронять с языка.

Есть высшая воля над нами над всеми:
Коль выпало счастье – явись и живи!
У облака – дождик, у дерева – семя,
В судьбе человеческой –
дымка любви...

Пускай наша жизнь
торопливая слишком.
Но вот уж, тоской горизонта ведом,
Подходит к тебе белокурый сынишка
И требует маленький:
«Папа, пойдём!..»

И вот начинается песня рассвета...

КРАСНЫЙ ВЕЧЕР

Что удалось – не удалось,
А ты вздохни усталым вечером:
Рентгеном красным всё насквозь
Тепло и горестно просвечено.

Тот свет в неведомый конец
Неслышно, медленно ступает...
И суть вещей, и стук сердец
Сквозь оболочку проступает.

Пылают плечи облаков,
Прохлады души их былинные;
Берёзы – жгучие с боков,
А тени – тихие и длинные.

Мы замираем в этот час,
Земли случайные прохожие,
И лёгкие трепещут в нас,
На крылья бабочек похожие.

И что сбылось и не сбылось –
Судьбою каждого отмечено;
Печалью высшей всё насквозь
Тепло и бережно просвечено.

ПАМЯТЬ

Галина УЛЬЯНОВА

Галина Андреевна УЛЬЯНОВА – выпускница литературного факультета Бийского государственного педагогического института (1968 г.) и исторического факультета Горно-Алтайского государственного педагогического института (1990 г.).

Общий стаж работы в школе – учителем русского языка, литературы и истории – 23 года: Быстринская средняя школа Красногорского района Алтайского края, средняя школа № 13 в г. Горно-Алтайске, педагогическое училище г. Горно-Алтайска.

С 1 сентября 1990 года она работает старшим научным сотрудником Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина (с. Сротки Бийского района Алтайского края).

Её статьи о жизни и творчестве В. М. Шукшина, истории его родного села и людях публикуются в краевой, региональной и центральной периодике, а также в тематических и музейных сборниках разных лет и др.

Она лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2009 г.), учреждённой Союзом писателей России.

ШУКШИНСКИЕ СРОТКИ

ПРИЕЗДЫ В. М. ШУКШИНА В СРОТКИ В 1954 – 1972 ГОДЫ

*«Родина... И почему же живёт в сердце мысль,
что когда-то я останусь там навсегда?..»**

В. М. Шукшин

Что такое Сротки в жизни Шукшина, почему он постоянно возвращается и возвращается к ним в своём творчестве, особенно в последние годы жизни?..

«А Сротки давно уже манят меня и даже во сне являются... Должен вам сказать, что там, в родных краях, я всегда пишу с каким-то остервенением, с неистощимой силой». Так говорил Шукшин в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Г. Цитриняком летом 1974 года. И там же, продолжая тему малой родины, признавался: «Конечно же, для меня нет красивее села, чем Сротки, красивее реки, чем Катунь... Да и я стремлюсь на свой Алтай по той же причине: люди!..»

*Из статьи «Слово о малой родине». Вопросы самому себе (М., Молодая гвардия, 1981 г.).

Именно этот могучий зов родины, родной земли владел Шукшиным, как и многими его героями. Он использовал малейшую возможность, чтобы побывать в родных краях, подышать родным воздухом, послушать «ласковое слово матери».

В годы студенчества (1954-1960) эти приезды только летом и связаны с какими-то важными событиями в жизни самого Шукшина или семьи. Например, июль-август 1955 года – свадьба родной сестры Натальи с Александром Зиновьевым (Василий Макарович был тогда в Сростках с троюродным братом, художником Иваном Поповым).

В 1967 году появилась статья Шукшина «Монолог на лестнице», в которой он описывает это событие, сожалея о том, что современная молодёжь забывает обряды старинной русской свадьбы. Конечно, это своеобразный спектакль, но он не вызывает смех, в нём всё трогательно и волнующе, все гости – не просто зрители-слушатели, а участники этого значительного действия.

«... Лет двенадцать назад я выдавал замуж сестру (на правах старшего брата, за неимением отца). Это было далеко, в Сибири. По всем правилам (почти по всем) старинной русской свадьбы. Красиво было, честное слово! Мы с женихом – коммунисты, невеста – комсомолка... Немножко с нашей стороны – такая снисходительность (я лично эту снисходительность напускал на себя, ибо опасался, что вызовут потом на бюро и всыплют; а так у меня отговорка: «Да я так, нарочно»). Ничего не нарочно, мне всё чрезвычайно нравилось. Итак, с нашей стороны – такое институтское «из любопытства», со стороны матерей наших, родни – полный серьёз, увлечённость, азарт участников большого зрелища. Церкви и коней не было. О церкви почти никто не жалел, что коней не было – малость жаль. Утверждаю: чувство прекрасного, торжественный смысл происходящего, неизбежная ответственная мысль о судьбе двух, которым жить вместе, – ничего не было утрачено, оттого что жених выкупал у меня приданое невесты за чарку вина, а когда «сундук с добром» (чемодан с бельём и конспектами) «не пролез» в двери, я потребовал ещё чарку. Мы вместе с удовольствием тут же и выпили. Мы – роднились. Вспоминаю всё это сейчас с хорошим чувством. И всегда русские люди помнили этот единственный праздник в своей жизни – свадьбу. Не зря, когда хотели сказать: «Я не враг тебе», говорили: «Я ж у тебя на свадьбе гулял».

А следующим летом – 16 августа 1956 года – регистрация Василия Шукшина с Марией Шумской и скромный вечер в селе по этому случаю.

Позднее, до 1960 года, Шукшин не имел возможности приезжать в родное село. Во-первых, потому что был очень занят, во-вторых, просто не было денег на дорогу.

Были времена, когда Шукшину удавалось побывать в родном селе два-три раза в год. Это всегда были праздники души, за исключением ноября 1961 года, когда пришлось хоронить зятя, того самого Александра Зиновьева, за которого выдавал родную сестру и о свадьбе которой вспоминал часто и хорошо. Брат тяжело переживал раннее вдовство сестры (Наталье исполнилось 30 лет). Вскоре после этого им было написано известное теперь многим письмо к сестре, в котором он утешает её и словно клятву даёт – стать известным, добиться славы.

«Мы все где-то ищем спасения. Твоё спасение – в детях. Мне – в славе. Я её, славу, упорно добиваюсь. Я добьюсь её, если не умру раньше».

«Урожайным» на приезды в родное село можно назвать 1963 год. Тогда, в начале весны, состоялась поездка по Сибири под девизом «Молодые кинематографисты – на роду». С группой начинающих режиссёров, операторов и актёров Василий Шукшин побывал тогда на стройках Сибири, а потом и на родине. С ним вместе были сценаристы-режиссёры Ренита и Юрий Григорьевы, кинооператор и близкий друг Александр Саранцев, Артур Макаров и другие.

В старом Сростинском клубе, о котором часто вспоминал Василий Макарович в своих публицистических статьях, состоялась встреча с односельчанами и демонстрация дипломного фильма Шукшина «Из Лебяжьего сообщают».

В этот же приезд, будучи в рабочем посёлке Павловске, Шукшин встретился со своими любимыми учителями, преподававшими в Сростинской школе, Александром Ивановичем Гекманом и его женой Зинаидой Ивановной Ковязиной.

Летом того же года Шукшин снимает свой первый художественный фильм «Живёт такой парень» в районе Горно-Алтайска и села Манжерок. Вся съёмочная группа перебивала тогда в гостях у Марии Сергеевны, в её маленьком домике в переулке Широком. Этот домик москвичи называли «банькой» и до сих пор помнят об этом.

В 1964 году, по воспоминаниям Александра Григорьевича Кукулина (Саша Кукулин, киномеханик, друг детства), Шукшин бывал в Сростках несколько раз. Ходили в старый клуб (бывшая церковь), и, как вспоминает Кукулин, Василий Макарович один в пустом зале смотрел фильм «Шербургские зонтики».

Запомнились землякам приезды Шукшина и в 1965 году. Этот год известен публикацией романа «Любавины» в журнале «Сибирские огни». Ну а быть рядом с домом (издательство в Новосибирске) и не побывать на родине Шукшин, конечно, не мог, тем более что уже готовился к съёмкам очередного фильма «Ваш сын и брат».

В личной жизни также намечаются перемены. К этому времени состоялось его знакомство с актрисой Лидией Федосеевой. В июне 1965 года он вместе с ней приезжает на свою родину. В этом же году на первый крупный гонорар за роман «Любавины» Шукшин покупает дом для своей матери (ныне это мемориальная часть всероссийского музея-заповедника).

В июне того же года он побывал на выпускном вечере в Сростинской средней школе – в 8 классе, где классным руководителем была Наталья Макаровна Зиновьева, его родная сестра. Он встречал с ребятами рассвет на Пикете, много рассказывал о кино, секретах кинематографа, пообещал показать, как «делают кино». И в июле выполнил это обещание.

Целых три дня ученики, как вспоминает одна из них – Надя Каменева (ныне Н. В. Князева, директор Сростинской районной библиотеки), жили в селе Манжерок, где снимался фильм «Ваш сын и брат», имея возможность наблюдать рабочие моменты, общаться с известными актёрами. Одним словом, этот праздник запомнился им на всю жизнь.

Почти каждый приезд в родное село становился памятным, значимым для самого Шукшина и его земляков. Сложилась определённая традиция – сценарий этих всегда долгожданных и всё-таки неожиданных приездов. По воспоминаниям сестры Натальи Макаровны, было всегда примерно так: «Вася звонил мне, я бежала к маме, говорила, что Вася скоро приедет. Начинали готовиться, ждуть: делали пельмени, домашнюю лапшу с курицей, пироги и т. д. Иногда приезжал неожиданно».

Очень яркие детские воспоминания остались у Сергея Зиновьева, родного племянника В. М. Шукшина, о приездах дяди в Сростки.

«С дядей Васей всегда было связано ощущение праздника... И вот дядя приедет, положит чемоданы, поговорит с бабой. «Ну, я пойду. Пошли, ребятки». Берёт нас за руки, и мы идём. Первое, с чего он начинает обход села – это книжный магазин... Книжки на полках, как обычно это было в деревнях, лежали в два ряда. И он начинал все их перебирать. Как правило, находил подходящие во втором ряду. Именно там он нашёл однажды набор пластинок Шалапина... Шалапина он любил слушать, особенно часто ставил песню «Волга – русская река...» («Из-за острова на стрежень...». – Авт.). А у нас с дядей Васей такая традиция была. Он всей родне

привозил подарки из Москвы – тётям, например, платки и всё такое, а мы с Надей сами должны были выбрать подарки в Сростинском магазине. Причём на что мы покажем, то он и покупал, независимо от цены...

Потом мы обычно делали обход родни. Дядя Вася скажет: «Приходите вечером». И вечером соберётся родня, начнутся примерки обновок.

Днём же мы гордо ходили с дядей по улицам села (понимали уже тогда, что дядя Вася знаменитый, – все видели фильмы «Золотой эшелон» и «Два Фёдора»). Он останавливается со всеми, подолгу разговаривает, обо всём расспрашивает. Нам неинтересно, нам надо дальше идти, а он всё слушает и слушает какую-нибудь бабушку, во все подробности входит... Он особенно любил записывать большие шумные разговоры и речь стариков, которые, как я теперь понимаю, сохранили колорит народного языка.

Заканчивали мы наш обход деревни у Катуня. Спускались к ней по переулку Широкому, к лодкам. Там он походит, посидит в лодке, поговорит с рыбаками. Любил и сам порыбачить».

После вот таких походов и работалось вздохом, как нигде больше, «с каким-то остервенением, с неистощимой силой».

Далее Сергей Зиновьев вспоминает: «Писал он вечерами и ночами. Баба (Мария Сергеевна. – Авт.) постоянно на него ругалась: «Что ты сидишь по ночам, поспал бы лучше, а утром поработал». Но всё было бесполезно.

Утром зайдёшь в зал – накурено, несмотря на то, что форточка открыта, а он спит. Стол закидан бумагами».

Возможно, так было в 1966 году, когда в Сростках написаны рассказы «Волки», «Начальник».

«Иногда он читал бабе (бабушке. – Ред.) то, что написал... Меня поразила его способность быстро переключаться во время работы на посторонние вещи и тут же опять входить в работу...»

Здесь, на родине, происходит что-то важное, нужное. Это «что-то» потом появляется в рассказе или фильме, даёт толчок для размышления в статье.

Именно так появляется лучший фильм Шукшина «Калина красная».

В апреле 1967 года В. М. Шукшин опять побывал на родине. Принимал участие в съёмках документального фильма о городе Бийске. Тогда же был приглашён в Бийскую трудовую колонию для несовершеннолетних. Горечь и боль за судьбу этих мальчишек остались в душе. А результат – в 1972 году, лёжа в московской больнице, он на одном дыхании пишет киноповесть «Калина красная».

В 1974 году фильм выходит на экраны и становится лучшим фильмом года.

По утверждению И. П. Попова, троюродного брата Шукшина, Василий Макарович любил раннюю весну, когда земля освобождается от снега и чувствуется её дыхание. Может быть, поэтому старался Шукшин чаще бывать на родине весной. Так было и в 1969 году.

«Ранней весной съехались в Сростках. Василий был в отличном настроении. Много работал. Готовился к постановке Степана Разина, – так вспоминает об этом И. П. Попов. – Тогда же ходили в Сростинский кинотеатр смотреть «Спартак», а потом долго обсуждали массовые сцены и вообще постановку фильма».

К этому времени, скорее всего, относятся воспоминания Н. М. Зиновьевой о том, что «однажды весной Вася пообещал пойти с детьми (Надей и Серёжей Зиновьевыми. – Авт.) на гору собирать берёзовые почки. Дети радовались, конечно, а потом рассказывали, что дядя Вася наклонял им ветви, а сам не мог рвать и страшно возмущался: «Кто же дал такое задание?!» Наверное, считал это жестокостью по отношению и к детям, и к природе.

Несколько раз бывал на родине В. М. Шукшин в 1970-1971 годах.

В 1970 году он гостит у матери в апреле-мае. 8 мая вместе с односельчанами идёт на кладбище – почтить память погибших в годы Великой Отечественной войны, потом была встреча с земляками в кинотеатре. Василий Макарович рассказывал о своей роли маршала Конева в фильме «Освобождение». Много говорил о Степане Разине... Так вспоминают эту встречу земляки.

Именно в 1970 году написаны рассказы «Письмо», «Петя», «Лёся», «Ноль-ноль целых». И все с пометкой: «Сростки. Алтай».

В статье «Слово о малой родине» Шукшин признаётся: «И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови». А в статье «Вот моя деревня» ещё более проникновенно говорит: «...Просто – дорого мне всё это, дороже потом ничего не было... У тебя будет другое дорогое, у меня – это. А земля-то у нас одна...»

Памятным для земляков стало лето 1971 года. В этом году В. М. Шукшин был на родине с апреля до самой осени. Весной он дорабатывает сценарий фильма «Печки-лавочки», тогда же соглашается очень неожиданно для Ивана Попова позировать ему, хотя раньше от таких предложений отказывался наотрез. Иван Петрович до сих пор помнит, как трудно дался ему этот сеанс. Особенно тяжёлым для художника оказалось запечатлеть глаза Шукшина – они постоянно менялись, уходили в себя, жили напряжённой жизнью, иногда в них стояли слёзы... Именно тогда, вспоминает И. П. Попов, Василий Макарович показал на фотографию деда – Попова Сергея Фёдоровича – и сказал: «Ты знаешь, Ваня, я от деда», имея в виду огромное духовное родство с русским крестьянством.

К этому же времени относится рассказ «Дядя Ермолай».

Летом того же года, а точнее в июле-августе, Шукшин снимает фильм «Печки-лавочки». Это был праздник не только для односельчан, которые снимались в фильме, и родственников, которые всегда ждали «сына и брата», это был праздник и для жителей соседних сёл – Платово и Шульгин Лог Советского района. До сих пор там вспоминают давно минувшие дни с благодарностью и мечтой о том, чтобы кто-то ещё приехал к ним «делать кино».

Интересно землякам было смотреть, и время быстро пролетело, каждый день они ждали и говорили о том, что делается на съёмочной площадке. А о самом Василии Макаровиче до сих пор все в один голос говорят: «Хороший мужик, протестский».

Последний приезд на родину у В. М. Шукшина был в 1972 году, в конце августа – начале сентября. Подтверждением тому являются воспоминания его земляков, в том числе Надежды Алексеевны Ядыкиной, родственницы В. М. Шукшина в четвёртом поколении, которая помнит последнюю встречу с ним с точностью в числах. Приезд домой подтверждает телеграмма дочери Кате в Москву: «Шукшиной Екатерине Васильевне Сросток Поздравляем началом первого твоей жизни учебного года Здоровья тебе радости папа и вся сибирская семья» (Катя 1965 года рождения и в тот год, 1 сентября 1972 года, она шла в первый класс. – Авт.).

Отдохнуть, как хотелось, не пришлось. И поработать на родине на этот раз не получилось. Об этом мы читаем в воспоминаниях И. П. Попова в сборнике «Шукшинские чтения. Статьи, воспоминания, публикации» (Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1984 г.): «Хотел отдохнуть. Вызвали: «Срочно вылетай, вырезают паром» (в это время ещё сдавался фильм «Печки-лавочки»). – Авт.)

А вот расставание с родиной на этот раз было почему-то особенно тяжёлым... Душа, видимо, предчувствовала...

Мать потом вспоминала день отъезда сына из Сросток. Помнит Мария Сергеевна, что гроза надвигалась, что Вася сильно забеспокоился, что на доме нет громоотвода

(дом почти у самого подножия Пикета, да ещё и под железной крышей. – Авт.). Решил сделать временный громоотвод хотя бы, искал лестницу, нашёл, – оказалась негодной, начал, было, делать новую. А машина уже ждёт, сигналит... Уговорила мать оставить всё до другого раза. Послушался, попрощался, от ворот снова вернулся, ещё раз поцеловал и... уехал. Оказалось, навсегда...

А мать ждала писем, ждала встречи, ждала фильмов сына, его книги. Ждала... И после октября 1974 года написала письмо и отправила к нему на могилу: «Навалил ты на меня тоску со всего света белого. Жду я тебя, дитёнок, жду. Откуда жду, сама не знаю. Милый ты мой, милый. На кого же ты нас всех покинул, ласка ты моя ненаглядная...»...

За 20 лет московской жизни В. М. Шукшин побывал дома – на своей малой родине – 26 раз (все эти приезды подтверждаются фактами. – Авт.). Мы полагаем, что приездов было больше. Поиски продолжаются, и есть уверенность, что подтверждения тому найдутся.

Да, мысль – сильнейшее желание – В. М. Шукшина о возвращении на родину навсегда, которая «почему-то жила в его сердце», воплотилась в реальность: он вернулся своими книгами и фильмами, музеем-заповедником, Шукшинскими днями в Алтайском крае, которые торжественно завершаются в его родном селе... И смотрит он теперь на своих земляков и на всё происходящее с нами с высоты Пикета.

«Я теперь понял: надо оставаться с людьми, даже если в землю заруют». Эта фраза, написанная В. М. Шукшиным ещё в романе «Любавины», оказалась пророческой...

РЕПАТРИРОВАННЫЕ НЕМЦЫ В СРОСТКАХ

Из Немецкой республики Поволжья в годы Великой Отечественной войны было выселено один миллион двести тысяч немцев, из них 95 тысяч – в Алтайский край. Репатриированные немцы с Поволжья (очень много из Саратовской области) приехали и в село Сростки – в 1941 году (так записано в Похозяйственных книгах сельской администрации).

Размещались они сначала в школе или в конторе колхоза, а потом приезжих разбирали русские семьи на квартиры или селили в пустующие избушки села, а некоторые из них жили в бригадных избушках. Своего рода первая «немецкая слобода» в Сростках образовалась сама по себе – по улице Береговой (район Низовки и Змеиноного Лога).

Семьи у многих были большие, многодетные. Во многих немецких семьях жили ещё многочисленные родственники: племянники, тётки, свекрови, снохи и т. д. Имена и отчества у большинства изменены на русский лад. Например, в Похозяйственной книге читаем: «Вальтер Андрей Андреевич (на самом деле – Генрих Генрихович, 1898 год рождения, жена Паулина, дети: Эмма, 1924, Эмилия, 1926, Александр, 1931, Эйвальд, 1939...»)

Нередко имена записываются вообще безграмотно (в зависимости от образования служащего, проводившего перепись). Например, в Похозяйственной книге 1940-1942 годов читаем: «Мецлер Давид Христьянович, 1912 г. р. Дети: Александр, 1934, Давид, 1941...» А рядом идёт запись: «Мецлер Крестьян Крестьянович...» И таких курьёзов сколько угодно. Фамилия Шефер в одном случае, в другом записана Шейфер или Шайфер, Цветчих и Цвечих, а некая Вальтер Тереза Егоровна, 1899 г. р. в нескольких местах записана не Терезой, а Трайзе Егоровной... Как хотели и могли, так и записывали.

По книгам 1940-1942 годов зарегистрировано 57 немецких семей. Это почти 300 человек (точнее – 272).

Немного обжившись, привыкнув к суровым условиям и поняв, что вернуться назад – в Саратовскую область – власти не разрешат, немцы стали делать землянки на Чуйском тракте и у горы, по переулку Кривому. К 60-70 годам все землянки исчезли, и на их месте были построены добротные дома.

За 65 лет (с 1941 года по настоящее время) много немецких семей переселилось в Казахстан, тоже в немецкие села, или уехало на родину – в Саратовскую область, а когда Германия разрешила своим согражданам вернуться на родину предков, то многие семьи или члены семей уехали туда.

На сегодняшний день в Похозяйственных книгах за 2002-2006 годы в Сростках зарегистрировано 53 (пятьдесят три) немецких семьи. Это примерно 110 немцев. Надо сделать оговорку, что количество немцев может быть гораздо больше, так как многие девушки-немки вышли замуж за русских юношей и поменяли фамилии, поэтому точной статистики нет. И до сих пор встречаются интересные записи: мать и отец – немцы по национальности, а дети записаны как русские.

За более полувека жизни среди русских многое изменилось: забылся язык (у наших немцев такой диалект, что литературный немецкий язык они плохо понимают, а в Германии с трудом понимают наших немцев).

Однако следует отметить, что немцы принесли в наше село свою культуру, свой образ жизни, свои обычаи и т. д. За эти годы кое-что утрачено, заменено русскими обычаями и традициями, но многое сохранили и передали в свою очередь русским, то есть произошло некое смешение культур, вероисповеданий и т. п. Если ещё в 50-60-е годы строго соблюдались обычаи, например, религиозные праздники Рождество и Пасха отмечались строго в соответствии с католическим (в селе большинство немцев – лютеране) календарём, то теперь многие немецкие семьи встречают эти праздники вместе с православными христианами.

Произошло смешение русской и немецкой кухни.

А молодёжь в 50-е годы на вечерках наряду с русскими песнями и частушками

пела немецкие песни, не задумываясь об их происхождении. Одну из таких песен до сих пор помнит Мария Ивановна Шумская, первая любовь и жена В. М. Шукшина. Она вспомнила и напела одну песенку, модную в 50-е годы, когда они с Василием Макаровичем ходили на вечерки.

История переселения немецких семей и мытарств их здесь типична для всех: за очень короткое время (обычно за 24 часа) надо было покинуть дом, нажитое хозяйство, взять кто что успел, собрать детей и стариков и ехать к месту, предписанному в документе о репатриации. Конечно, за такое короткое время сделать это было невозможно, а потому выселение затягивалось на недели, а иногда и на месяц.

По воспоминаниям репатриированного Павла Фёдоровича Штабеля (на фото),

в дороге их кормили хорошо, а когда привезли в Бийск, то оставили, как говорится, на волю Божию. Семьи, где было по семь-восемь детей, остались в чужих краях, в чужих домах, а иногда и вообще на улице, надеясь лишь на милость местного населения. Всех работоспособных мужчин забирали в трудовую армию, где условия жизни были как в тюрьме. Возвратились оттуда далеко не все, а кому повезло, пришли больными. Некоторые, как Шефер Вильгельм Вильгельмович (Василий Васильевич), его знали и знают жители села, пробыл там девять лет, сначала на Урале, потом на Украине, и вернулся к семье в 1952 году.

Ещё один пример: Штабель Фёдор Андреевич, которого забрали в трудовую армию, а жена и семеро детей сначала жили на квартире у Попова Анисима. Павел Фёдорович до сих пор с особой теплотой вспоминает этого человека и благодарен за то время, которое немецкая семья прожила в их доме.

Потом ещё одна квартира – у бабушки Сергея и Бориса Бедаревых (друзья детства В. М. Шукшина), которая пустила многодетную семью с условием, что они будут отапливать избу. Поэтому Павлу, ему тогда было 12 лет, приходилось почти каждый день (точнее, вечером и ночью) возить на санках дрова из Талицкого березняка (с противоположного берега Катуня). А днём он брал сумку и шёл просить милостыню... И подавали. Подавали кто что мог... «Русские не дали нам помереть с голоду», – вспоминает Павел Фёдорович спустя много лет.

Потом хозяйка отказала. Идти было некуда. Но опять нашёлся добрый человек – Емельянов Ермолай Григорьевич, а попросту – дядя Ермолай, бригадир, замечательный человек, всем известный герой одноимённого рассказа В. М. Шукшина. Дядя Ермолай разрешил бездомной семье жить в бригадной избе, где хранилась конская сбруя, на стенах висели хомуты. «Гужевые» (так называли мальчишек лет 14-15, выполнявших различные работы в колхозе) приходили каждое утро, чтобы получить задание на день и взять сбрую для своей лошади. Эти мальчишки, работавшие в годы войны за мужиков, делились своими скудными съестными припасами, которые матери давали им на целый день, с немецкими детьми. Выручал и сам бригадир. Запомнился семье такой случай: ели-то всегда недосыта, а однажды два дня не ели ничего. И тогда мать, вспоминает Павел Фёдорович, решила продать самое дорогое, наверное, для семьи в те трудные времена – костюм, фуражку и туфли мужа, то есть отца детей, который был в трудовой армии... Решилась предложить бригадиру. Тот сначала отказался, но потом вернулся и забрал свёрток, а вскоре привёз за покупку картошки, муки, ещё кое-какие продукты, и долго ещё потом привозил продукты якобы за костюм.

Неожиданно, как казалось тогда семье, вернулся отец («активировали», списали то есть за ненадобностью – обессилел), – кожа да кости, как говорится в народе. Соседи, узнав и увидев его, несли кто что мог. Приехал и дядя Ермолай, привёз творог, сметану, ещё что-то из продуктов, подбодрил отца, чтобы не переживал: кости, мол, есть – мясо нарастёт. А уходя, отдал матери свёрток, сказав: «Это потом посмотришь». Оказалось, что в нём отцов костюм, туфли и фуражка, завернутые в ту же самую тряпку!.. Только спустя много лет дети поняли, что этот замечательной души человек взял тогда вещи, чтобы сохранить их, и помогал семье, не оскорбляя человеческое достоинство, не милостыню давал, а словно рассчитывался за покупку.

Унижал репатрированных паспортный режим: отмечаться надо было ежемесячно в особом кабинете районной власти и в строго назначенное число, так как один-два дня просрочки карались законами военного и послевоенного времени. Вот почему многие мужчины-немцы, женившись на русских, оставляли за жёнами их девичьи фамилии.

Некоторые отважные и отчаявшиеся женщины, как Елизавета Яковлевна Цвечих, иногда нарушали строгие законы. До сих пор вспоминают они эти минуты страха и унижения. А нарушение паспортного режима произошло само собой. Чтобы размолоть мешок пшеницы, нужно было съездить на мельницу в соседнее село Талица, что на левом берегу Катуня, напротив нашего села, а это уже другой район, и на поездку необходимо было получить разрешение властей. За самовольный выезд без разрешения её вызвали в особый отдел к начальнику, который грозил расправой, причём физической, прямо в кабинете. Но не посмел поднять руку, увидев решительность хрупкой, на первый взгляд, слабой и незащищенной женщины. Видимо, остановила большая внутренняя сила Елизаветы Яковлевны... Такие примеры, к сожалению, не единичны. Память людская хранит и хорошее, и плохое.

За многие десятилетия жизни в нашем селе (и вообще в Алтайском крае) немецкие семьи обрели для себя и своих потомков новую родину. «Красота её, ясность её поднебесная – редкая на земле», – так проникновенно сказал В. М. Шукшин о своей малой родине.

А большинство репатриированных, отвечая на вопрос, почему они не уехали в Германию, говорят примерно так, как ответила Ангелина Ивановна Шефер: «Я там ничего не потеряла». И ещё один уникальный и, наверное, точный ответ для многих немцев, как уехавших на родину предков, так и оставшихся здесь, прозвучал из уст Павла Фёдоровича Штабеля, который имеет двойное гражданство, а живя в Германии, от тоски по Сросткам читал рассказы В. М. Шукшина: «Родина моя там, а сердце – здесь».

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕКМАН – ПРОТОТИП РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА «УПОРНЫЙ»

О семье, которая сыграла значительную роль в жизни В. М. Шукшина. «Знаменитый немец» – так образно можно назвать Александра Ивановича Гекмана, учителя физики Сростинской средней школы (на фото).

В феврале 1948 года в Сростки приехала учительская семья: Александр Иванович Гекман – физик, его жена Зинаида Ивановна Ковязина – математик. Они прожили в селе до августа 1960 года, оставив о себе добрую память. Многие поколения детей, которым посчастливилось учиться у них, до сих пор, вспоминая родную школу, называют в числе любимых и уважаемых учителей Александра Ивановича и Зинаиду Ивановну.

В конце 80-х годов З. И. Ковязина написала и прислала в музей свои воспоминания.

«...Мой муж Гекман Александр Иванович умер в мае 1970 года. Почти с первого дня войны он воевал на Южном фронте связистом, был тяжело контужен, а в 1945 году демобилизовался для продолжения учёбы в пединституте города Новосибирска (начинал учёбу в Саратовском пединституте, оттуда его призвали в феврале 1940 года в армию). Встретилась я с ним в Новосибирском пединституте в 1946 году. Мы поженились...

Начали работу в Сростинской средней школе в феврале 1948 года. Работали в дневной и вечерней школах, но всё это было в одном здании, старом теперь (главное здание музея-заповедника В. М. Шукшина. – Авт.)... Шукшину разрешили посещать уроки математики, физики и химии в дневной школе, а по возможности и в вечерней.

Эти предметы давались ему трудно, но он учился упорно. Занимались у нас дома и в школе. Это был удивительный человек и ученик. Как он хотел всё знать! Мы, учителя, поразились его трудолюбию, поэтому, естественно, возникало желание помочь ему.

Посещая мои уроки математики в дневной школе, он всегда подходил и расспрашивал меня после урока, где было что-то неясно, и не стеснялся учащихся класса, хотя был старше их на шесть-семь лет...

Мой покойный муж очень часто беседовал с Васей Шукшиным, они уважали друг друга, поэтому не случайно Шукшин приходил к нам советоваться о поступлении в институт кинематографии. И не случайно он ввёл его в один из своих рассказов «Упорный». Этот рассказ опубликован впервые в «Литературной России» 2 марта 1973 года. Вот его фрагмент.

«Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбуждённого Моню... Смотрел в чертёж. Выслушал.

– Вот! – сказал он молодой учительнице с неподдельным восторгом. – Видите, как всё продумано! А вы говорите... – И повернулся к Моне. И потихоньку, тоже возбуждаясь, стал объяснять:

– Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу (он выговаривал «уперу») ваш жёлоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо жёлоба прикреплю тоже стержень – вертикально. Вот... – Гекман нарисовал своё колесо и к ободу его «прикрепил» стержень. – Теперь к этому вертикальному стержню я прикрепляю пружину... Во-о-от. – Учитель и пружину изобразил.

– А другим концом...

– Я уже такой двигатель видел в книге, – остановил Моня учителя. – Так не будет крутиться.

– Ага! – воскликнул счастливый учитель. – А почему?

– Пружина одинаково давит в обои концы...

– Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз... Груз лежит на жёлобе и давит на стержень. Но ведь груз – это та же пружина, с которой вам всё ясно: груз так же одинаково давит на стержень и на жёлоб. Ни на что чуть-чуть меньше, ни на что чуть-чуть больше. Колесо стоит.

Это показалось Моне чудовищным.

– Да как же?! – вскинулся он. – Вы что? По жёлобу он только скользит – жёлоб можно ещё круче поставить, а на стержень падает. И это одинаково?! – Мона свирепо смотрел на учителя. Но того всё не оставляла странная радость.

– Да! – тоже воскликнул он, улыбаясь. Наверно, его так радовала незыблемость законов механики. – Одинаково! Эта неравномерность – это кажущаяся неравномерность, здесь абсолютное равенство...

– Да горите вы синим огнём с вашим равенством! – горько сказал Мона. Сгрёб чертёж и вышел вон».

Пожалуй, все, кто учился в те годы в Сростинской средней школе, когда физику в старших классах вёл Александр Иванович Гекман, с особой теплотой вспоминают о нём. Уроки его всегда ждали, а не боялись, как уроки некоторых педагогов, хотя тоже по-своему талантливых. Умный и талантливый учитель умел объяснить труднейшие законы механики, возникновения электрического тока и многого другого просто и понятно, запоминали на всю жизнь.

Вспоминается такой эпизод.

Урок в седьмом классе. Тема – «Электричество». У доски ученик Витя Бедарев (кстати, он потом стал лучшим электриком в селе). На столе приборы, с помощью которых надо объяснить, как электрический ток, образуясь в одном из них, попадает в другой. Задача оказалась непосильной для мальчишки. Гекман начинает нервничать, лицо его краснеет, но он упорно хочет, чтобы парень понял. А когда Александр Иванович сердился, то говорил с сильным немецким акцентом, примерно так: «Опьясни мне, как он (ток) отсюта попатает сюта? Што, понимаешь? Он выскакивает бес штаноф ис эта катушка и бежит в эта катушка?..» Было смешно, но такие ситуации запоминались на всю жизнь, а самое интересное то, что становилось понятно, как электрический ток передаётся на расстоянии.

Может быть, тем, кто связал свою жизнь с математикой и физикой, на пути встречались преподаватели более умные и талантливые. Не знаю. Мне лично не довелось встретить таких.

В школе работал постоянно кружок под руководством А. И. Гекмана: мальчишки конструировали самолёты, пароходы, летающих змеев и многое другое и занимали в районе и крае призовые места.

Вспоминает один из бывших учеников Шефер Вольдемар (в Сростках его зовут Володя): «Наверно, он (Гекман) плохо знал русский язык или ещё почему, но часто употреблял слово «присопачить», когда что-то мастерил». (В значении «приспособить», «прикрепить». – Авт.). Может быть, ему просто нравилось это ёмкое, интересное слово.

Учащиеся старших классов 1960/1961 учебного года первого сентября испытали огромное разочарование, если не сказать больше: вместо любимого учителя в класс вошла молодая учительница-физик. К ней долго не могли привыкнуть...

Семья Гекман переехала в рабочий посёлок Павловск Алтайского края, а ещё раньше туда же уехали из Сросток ещё три учительские семьи. Так вот, именно там зимой 1963 года состоялась творческая встреча молодого кинорежиссёра и писателя со своими любимыми учителями.

В воспоминаниях Зинаиды Ивановны читаем: «...И вот в феврале мы увидели афишу о приезде в РДК группы молодых кинорежиссёров и в том числе В. М. Шукшина. Мы все, сrostинцы, собрались на эту встречу, заранее приобретя билеты. Но приезд этой группы задержался из-за бурана часа на три. Все мы ждали, это было в один из воскресных дней. И вот сообщение: приехали. Начали выходить один за другим кинорежиссёры с кинобанками, и, наконец, наш Василий. Мы все со своими детьми сидели на стульях вдоль стены и по команде Степана Мартыновича Чекушкина (учитель физкультуры Сrostинской средней школы) встали и сказали: «Здравствуйте, Василий Макарович!»

Он был так удивлён и растерян, что выронил свои кинобанки, они покатались по залу, а он обнимал и целовал нас, не находя слов для радости.

Поговорив со своим руководителем (не помню, кто это был), Шукшин стал выступать первым перед зрителями, хотя в плане было не так, это для того, чтобы осталось время поговорить с нами...

Всё его выступление сводилось к тому, что он рассказывал не о своей работе, а о том, что он встретил здесь неожиданно своих учителей, тех, кто учил его, и тех, с кем работал. Рассказал некоторые эпизоды своей учёбы и сдачи экзаменов и говорил о своей благодарности к нам, как он уважал и ценил нас, что мы дали ему дорогу в жизнь...

И вот мы собрались после его выступления в одной из комнат РДК и больше часа беседовали. Он интересовался всем: как мы живём, как работаем, что нам мешает, как со здоровьем, был внимателен к каждому слову. Тут и сфотографировали нас... После отъезда он посылал нам весточки иногда».

Следует добавить, что среди близких родственников В. М. Шукшина теперь тоже есть немцы: муж старшей дочери Кати – немец из Германии, муж троюродной сестры по отцовской линии Любы Воеводиной (Шукшиной) – тоже немец, но из русских, то есть с Поволжья.

ПОЭЗИЯ

Заветные строфы

«АЛЫЕ ПАРУСА» НА РОДИНЕ ПОЭТА ГЕННАДИЯ ПАНОВА

Одиннадцатый год в Пановской средней школе Ребрихинского района работает поэтическая студия «Алые паруса». Создала её и работает с одарёнными детьми учитель иностранного языка Зинаида Геннадьевна Гасан.

Студия принимает активное участие в районных и краевых поэтических конкурсах. Вот достижения студийцев: Енина Оксана и Ткаченко Евгения – дипломанты V Краевого детского литературного конкурса «Слово»; Гурьева Виктория – лауреат районной литературной премии имени Г. П. Панова; Луценко Наталья, Гошт Виктория, Кожевникова Евгения и Конарёва Ксения – лауреаты II Ребрихинского межрайонного фестиваля самодеятельных поэтов и композиторов «Взлёт»; Гошт Виктория, Кожевникова Евгения, Луценко Наталья, Кошкин Сергей – победители краевого литературно-поэтического конкурса «Мой Алтай»; Гошт Виктория и Кожевникова Евгения – стипендиаты губернатора Алтайского края Александра Богдановича Карлина (2008 г.).

В 2009 году студия «Алые паруса» принимала участие в V Международном литературно-художественном конкурсе для детей и юношества «Душа моей Родины» и была удостоена Диплома победителя за коллективную работу.

Стихи студийцев публикуются на страницах районной газеты «Знамя труда». Студия награждена многими Почётными грамотами за активное участие в краевых Пановских чтениях.

Виктория ГОШТ

МОЯ РОДИНА

На карте Алтая
Есть точка – Паново.
Сюда возвращаюсь я
Снова и снова.

Здесь лес заколдован,
Река – словно нитка.
А день каждый новый –
Легенда из свитка.

А звёзды какие
Видны здесь ночами!..
Когда я не здесь,
По деревне скучаю.

Кристина ГРУЦИНА

ЗВЁЗДЫ

Звёзды яркие на небе.
Я люблю на них смотреть.
Вон плывёт по небу Лебедь,
А вот Рыбы, звёзды – сеть.

А на Северной Короне –
Бриллиантов яркий свет.
Мне и раньше и сегодня
Нравится на них смотреть.

На Весах чего-то взвесив,
В небе светится Персей –
Он на землю лучик свесил,
Чтоб порадовать людей.

Публикация стихотворений членов поэтической студии «Алые паруса», входящей в состав краевой школы-студии «Обские волны» (руководитель – И. Ф. Мордовин) – результат общения на нынешних Пановских чтениях, которые прошли в с. Паново и в р. ц. Ребриха (см. репортаж в предыдущем номере «Барнаула»).

Звёзды яркие на небе.
Я сейчас на них смотрю.
Признаюсь вам, звёзды эти
Я люблю, люблю, люблю!..

Там от пчёлков спрячемся,
Поиграем в доме,
А потом мы с мячиком
Пойдём к тёте Томе.

Евгения КОЖЕВНИКОВА

УТРОМ

Тает луна в рассвете –
Как снег весной на лугу.
Скоро солнце заблещет,
Прочь прогоняя тоску.

Лучи пробегут по подушке,
Исчезнет куда-то сон...
И рады лучам игрушки,
А больше всех – синий слон.

ЗВЁЗДЫ И СТИХИ

Звезды далёкой яркий свет
Я зеркальцем ловила.
Мой отражался силуэт
И половинка мира.

Тепло дарил мне Орион,
Звезду в туманности качая.
На Млечный вышел Путь Дракон,
Любовь к Вселенной излучая.

И я к звезде своей лечу –
Лечу, как будто к первой встрече.
Я почему стихи пишу?
Они мне душу светом печат!

Екатерина ЛЕЛЬ

***

Наступило лето.
Зацвели цветы.
Светит солнце ярко.
Сбываются мечты.

Вот ползёт букашка.
Пчёл вдруг целый рой!
Мы с подружкой Сашкой –
В дом от них долой!

Виктория БОРИСЕНКО

ЛЕТНЯЯ ПОЛЯНА

Поляны летом –
Это воздух, пропахший светом,
Это полуденная жара,
Это самая лучшая пора –
Моё любимое место.

Ромашки цветут как невесты,
Васильков – море целое,
Тысячелистника шляпки белые,
Пижма желтеет ярко –
От неё на поляне жарко.

Поляны летом –
Это чудо света!..

ЗИМА В ПАНОВО

Зима размахалась крылами.
Паново под снежным крылом.
Крадёт мороз меж домами –
Хочет пробраться в дом.

Мы печку затопим дровами,
В печи разгорится огонь...
Не шути, зима, слышишь, с нами
И щёки морозом не тронь!

Наталья ЛУЦЕНКО

АЛТАЙ

Алтай-батенька подустал.
Думал он, что старый стал.
Брось ты, батенька, что с тобой?
Ты ещё ведь такой молодой!
Ты ещё нам всем покажешь,
Как прожить и добрей, и краше,
Как свои года-травинки
Утром омывуть росинкой
И как в сказочном закате
Золотить деревьям платья.

Ирина ШПУНАРЬ

В РАМКЕ ВЕСНЫ

В рамке весны
Осколки войны
И тишина мемориала...
В рамке весны
Цветы, цветы –
Память Победного мая...
В рамке весны
О погибших сны
И голубей белых стая...

ЛИРА

В доме я открою двери
И на небо погляжу.
Я звезде мечту доверю,
Обо всём ей расскажу.
Лира! Лира! Подари мне
Рифмы, ритмы, яркий свет!
Лира! Лира! Дай всем мира,
Счастья, света, долгих лет!

Ксения ПРОКОФЬЕВА

СИНЕВА

Голубое небо,
Синяя река,
Голубая бабочка
У синего цветка.

Синий ветер шепчется
С синим васильком...
В синий цвет покрашу
Я родной свой дом.

Синюю дорожку
К дому проложу.
С этим – синим – цветом
Очень я дружу.

Синие глаза мои,
Синие банты...
Синяя Россия –
Сильная Россия! –
Там, где я и ты!

ПАМЯТЬ

Евгений ПЛАТУНОВ, историк

ПОДВИГ ЗЕМЛЯКА

Казалось бы, за прошедшие 65 лет мы должны были узнать обо всех подвигах своих земляков. По крайней мере, о тех из них, о которых писали в многочисленных мемуарах полководцы и военачальники. В феврале этого года на интернетовский «Форум поисковых движений» вышла жительница Рязани Наталья Викторовна Журавлёва: «Здравствуйте! Нашла данные брата своего деда – приказ об отчислении из части как без вести пропавшего Федосеева Фёдора Григорьевича 1916 г., д. Шмаково Залесовского района Алтайского края...».

Каким же нетипичным оказался наш общий ответ Наталье Викторовне! Приведу коротко цитаты из книг, где сообщалось о подвиге старшего лейтенанта Ф. Г. Федосеева (на фото).

Из путеводителя по Волгограду:

«15 сентября передовой отряд 42-го гвардейского полка 13-й гвардейской дивизии в составе 1-го стрелкового батальона, роты автоматчиков и роты противотанковых ружей под командованием старшего лейтенанта З. П. Червякова, получив приказ овладеть вокзалом, под ураганным огнём гитлеровцев переправился на правый берег р. Волги и вступил в бой. Первыми прорвались к вокзалу автоматчики Никитенко и Ажгарей, посланные в разведку.

Окружив и уничтожив мелкие группы гитлеровцев, засевших в здании вокзала, рота автоматчиков к вечеру 15 сентября овладела объектом.

В бою З. П. Червяков был ранен, и командование батальоном принял на себя старший лейтенант Ф. Г. Федосеев.

В последующие два дня фашисты восемь раз атаковали вокзал, но все их атаки были отбиты бойцами батальона.

17 сентября враг подтянул к вокзалу две роты автоматчиков, 20 танков и снова перешёл в атаку. В этот день вокзал четыре раза переходил из рук в руки. Но к исходу дня фашисты вновь были отброшены за полотно железной дороги. Враг оставил около сотниtrupов и восемь подбитых и сожжённых танков.

18 сентября бой разгорелся с новой силой. Фашистам удалось отрезать 1-й батальон от других подразделений полка. Окружённый батальон продолжал героическое сопротивление превосходящим силам противника.

Об ожесточенности боев свидетельствует последнее донесение командира батальона в штаб полка.

«Нас осталось девять. Все ранены. Драться будем до конца...» – сообщал старший лейтенант Ф. Г. Федосеев.

В этих боях за вокзал отличилась и рота младшего лейтенанта В. П. Калеганова, именем которого в нашем городе названа улица. Почти вся его рота погибла, а Калеганова, раненого и контуженого, удалось переправить в госпиталь на левый берег Волги.

Попытки оказать помощь окружённому батальону, предпринятые другими частями дивизии, не достигли цели. Почти все гвардейцы 1-го батальона погибли, нанеся большой урон врагу.

В конце сентября разбитое здание вокзала было занято фашистами».

Дважды Герой Советского Союза Александр Родимцев командовал в Сталинграде той самой 13-й гвардейской стрелковой дивизией, в которой служил старший лейтенант Федосеев. Вот фрагмент его книги «Гвардейцы стояли насмерть»:

«В редкие минуты затишья на переднем крае со стороны вокзала доносятся хлопки противотанковых ружей, редкие выстрелы сорокапятков, разрывы мин и гранат, а иногда и надрывное гудение двигателей танков, утешающих, видимо, огрызающиеся огнём привокзальные развалины.

«Как им помочь?» — двое суток тревожила меня мысль.

На третий день я увидел с наблюдательного пункта, как над вокзалом закружилась карусель из нескольких вражеских бомбардировщиков. Послышались глухие разрывы тяжёлых бомб. Потом повалил густой дым, — где-то что-то горело.

– Как дела у Федосеева? – позвонил я Елину по телефону.

– С утра вокзал переходил из рук в руки. Гитлеровцы бросили на подразделение Федосеева два десятка танков, среди них несколько огнемётных. Сейчас бомбят. В здании пожар. Федосеев из-за этого покинул вокзал, но окопался в сквере и на путях. Говорит, что контролирует подходы к центру города, что трудно с эвакуацией раненых и есть опасность окружения.

Услышав это, я приказал эвакуировать раненых с наступлением темноты, а в помощь батальону Федосеева вплотную подтянуть второй батальон.

Докладывая ночью об обстановке Чуйкову, я рассказал о положении батальона Федосеева.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал командующий. – Вот только б закрепиться на Мамаевом кургане.

На другой день у переправы, куда я зашёл посмотреть на эвакуацию раненых, я увидел спускавшуюся по песчаному склону к парому медсестру в гимнастёрке, туго перетянутой ремнём, поддерживавшую двух высоченных раненых бойцов. Плечо одного из них было забинтовано, другой с трудом опирался на левую, перебинтованную ступню-култышку и вырванную из забора штакетину.

– Откуда? – спросил я.

– Из первого батальона, – тяжело дыша, ответила медсестра.

– Значит, с вокзала? Как там? – скрывая волнение, продолжал я интересоваться.

– Пока держимся, товарищ генерал, – устало и отрывисто произнесла девушка.

– Прут и прут фашисты, – заговорил раненный в ногу. – И автоматчики, и просто пехота на бронетранспортёрах и на танках. Подъедут к нам, попрыгают с машин и бросаются прямо врукопашную. А как отобьёмся, их самолёты одолевают...

– Да ты что, вроде генералу жаловаться на фрицев начал? – перебил его другой, с перебинтованным плечом. – Действительно, товарищ генерал, много их нынче

лезло, но и наколотили мы тоже немало. Вся привокзальная площадь в их трупях. И пока меня не ранило, я насчитал двенадцать подбитых танков. Сам два поджёг... Мы с ним бронейщики, – слегка кивнул он головой в сторону приятеля. – Если так будем и дальше бить, то немного фрицев в городе останется.

– А как раненые? Все эвакуированы? – снова обратился я к медсестре.

– Из тяжёлых и средних эти вот, – указала она на раненых, – последние. Остальных раньше отправили. А легкораненые не хотят уходить. Перевязались и не слушаются, – смущённо улыбнулась девушка.

Я попрощался с бойцами и медсестрой. Когда вернулся в штольню, мне сообщили:

– Товарищ генерал, вас просил позвонить командующий.

Связавшись с Чуйковым, я услышал в трубку:

– Родимцев, завтра с утра тебе поможем. Особенно Федосееву.

– Спасибо, Василий Иванович...

Всю ночь над вокзалом полыхало зарево, не прекращался винтовочно-пулемётный треск, выхлопы минометов, грохот орудий и удары противотанковых ружей.

Вспомнив разговор с теми двумя ранеными и с Чуйковым, я подумал: «Скорее бы утро!»

/.../ Удар из района Мамаева кургана на юг в направлении вокзала Сталинград-1 был предпринят двумя батальонами полка Долгова для того, чтобы ослабить нажим врага на полки Панихина и Елина, сражавшиеся в центре города.

При успешном продвижении по тылам измотанных за эти дни немецких 76-й и 71-й пехотных дивизий полк Долгова должен был выйти в район вокзала и соединиться с батальоном Федосеева.

К сожалению, этого не случилось. Над батальонами Долгова, лишь только рассветло, повисли бомбардировщики, и наступавшие вернулись к вечеру на исходное положение.

– Что-то надо сделать для Федосеева, – сказал я ночью Елину, узнав о неудачном наступлении полка Долгова.

– Я повернул фронт второго батальона на северо-запад, его пятой ротой закрыл стык с Федосеевым. Больше помочь ничем не могу, – услышал я в ответ. – Резервов, как вы знаете, у меня нет.

Да, у Елина не было резервов, и положение создавалось отчаянное: его первый и второй батальоны находились под угрозой окружения. Резервов не было и у меня. Вернее, был один сапёрный батальон, но бросить его в бой я мог только тогда, когда судьба дивизии повисла бы на волоске.

– Федосеев знает, что больше ничем ему не поможете? – спрашиваю я Елина.

– Да, я сказал ему об этом.

– И что он ответил?

– Говорит, что бы ни случилось, ни он сам, ни один его боец с привокзальной площади не уйдёт. Коль, говорит, пошли на запад, так теперь назад не повернём».

Я позвонил в село Советское Петру Артёмовичу Пименову. Это он когда-то многое сделал для создания Залесовского районного музея.

– Нет. Об этом человеке никаких данных для музея, насколько помню, не поступало. Фамилия Федосеев, конечно, распространённая. В Залесове эту же фамилию носил руководитель радиоузла...

Как бы там не было, короткая запись о Фёдоре Григорьевиче Федосееве есть в списке залесовцев в краевой Книге Памяти (том 2, стр. 199): **«Пропал без вести 22.09.1942 г., Сталинград».**

Наталья Виктровна Журавлёва сообщила, что помнят в семье о Фёдоре Григорьевиче:

– В нашей семье есть фотография деда Фёдора. Я написала тётушке, чтобы она переслала мне её. На фото он в шлеме, как у лётчиков. И я всегда считала, что один из братьев деда лётчик и погиб на войне. Это единственное, что я знала, когда начала поиск. Поэтому и хочу продолжить поиски. Фёдор Григорьевич призывался в Комсомольске-на-Амуре. Семья переехала с Алтая с 1930 по 1935 г. Прабабка Анисия Григорьевна (мать Фёдора) жила в Комсомольске (адрес есть в приказе об исключении из списков) и умерла в 1945 г. Переезжали все сразу или раздельно – не знаю (пока). В Комсомольске жили две сестры Фёдора. У одной из них я бывала в 1974-1977 гг. После 1980 г. связь с комсомольчанами была потеряна.

Лётный шлем – это косвенное свидетельство того, что Фёдор Григорьевич, как и многие, видимо, не доучился по первоначально выбранной военной специальности, попав в стрелковые части. С другой стороны, общеизвестно, что в довоенное время многие занимались военно-прикладными видами спорта (как сейчас сказали бы), в том числе в аэроклубах, но не всем по разным причинам удалось служить в последующем лётчиками. На фото, найденном мною в книге Александра Колесника «О тех, кто защищал Сталинград» (изд. «Знание», Москва, 1973), у Фёдора Григорьевича виден значок за парашютные прыжки.

Можно привести отрывки из книг маршала Чуйкова и начальника штаба его армии (и будущего главкома РВСН) Николая Крылова, но я ограничусь фрагментом из книги писателя-фронтовика Владимира Богомолова (автора романа «В августе 44-го»). В издательстве «Малыш» в 1976 году в серии «Дедушкины медали» вышла небольшая книжка Владимира Осиповича «За оборону Сталинграда». Есть там небольшая глава, рассказывающая об уроженце Залесовского района.

БАТАЛЬОН ФЕДОСЕЕВА

Вражеским солдатам удалось прорваться к железнодорожному вокзалу города.

У вокзала четырнадцать дней шли жестокие бои. Бойцы батальона старшего лейтенанта Федосеева стояли насмерть, отбивая всё новые и новые атаки врага.

Наше командование держало связь с батальоном Федосеева сначала по телефону, а когда фашисты окружили вокзал, то по радиии.

Но вот Федосеев не стал отвечать на позывные штаба. Целый день вызывали его, а он молчит. Решили, что все бойцы батальона погибли. Настало утро, и над разбитой крышей одного из домов увидели — развевается красное знамя. Значит, живы федосеевцы и продолжают биться с врагом!

Командующий армией генерал Чуйков велел доставить приказ старшему лейтенанту Федосееву, чтобы он с бойцами отошёл на новые позиции.

Послали связным сержанта Смирнова. Добрался сержант кое-как до развалин вокзала и узнал, что от батальона осталось всего десять человек. Погиб и командир, старший лейтенант Федосеев.

Спрашивает связной: «Что молчите? Почему не отвечаете на позывные штаба?» Оказалось, что снарядом разбило радицию. Убило радиста.

Стали бойцы дожидаться ночи, чтобы отойти на новые позиции. А в это время фашисты снова начали атаку.

Впереди танки, а за ними автоматчики.

Залегли федосеевцы в развалинах.

Ждут.

Вражеские солдаты наступают.

Всё ближе. Ближе...

Федосеевцы молчат.

Ждут.

Решили гитлеровцы, что погибли все наши бойцы... И, поднявшись во весь рост, устремились к вокзалу.

– Огонь! – раздалась команда.

Застрочили автоматы и пулемёты. В танки полетели бутылки с горючей смесью. Загорелся один танк, забуксовал другой, остановился третий, назад повернул четвёртый, а за ним и фашистские автоматчики...

Воспользовались бойцы паникой противника, сняли пробитое осколками знамя и подвалами вышли к своим, на новые позиции.

Дорого заплатили фашисты за вокзал.

Как был награждён Фёдор Григорьевич Федосеев? Никак. «Пропал без вести» – эта строчка препятствовала посмертному награждению героя. Но мы должны знать о его подвиге.

УСПЕШНОЕ МНОГОЛЕТЬЕ ТРАДИЦИЙ «МАРИЯ-РА»

Компания «Мария-Ра» занимает социально активную позицию, в течение 17 лет выступая инициатором, участником и спонсором муниципальных, краевых и региональных спортивных мероприятий и социальных акций.

«Мария-Ра» поддерживает спортсменов Алтайского края, учреждая лучшим стипендии и премии; активно помогает семьям воинов, погибших в локальных войнах, а также инвалидам этих войн; 1 сентября – в честь всероссийского Дня знаний – дарит детям школьные наборы; 9 мая – в праздник Победы – чествует ветеранов Великой Отечественной войны; в течение каждого года проводит разнообразные праздники и акции для своих покупателей.

«ЛЫЖНЫЙ ПРАЗДНИК»

С 1994 года «Лыжный праздник» проводился 8 марта – в Международный женский день. С 2008 года дата проведения перенесена на первое воскресенье марта – в ближайший к дню рождения компании «Мария-Ра».

«Лыжный праздник» является подарком покупателям за то, что они ежедневно из года в год отдают предпочтение магазинам «Мария-Ра».

В 2010 году в «Лыжном празднике» приняли участие 30 000 человек, которым было выдано 50 000 призов. Без призов и угощений не остался никто! В течение всего дня неутомимые ведущие проводили конкурсы и викторины с участниками праздника, которых организаторы и спонсоры щедро угощали – в этот день было выпито 27 000 кружек чая, съедено 25 000 блинов и 5 тонн пряников.

«ЛЫЖНЯ ЗДОРОВЬЯ»

Одним из крупных социальных проектов компании «Мария-Ра» является создание лыжной трассы протяжённостью 25 километров.

«Лыжня здоровья» была основана в 2006 году и сразу же завоевала любовь барнаульцев и гостей краевой столицы. Это крупный социальный проект, основной целью которого является оздоровление жителей Барнаула и края. Аналогов такой лыжни нет ни в Барнауле, ни в Алтайском крае. Специально для «Лыжни здоровья» было построено два моста через шоссе. Трасса расположена в нагорной части Барнаула и проходит вблизи всех основных спортивных баз, поэтому приехавшие на любую базу, могут пользоваться «Лыжнёй здоровья» бесплатно.

Из года в год трасса работает всю зиму, а открытие и закрытие лыжного сезона становятся большими культурно-спортивными событиями. В эти дни «Мария-Ра» устраивает соревнования для всех участников с подарками и угощениями. Каждый ребёнок, вставший на лыжи, получает специальный приз от «Мария-Ра» вне зависимости от того, какое расстояние он прошёл.

Для удобства отдыхающих на трассе расположено несколько зон отдыха. Каждую субботу и воскресенье всех тех, кто ценит своё здоровье, организаторы и спонсоры угощают горячим чаем, сладостями и бутербродами. Еженедельно «Лыжню здоровья» посещают более 7 000 человек, половина из которых выходит на неё в выходные дни.

«ДОБРЫЙ ДОКТОР!»

В 2010 году компания «Мария-Ра» впервые провела эту акцию в канун праздника медицинских работников. С 1 по 15 июня покупатели магазинов «Мария-Ра» могли внести свой вклад в улучшение медицинского обслуживания, проголосовав за лучшего лечащего врача, любимого доктора или самую добрую медсестру. Лидеров голосования «Мария-Ра» наградила памятными подарками. Лучшие, по мнению барнаульцев, доктора были приглашены на спектакль в краевой театр драмы имени В. М. Шукшина. Здесь коллективы ряда медицинских учреждений получили в подарок торты. В акции приняли участие 2 038 врачей, 1 135 из них были награждены, 430 медицинских учреждений получили сладкие подарки.

«СПАСИБО ВАМ, УЧИТЕЛЯ!»

Ежегодно в сентябре «Мария-Ра» проводит акцию для школьников и их учителей. По условиям акции детям предлагается поздравить своих любимых учителей с профессиональным праздником оригинальным способом. Школьники с огромным удовольствием откликаются на призыв принести в любой из магазинов «Мария-Ра» свои поделки, рисунки и стихи, посвященные любимым учителям. И всё это для того, чтобы их педагог был признан лучшим и получил подарок от «Марии-Ра».

Например, в 2009 году за две недели (именно столько времени отводилось ученикам на написание поздравительных писем) в магазины поступило около 3000 поделок и рисунков от школьников, дошколят и даже от тех, кто давно окончил школу. Многие учителя были приятно удивлены тем, что, по мнению их учеников, они лучшие – победители акции. Это незабываемо – радость и гордость школьников за своих учителей и слёзы счастья в глазах самих учителей.

«МОЙ МУЛЬТГЕРОЙ»

Компания «Мария-Ра» уделяет особое внимание детям, организовывая ежегодно для них конкурсы детского рисунка, рисунки на асфальте, праздник в День защиты детей. С 22 мая по 10 июня 2010 года проводился конкурс рисунков «Мой мультгерой», который «Мария-Ра» проводит второй год. В период проведения конкурса каждый ребёнок придумывал и рисовал своего сказочного героя, писал для него историю, приносил в любой магазин «Марии-Ра» и получал поощрительный приз. В конкурсе участвовали 15 620 детей, 17 822 рисунка было принесено в магазины. Авторы лучших рисунков и необычных историй – 2010 человек – были награждены сладкими призами и дипломами от «Мария-Ра».

В июле был определён главный победитель конкурса рисунков – это 9-летняя Юлия Чудновская, написавшая необычную историю про дочь Весны Веснянку. По её рисунку и истории был снят мультфильм и показан по телевидению в сентябре этого года.

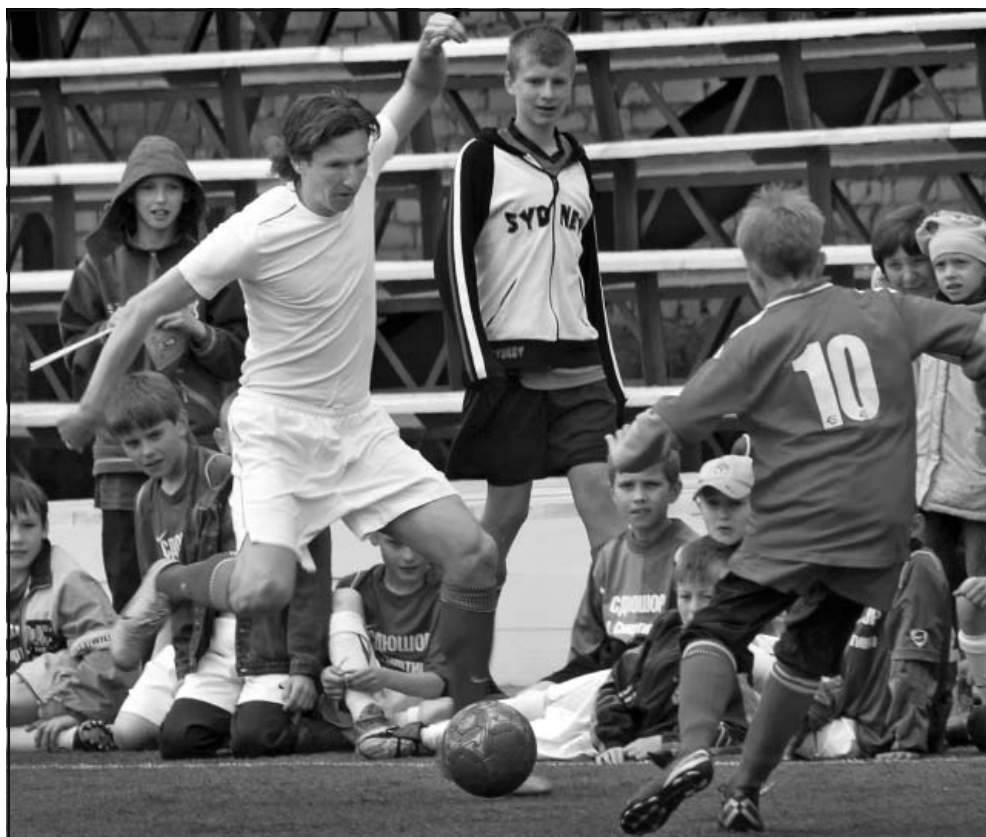

ПОДДЕРЖКА СПОРТИВНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Компания «Мария-Ра» в 2010 году с 24 июня по 4 июля совместно с компанией «Кока-Кола» проводила акцию «FIFA-2010». Каждый покупатель мог угадать призёров чемпионата мира по футболу, написав на чеке места, которые займут страны-победители. 2896 покупателей приняли участие в голосовании. По итогам этого своеобразного опроса 273 победителя были награждены призами от «Мария-Ра».

Компания оказывает поддержку многим спортивным организациям, например, «Школе имени Алексея Смертина». Несколько лет подряд «Мария-Ра» принимает участие в проведении краевого турнира по футболу на призы Алексея Смертина. В нынешнем году такой турнир состоялся 1 мая. Юные воспитанники спортивных школ из Барнаула и других филиалов Алтайского края (Бийска, Рубцовска, Ребрихи, Озёрок, Косихи) приняли участие в соревнованиях по шести возрастным категориям, играли также и девочки-футболистки. Все участники праздника получили от спонсоров мероприятия сладкие подарки, призы – ни один не ушёл с пустыми руками.

22 мая прошёл Краевой футбольный фестиваль имени А. Смертина, в рамках которого состоялись футбольный марафон, финал проекта «Живи как мы. Территория Школа», женский футбол, весёлые эстафеты и конкурсы, семейные состязания. От «Мария-Ра» в качестве подарков победителям и участникам данного фестиваля было вручено 100 футбольных мячей, 100 футболок, 35-килограммовый торт. На протяжении этого фестиваля сотрудники компании угощали всех участников бесплатным квасом, была организована торговля и другими прохладительными напитками, соками, а также выпечкой и сладостями.

Компания «Мария-Ра» придерживается активной позиции в отношении здорового и спортивного образа жизни своих покупателей и сотрудников, призывает их к ведению здорового образа жизни. «Мария-Ра» приветствует и поддерживает развитие детских и юношеских спортивных мероприятий, активно болеет за наших спортсменов, выступающих на городском, краевом и мировом уровне.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БАРНАУЛА

Из года в год «Мария-Ра» участвует в организации празднования Дня рождения столицы Алтайского края: проводит розыгрыши, конкурсы, спортивные мероприятия, организует детскую площадку на «Зелёной лужайке» с участием весёлых клоунов, где все желающие могут принять участие в различных конкурсах (**см. здесь на фото**), аттракционах, показать свою силу, ловкость и получить приз.

Компания «Мария-Ра» поздравила горожан с 280-летием Барнаула, разыграв автомобиль «Ford Mondeo» для тех, кто совершил в период с 1 августа по 4 сентября покупку в магазине «Мария-Ра» на сумму не менее 500 рублей. Более ста тысяч покупателей приняли участие в розыгрыше автомобиля и других ценных призов.

Жители Алтайского края не просто знают об активной, инициативной и результативной деятельности «Мария-Ра» в социальной, культурной и спортивной сферах, они в ней всегда с удовольствием участвуют. В данном «дневниковом репортаже» кратко рассказано об основных акциях, праздниках, конкурсах, соревнованиях, которые организует и проводит компания «Мария-Ра».

Андрей СМЕРНОВ.

ПАМЯТЬ

К Всероссийской переписи
населения – 2010

ВЕЛИКИЙ СЧЁТ*

Напомним читателям, что итоги Всесоюзной переписи 1937 года Сталин признал вредительскими и назначил «правильную» на 1939 год. Как прошла она в Алтайском крае?

ПРИСТУПИТЬ ПО ГУДКУ!

В архивах Алтайкрайстата под грифом «Хранить постоянно» мы обнаружили уникальную папку с документами, подтверждающими, насколько тщательно и скрупулёзно отработывался каждый шаг для тех, кому было поручено проводить перепись, сколько уровней контроля было за переписчиками – вплоть до того, что была задействована авиация для доставки проверяющего в отдалённые районы края. Забегая вперед: сами переписчики передвигались пешком либо на лошадах.

Итак, взглянемся в пожелтевшие листы отчёта Краевого бюро переписи (далее – КБП). Подбор кадров для столь ответственного государственного мероприятия проводился серьёзно. На разлинованной странице графы шли в такой последовательности: ФИО, партийность, возраст, образование, в каких переписях участвовал и кем. Скептики, не улыбайтесь: большинство граждан оказались беспартийными, но зато у всех в наличии имелось среднее образование, в крайнем случае неоконченное. Каждую кандидатуру не только проверяли, но и утверждали. Особенное внимание уделяли претендентам на должность уполномоченных и инспекторов, могли отказать в должности «по политическим мотивам» или «за слабую трудовую дисциплину».

Традиционно в переписчики брали представителей местной интеллигенции. Однако возникало затруднение, когда таковые были в селе в единственном числе: «Нецелесообразно закрывать магазин по причине отсутствия продавца, просим не привлекать его на перепись». То же с учителями – вышла директива и их «не привлекать». Решив важнейший оргвопрос и озвучив его на совещаниях на местах, КБП рапортует: «...каждый из участников переписи получил солидную политическую зарядку». Для размещения переписных кадров и хранения документации выделялись отдельные помещения, оборудованные телефоном. В ряде случаев даже телефонизировали квартиры инспекторов: «...в Калманском районе... ввиду отсутствия проволоки райисполком взял два центнера последней с базы Заготсено, но телефон провели».

12 января 1939 года начался предварительный обход домов. В ряде мест это было сделано в строго определённый утренний час: «По г. Рубцовску счётчики приступили к работе по специальному гудку одного из предприятий города».

17 января началась сама перепись, по домам пошли 4677 счётчиков. Не все оказались дисциплинированными: «В первые три дня были сняты с работы пять счётчиков, два из них отданы под суд за грубое сознательное нарушение инструкции, один снят по политическим мотивам».

---

* В статье использованы архивные материалы Алтайкрайстата.

Контроль за переписчиками был строжайший, чиновники и партийные лидеры края лично навещали каждое поселение, более того: «18 января в отдельные районы края вылетели на самолёте начальник КрайУНХУ тов. Неменов с представителем УНХУ РСФСР тов. Гуськовым для проверки работы на местах».

ШИРОКАЯ АГИТАЦИЯ

Широко была развёрнута массово-разъяснительная работа на десяти- и двадцатидворках, для чего согласно директиве из числа партийных работников и просто сознательных граждан выделяли докладчиков, агитаторов, чтецов, беседчиков. Инструктировали и готовили таковых «заведывающие» на специально организованных агитпунктах. Здесь же имелись столы справок и консультаций, стационарные передвижные выставки, стенгазеты. Районные газеты уделяли переписи повышенное внимание: «Массовая работа, проведённая по переписи населения, по своему размеру была равна массовой работе по выборам в Верховные Советы». Пример: «При Мысовском сельсовете зав. агитпунктом тов. Дурников добился, что на занятия по изучению материалов переписи ходили старики и старухи в возрасте до 70 лет».

Для активизации работы в районах приглашались на собрания депутаты Верховного Совета, заказывался дополнительный тираж местных газет. Каменский район сообщает: «... для участников совещания было закуплено 550 экз. газеты, посвящённой переписи, и разложено на стульях в зале. Совещание приняло обязательство провести ВПН на «отлично», вызвав на социалистическое соревнование Славгородский район».

А вот в Бийском районе, сообщает счётчик тов. Карпенко, «никакой разъяснительной работы с населением не было, ходил переписчик с урядником, и всё».

Специально к ВПН был снят документальный фильм «Великий счёт», который демонстрировали населению. Перед фильмами в клубах выступали с докладами агитаторы, актёры краевого драмтеатра подготовили постановку «Художественный пересказ 16 вопросов переписного листа». Всего печатные СМИ опубликовали 629 статей и 903 заметки, в том числе краевая газета «Алтайская правда» – 42 и 99 соответственно. Кроме того, выпускались листовки, в том числе цветные, с календарём на обратной стороне. Около трёх тысяч стенгазет публиковали стихи и заметки стенкоров, фотографии о ходе переписи.

«Своей широкоэмитальной радиостанции Алтайский край не имеет, пользовались услугами Новосибирской областной радиостанции РВ 76, которая даёт час времени. Несмотря на ограниченность выделенного времени, удалось организовать 12 бесед».

В 35 районах края для усиления массово-разъяснительной работы было организовано 79 лыжных эстафет, в которых участвовали 36 членов и кандидатов ВКП (б), 973 члена и кандидата в члены ВЛКСМ, 358 женщин, 14 колхозников и т. д. Лыжники прошли инструктаж, получили образец бланка переписного листа и по ходу своего маршрута рассказывали населению о задачах переписи и учили правильно отвечать на вопросы переписчика. Работа велась как индивидуально по квартирам, так и массово: после официального доклада декламировались литературные произведения, ставились пьесы, выпускались стенгазеты.

В Барнауле 16 января поздним вечером городской Совет физкультуры вывел на улицы бригаду из 900 лыжников, представлявших 10 спортивных обществ, в руках которых были горящие факелы и лозунги, посвящённые ВПН. В сопровождении оркестров праздничные колонны лыжников прошли по главным улицам.

Широко использовался такой вид информирования населения, как конная агитповозка: сани обтягивали красным полотном, украшали плакатами и лозунгами. Усаживались докладчики, беседчики, музыканты, певцы, плясуны и рассказчики. Повозка по временам останавливалась, собирался народ, и действие начиналось. Во всех людных местах размещали увеличенные копии переписных листов и инструкции по их заполнению.

В Рубцовском районе организовали конную эстафету «ворошиловских всадников», в Грязнухинском районе – шествие агитколонны, украшенной как на Первомай. В Чарышском районе помимо обычной наглядной агитации появились световые лозунги. В Смоленском районе проводили собрание с ветеранами, для которых накрывали столы, показывали кино, а потом «престарелых развозили на лошадях по квартирам».

А «ВРАГ» НЕ ДРЕМАЛ...

В особую главу отчёта КБП выделено «Наличие фактов вражеской агитации против переписи и случаи отказов проходить перепись». В 12 районах края были отказы «на почве религиозных убеждений, на почве вражеских настроений со стороны отдельных семей, главы которых изъяты по линии НКВД как враги народа, а также со стороны единоличников, особенно одиночек (стариков и старух) в силу, прежде всего, их антисоветских настроений, а также вкоренившегося в них бескультурия и невежества».

Особенно в этом плане отличился Ребрихинский район: отказались общаться с переписчиком 22 хозяйства, где проживали баптисты. Их внесли в списки по данным сельсовета. В Грязнухинском районе «три бывшие монашки агитировали записываться верующими, при этом упустили из вида, что вопрос о религии в переписном листе не ставится». В Сорокинском районе прошёл слух: кто будет записан постоянно проживающим, тому «в дальнейшем не разрешат выезжать в другие места СССР». В Бельмесёво и ещё ряде сёл была сорвана наглядная агитация, но «следственные органы виновных не нашли». В Кочковском районе на собрание, где проходила агитация за участие в ВПН, ворвались хулиганы и устроили дебош, пришлось вызывать милицию: зачинщик получил четыре года тюрьмы, пособники по три месяца принудительных работ. В Солонешенском районе пьяный рабочий пытался избить переписчика «без всякого повода», за что получил пять лет лишения свободы.

Верующие боялись: «Эта перепись безбожная, придут иконы снимут, не трогайте меня, пожалуйста», «...кто запишется на лист, это всё равно, что приложить печать, и этот человек будет полностью покорен антихристу».

Однако в отчёте Краевого бюро переписи отмечалось: «Мы подчёркиваем, это буквально единицы случаев отказа от участия в ВПН... они являются следствием их (граждан) личных противосоветских настроений».

О масштабности проведенных работ говорят факты: «В практике работы инспектур нархозучёта вообще не бывало, чтобы какой-либо работе уделялось столько внимания, сколько это было сделано для переписи... Социалистическим соревнованием за лучшее проведение переписи были охвачены все районы и города нашего края».

ПРО ЧЕРНИЛА, КОРОВУ И ОГОРОД

Создаётся впечатление, что всё проходило без сучка и без задоринки. Но это не так. Переписная документация и канцелярия из Москвы направлялись централизованно. Алтайские статистики констатируют: «Получили 150 тыс.

штук чернильниц, ручки... Это, по существу, совершенно напрасно затраченные тысячи рублей: ни то, ни другое оказалось не только неудобным, но чернильницы точно сознательно сделаны, чтобы пачкаться... Счётчикам пришлось их заменить непроливашками или простыми стеклянными». Было много претензий и к переписной документации, в частности, портфели оказались по размеру меньше, чем переписные листы, их приходилось сворачивать, не было отдела для заполненных листов, приходилось вынимать всю пачку в каждом дворе, разыскивая нужный лист.

Переписчики утверждают, что некоторых граждан «совершенно бесполезно» переписывали по два раза, так как за время проведения обхода домов они несколько раз переезжали с места на место, а справки о прохождении ВПН не имели, потом приходилось долго вести сверку. При утверждении нормы работы не были учтены условия сибирской зимы, и счётчикам приходилось по 16 часов в сутки трудиться, чтобы успеть обойти все дома, занесённые снегом. В инструкции было «мало приведено примеров для сельских местностей, а больше всего для городских поселений», «контрольные бланки оказались малопригодными для заполнения чернилами, бумага царапалась, чернила растекались», заранее «нужно было снабдить счётчика списком названий учреждений, некоторые граждане не знали, как правильно назвать своё предприятие». Счётчики не нашли в инструкции «точной формулировки, считать ли подсобным хозяйством, только у кого имеется корова и огород, или можно считать подсобным, у кого имеется только корова или только огород»...

ПОЛЗКОМ, НА ПАРОВОЗЕ, НА ЛЫЖАХ

В архиве сохранились отчёты переписчиков. Вот что сообщает, например, некто Гончар: «В Козахском колхозе Андреевского района люди не спали и ожидали до 11 часов прихода счётчика, так как работа часто проходила вечером. В избе всё выметено, приготовлен стол для работы. Инструктор Севостьянова: «...были выделены лучшие лошади для участка и прикреплен кучер». Инструктор Золотарёв: «...в необходимых случаях переписной персонал обеспечен теплой одеждой и обувью со стороны общественных организаций». Счётчик Кузьминов: «...контролёру найти меня можно было по красному флажку, который я оставлял на улице у ворот, где проводил перепись». Счётчик Федотов, Змеиногорский район: «...отдельно стоящие строения находятся на расстоянии 8 – 10 км совершенно без дороги к ним. Подъехать к станам можно только на лыжах».

По особому графику переписывали тех, кто «на критический час» окажется в пути: «Учитывая вероятные опоздания, мы вынуждены были для переписи четырёх поездов организовать поездные бригады на 12 станциях края». Возник казус на ст. Рубцовка: два поезда, которые к «критическому часу» уже должны были покинуть пределы края, оказались здесь, кроме того «...поезд № 46, который до 16 числа не ходил вообще, вышел со ст. Семипалатинской вне всяких существующих расписаний и оказался в Рубцовке... Пришлось организовать дополнительные бригады переписчиков». Посчитали всех!

На самих вокзалах работа шла до часу ночи, здания снаружи и внутри были «украшены лозунгами, портретами вождей, столы рабочие были накрыты красным полотном, на столах были цветы».

К труднодоступным участкам было отнесено 293 населённых пункта в Ойротской области. Вот что отмечает счётчик Рассказов: «В Улаганском аймаке некоторые даже приоделись по-праздничному к приезду переписчика. В населённых пунктах

на Телецком озере наперебой почти каждый оставляет ночевать или подкрепиться, в Эжеке истопили нам баню». В один из дней на озере началась буря, а надо было переправиться на другую сторону, местное население уговорило переписчиков заночевать и ждать погоду: «Хозяин дома Демнев, беспокоясь, несколько раз ходил на берег, смотрел, утихает ли низовка». Наутро лодка, немного зачерпнув воды, перевезла государственных людей к месту назначения «с риском потерпеть крушение в плохую бурную погоду».

Из труднодоступных мест сообщали: «пришлось облазить скалы и брести по пояс в снегу», «иногда приходилось по льду идти ползком, потому что он был тонкий», «30 километров, где не было следа, тайгой, снегом шли целый день, натер ноги», «приходилось идти пешком, изыскивать себе путь и проводить за собой лошадей».

В гостиницы, общежития, где большое движение народа, счётчики приходили по нескольку раз, чтобы учесть всех. Очень сознательными оказались и сами граждане, приходившие на инструкторские участки, не дождавшись переписчика. Их имена навеки сохранились в архивной справке. Самый потрясающий случай: гражданка Антонова Евдокия Петровна, 56 лет, проживающая на Ерестинских лугах, прошагала 14 км до города, чтобы вписать себя с мужем Ильёй Петровичем, кустарём-корзинщиком.

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА ХРОМАЛА?

Несмотря на эпоху репрессий, на жёсткие директивы, на местах срывали сроки подготовительных работ и даже инструкции по проведению переписи. Требовалось вмешательство вышестоящих инстанций.

В настоящую проблему, к примеру, вылился подбор переписных кадров. Понадобилась директива оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю: «привлечь на условиях дополнительной оплаты (помимо сохраняемого по месту работы заработка) работников школ, советских учреждений и торговых организаций, учащихся вузов и старших классов школ и так далее. Обязать краевое управление нархозучёта организовать прохождение краткосрочных курсов и проверку знаний по вопросам переписи населения».

Решением ВЦИК от 10 октября 1938 года было принято постановление: «Обязать Ойротский облисполком, Барнаульский горсовет и райисполкомы решительно закончить с недооценкой значения переписи... Обязать председателя Барнаульского горсовета тов. Фотина к 15 октября предоставить благоустроенное помещение для Краевого бюро переписи населения и хранения всей документации».

На места, в райисполкомы, шли правительственные телефонограммы под грифом «Правительственная» за подписью председателя оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю Смердова: «Ход подготовки переписи населения в крае идёт неудовлетворительно. Председатели райисполкомов устранились от ответственной государственной работы по подготовке переписи населения и передоверили дело переписи райнархозучётам. Обязываю в пятидневный срок...». Следом ещё одна правительственная телефонограмма, расписывающая буквально по дням, что кому надо сделать в плане активизации этой работы. Уточнялось, что средства передвижения, предоставляемые переписчикам колхозами, предоставляются за плату, но «все госучреждения, предприятия и организации средства передвижения предоставляют бесплатно».

И последнее. Секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Гусев телефонирует: «Всем райкомам партии! Проверкой районах и городах края выявляются факты нарушения

инструкции переписи населения тчк... Со стороны районных работников командированных помощь массовой работы даются установки противоречащие инструкции зпт запретить это делать обязав последних заниматься массовой работой тчк».

ИЗ СЕРИИ «ЗАПИСАНО ПЕРОМ – НЕ ВЫРУБИШЬ...»

Все счётные работники вели дневники и предоставляли отчёты в органы статистики, не обошлось без курьёзов.

Счётчик Гребенников из Благовещенского района докладывает: «Не только взрослое население, даже дети хорошо знали перепись и все 16 вопросов. Примерно, у Тарана Ивана сын Алексей 4 лет и дочь 2 лет – эти дети все 16 вопросов знали наизусть и отвечали сами за себя».

Завьяловский район, счётчик Родиков: «...когда спросишь хозяйку, кто у вас ночевал с 16 на 17, в это время школьники достают тетрадь, в которой было записано, кто ночевал». Каменский район: «... каждый хозяин старался угостить, даже было наварено пиво».

Продавец рабкопа Макоев сообщает в инструкторский участок: «Ко мне из Ойротии заехал человек, у которого нет справки о прохождении переписи населения». Инструктор проверил данный факт, составил контрольный бланк на непереписанного и отчитался: «Такие факты говорят за преданность партии Ленина – Сталина, за помощь работникам переписи».

Славгородский район: «Из общего числа населения (1300), подлежащего охвату, охвачено 3475 человек, то есть 267%».

Тов. Зуев, Барнаул: «Я отморозил колени из-за отсутствия тёплого белья. Когда об этом узнал заведующий, в этот же день мне в сельмаге отпустили 5 метров фланели».

Бийск, счётчик Оськин: «У меня было много работы, даже некогда было привести себя в культурный вид. Тов. Козлов предложил свои услуги и обрил мне бороду. Так охотно и со всей сердечностью отнеслись ко мне люди Советского Союза».

Ойротия, счётчик тов. Макаров: «Согласился со стариком, что, действительно, при составлении переписного листа была упущена графа, где можно было бы записывать благодарность партии и правительству за счастливую старость».

Там же, Чойский аймак: «Население к переписи относилось хорошо, за исключением одного хозяйства (единоличник), так как они очень держатся к религиозной общине, от счётчика закрывались в избе на замок. Пришлось провести массовую работу, и тогда они убедились, перепись у них прошла хорошо, ответы дали все правильно».

Бийский район: «Тов. Подрезов говорил: «Спасибо тов. Сталину и советской власти, что дали нам возможность учить детей бесплатно. Если бы я был помоложе, то обязательно окончил бы какой-нибудь институт».

Сорокинский район, счётчик Сидельников: «Гр-н Хлынов заявил, что эту перепись надо отметить, оставить память. Пошёл, пригласил фотографа и сфотографировал всё своё семейство совместно со счётчиком и инструктором».

Тальменский район: «Граждане привязывали собак, были прорыты тропинки к домам, положен новый веник для обметания ног от снега».

Усть-Калманский район: «66-летний колхозник Анисимов ходил со мной из хаты в хату и откапывал двери от снега».

Усть-Коксинский аймак: «Даже 138-летний гражданин Казанцев Илья Зиновьевич интересовался целями переписи».

Парфёновский район: «Гражданка Маршова, единоличница-сектантка, прикрывалась тем, что она умалишённая, не пускала в квартиру и грозила зарубить меня».

В Белоглазовском районе счётчик Яковенко пишет в дневнике: «Сегодня с 8 утра начало Всесоюзной переписи населения. Погода хорошая. Тихо. В небе ещё видны звёзды, в деревне поют петухи. Над каждой избой вверх столбом поднимается дым. Я выхожу из переписного отдела, вместе со свежим воздухом меня охватывает чувство бодрости: я иду выполнять великое, почётное и важное дело, порученное мне партией и правительством. В квартире Ушакова две просторные чистые комнаты, Ушаков получает пособие по многосемейности, у него 7 детей. Жена его, узнав о том, что переписные листы увезут в Москву, просит меня записать хоть на уголку переписного листа благодарность родному Сталину за заботу о большесемейных и за счастливую жизнь народа нашей страны, говоря: «Когда тов. Сталин будет смотреть переписные листы, прочитает привет от меня».

ПОСЧИТАЛИ ВСЕХ?

Грандиозная подготовительная работа к переписи дала свои результаты: посчитали всех, даже тех, кто уклонился от личного общения с переписчиком, таких посчитали, пользуясь текущими данными похозяйственного учёта. Но даже столь скрупулёзный подсчёт показал, что население великой державы реально сократилось. В Алтайском крае, по данным переписи 1926 года, проживало 2474 тыс. человек, на 1939 год – 2224, 3 тыс. Убыль составила более 10%. Первая мировая, Гражданская войны нарушили соотношение полов, мужское население сократилось до 47%. С развитием индустриального комплекса до 17, 4% возрос удельный вес городского населения. Накануне Великой Отечественной войны в городах края проживало 387, 3 тыс. человек.

Кстати, учтя нерадостные итоги «вредительской» переписи 1937 года, разработчики плана новой переписи внесли коррективы в опросный лист и инструкции. Впервые отдельно посчитали временно проживающих и временно отсутствующих, провели предварительный обход, при контрольном обходе квартир впервые применили контрольные бланки. Были исключены вопросы о безработице: в стране победившего социализма таковой не осталось; о физических недостатках – это учитывала текущая статистика; о жилищном фонде – этим обследованием занимались вне переписи. Переписные листы были отпечатаны на 22 языках. Переписной персонал работал ударными темпами, и предварительные итоги были подведены в рекордно короткий срок – уже в апреле 1939 года. Окончательные итоги считали долго, потому что началась война, пришлось приостановить работу и завершить её в 1947-1949 годах.

АНТОН ЧЕХОВ – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ... ПЕРЕПИСЧИК

В январе отмечались юбилейные торжества в честь великого русского писателя, драматурга, врача Антона Павловича Чехова. А ещё – инициатора проведения переписи населения в России в XIX веке.

Год 2010-й для Чехова дважды юбилейный: исполнилось 150 лет со дня его рождения и 120 лет со дня организации им на Сахалине настоящей переписи населения. Так что очередная ВПН-2010 будет проходить в знаменательный год.

В 1890 году писатель, будучи уже больным чахоткой, принял неожиданное для всех решение отправиться в долгое и трудное путешествие через всю Россию. Чехов исследовал Сахалин вдоль и поперек, подробно изучив жизнь как заключённых, так и местных крестьян. Он посещал тюрьмы, проверял их техническое и санитарное состояние, ходил по жилым домам, беседовал с заключёнными, жителями деревень и сёл. Результатом его деятельности на острове стали 10 тысяч

статистических карточек и множество уникальных данных о труде и условиях жизни каторжников и крестьян.

Эти карточки стали свидетельством крайней нищеты и безграмотности местного населения. Отметил он и громадную половую диспропорцию: на одну тысячу мужчин приходилось 372 женщины.

Разумеется, перепись Чехова идеальной назвать нельзя. Так, прослышав о том, что «доктор» расспрашивает жителей деревень и делает записи в тетрадку, многие аборигены целыми поселениями уходили в тайгу. Тем не менее, не прояви Чехов инициативы, тогдашние власти и нынешние историки и демографы и вовсе бы не владели никакими цифрами.

После появления книги «Остров Сахалин» официальные лица наконец-то обратили внимание на тот произвол, который творился на острове, на вопиющее положение каторжных и ссыльных. Министерство юстиции и Главное тюремное управление командировали на остров своих представителей.

Переписывая ссыльных Сахалина, писатель внёс вклад не только в развитие острова, но и в русскую литературу. Чехов общался с людьми, узнавал истории их жизни, набирал богатейший материал. Путевые заметки из этой серии наглядно отображают жизнь обитателей острова и труд переписчика, которым стал на время Антон Чехов. Из книги «Остров Сахалин»: «Эту работу, произведённую в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты её не могут отличаться точностью и полнотой, но за неимением более серьёзных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры»...

...А ПОТОМ ПОСЧИТАЛИ ВСЕХ

Лишь через семь лет после того, как Антон Чехов пересчитал население отдельно взятой территории великого государства, это самое государство объявило Первую всеобщую перепись населения.

Российское правительство днём единого счёта объявило 28 января 1897 года (по старому стилю). Особая заслуга в подготовке и проведении ВПН принадлежала Петру Семёнову-Тян-Шанскому, на тот момент возглавлявшему Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел. (Кстати, завершив своё путешествие, писатель не завершил карьеру переписчика: в 1897 году Антон Чехов как инструктор-контролёр бесплатно руководил 15 переписчиками в Серпуховском уезде Московской губернии.)

Предполагалось провести одновременную (однодневную) перепись всего населения империи. При этом в отличие от хронологически предшествующих переписи ревизий перепись населения не несла никакой фискальной нагрузки, её проведение не было связано с введением новых или пересмотром старых налогов.

Список вопросов, содержащихся в переписном листе, был достаточно обширен и состоял из 14 пунктов: ФИО или прозвище; пол; возраст; семейное положение; сословие, состояние или звание; место рождения; место приписки; вероисповедание; родной язык; умение читать; занятие, должность или служба... Делались отметки о воинской повинности и о физических недостатках.

Особо оговаривались условия переписи пассажиров на железных дорогах. Счётчики имели право бесплатного проезда по всем «русским железным дорогам». Между прочим, вечно путешествующего Григория Распутина перепись застала именно в дороге. Для проведения переписи по всей стране было привлечено более 135 тыс. счётчиков из числа учителей, священников и грамотных запасных солдат.

В городах применялся метод самосчисления: в усадьбах и городских домовладениях, а также на заводах счётчик лишь приносил, забирал и проверял переписные листы, а их заполнение проводили соответственно владельцы, арендаторы, хозяева. В сельской местности – метод опроса.

21 ноября 1896 года Николаем II была учреждена медаль «За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 года». В числе награждённых был А. П. Чехов. Стоимость переписи 1897 года составила около семи миллионов рублей. По результатам переписи численность населения Российской Империи составила 129 млн. человек.

АЛТАЙ В ТОМ ЧИСЛЕ...

По результатам первой и единственной всеобщей переписи населения царской России на территории Алтайской губернии в 1897 году было учтено 1174,5 тысячи человек, что составляло 29% населения Западной Сибири. Переписью 1897 года учитывалось население обоего пола, в отличие от прежних ревизий, учитывавших число душ только мужского пола.

Всеобщей переписью 1897 года учтено 587 543 мужчин, что в 10,6 раз больше численности мужского населения по сравнению с 1795 годом. Численность женского населения составила 586 982 человека. На 1000 мужчин, таким образом, приходилось 999 женщин. Основная часть населения губернии – 1128,2 тысячи человек – проживала в сельской местности; 46,3 тысячи (4%) – в городах. По данным переписи, в это время существовало всего два города: Барнаул и Бийск. Большой вклад в проведение переписи населения внёс меценат – Барнаульский городской голова Василий Дмитриевич Сухов.

Сколько нас сейчас, узнаем по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, которая прошла с 14 по 25 октября.

Тамара ЕЛИЗАРЬЕВА.

ВЫСТАВОЧНЫЕ ЗАЛЫ

ХУДОЖНИКИ – ГОРОДУ

Барнаул – один из красивейших городов Сибири почти с 300-летней историей. Художники Алтайского края в своём творчестве часто обращаются к барнаульской теме, отображая жизнь города в различные исторические периоды.

5 августа 2010 года в выставочном зале Алтайской краевой организации Союза художников России состоялось торжественное открытие краевой тематической художественной выставки «Художники – городу», посвящённой 280-летию Барнаула.* На выставке представлено более 200 произведений живописи, графики, скульптуры 74 авторов. Совместно с признанными мастерами искусства в выставке принимают участие художники-любители, студенты вузов и училищ, получающие профессиональное художественное образование.

Многие произведения, вошедшие в экспозицию выставки, уникальны. Они хранят то, что уже давно стало историей. Виды Барнаула 50-70-х годов XX века запечатлены в работах М. Д. Ковешниковой («У Старого базара», «На пристани», «Ул. Мамонтова», «Утро на Оби»), Л. Р. Цесюлевича («Улочка. Март», «В новом микрорайоне (ул. Г. Исакова строится)»), А. А. Югаткина («Барнаул. Причал на реке», «Барнаул. Строительство моста»), Ю. Б. Кабанова («Барнаул XVII века») и В. В. Конькова («Землепроходцы») и др.

Красота деревянного зодчества Барнаула отражена в произведениях М. Я. Будкеева («Дом за Барнаулкой»), В. П. Туманова («Дом Мамонтова»), Н. А. Пономарёва («Русский чай»), А. П. Щетинина («Дом Носовича») и др. Эти работы дают возможность полюбоваться деревянной архитектурой Барнаула рубежа XIX-XX веков: домом купцов Шадриных, расположенного в Центральном районе города на Красноармейском проспекте рядом с площадью Спартака (ныне это ресторан «Император»); Домом архитектора, который в начале XX века принадлежал архитектору Ивану Носовичу и находился на улице Чернышевского, 152; несохранившимся зданием гостиницы «Империял», стоявшей на берегу реки Барнаулки (улица Малая Олонская, 18).

Очень любят художники изображать старый Барнаул с его деревянными и каменными домами – немymi свидетелями истории города. Памятникам архитектуры посвящены работы М. Я. Будкеева («Демидовская площадь»), В. П. Туманова («Краеведческий музей» и «Площадь Спартака»), И. М. Мамонтова («Старый город. Ул. И. И. Ползунова»), Н. Н. Клековкина («Небоскрёб». Из серии «Старый Барнаул» и «Перекрёсток». Из серии «Старый Барнаул»), А. В. Казанцева («Демидовская площадь» и «Дом купца Аверина»), позволяющие увидеть здание первого в Сибири краеведческого музея и доходный дом купцов Авериных, прозванный в народе небоскрёбом (в начале XX века он был одним из самых высоких зданий в Барнауле).

Привлекательная тема для художников – храмы Барнаула. В 90-х годах прошлого века в Барнауле, как и по всей стране, началось их восстановление и строительство новых. Красоту и величие православных храмов можно увидеть в работах А. А. Дрилёва («Знаменский собор», «Епархия», «Собор Иоанна Богослова»), И. М. Мамонтова («Покровский собор в Барнауле»), Ю. Б. Кабанова («Барнаул. Покровский собор»), А. П. Фризена («Дома и церковь»), Г. Ф. Буркова («Женский монастырь. г. Барнаул»)...

---

*Участие в открытии данной выставки приняли представители Алтайской краевой организации Союза писателей России – поэты Валерий Тихонов и Иван Мордовин.

Образ идущего в ногу со временем города отражён в произведениях В. Э. Октября («Зимнее утро», «Зимой», «Снег идёт»); С. А. Прохорова («Новостройка»), А. Н. Шишкина («Октябрьская площадь семидесятых»), Е. В. Дёмкиной («Городская весна» и «Павловский тракт – Малахова»), Н. С. Зайкова («Площадь Октября в Барнауле») и др.

Загадочный и таинственный, живущий своей особой – спокойной и размеренной – жизнью, предстаёт город в картинах В. К. Шкиля («Проспект Ленина. Осень» и «Город Барнаул. Зимний вечер»), Ю. А. Чулюкова («Мартовское солнце» и «Осенний Барнаул»), Ю. А. Лукашина («В старом парке»), Е. В. Олейникова («Улочка Свердлова» и «Зимний дворик в центре города»), С. А. Дедова («Вид из окна мастерской»), Г. А. Бельшева («Посёлок... ул. Чудненко. Золотая осень» и «Посёлок... ул. Смирнова. Зимнее утро»).

Изображая архитектурные памятники и современные постройки, шумные проспекты и тихие улочки, художники дают возможность проследить, как видоизменяется облик Барнаула, призывают полюбоваться его красотами.

Наряду с пейзажными работами на выставке широко представлены портреты: Акинфия Демидова – основателя Барнаульского медеплавильного завода и изобретателя первой в мире паровой машины Ивана Ползунова, выполненные Ю. Б. Кабановым; Н. М. Ядринцева (1842-1894 гг.) – сибирского публициста и общественного деятеля и писателя, лауреата Сталинской премии первой степени В. Я. Шишкова (1873-1945), написанные А. Е. Емельяновым. Художники создают и портреты наших современников, которые в разных областях своей деятельности трудятся на благо родного города: «Портрет С. Г. Хачатуряна» – известного предпринимателя и мецената, основателя картинной галереи «Кармин» (И. С. Хайрулинов) и «Портрет А. Родионова» – писателя и краеведа (скульптор – М. А. Кульгачёв). Портреты работников железной дороги выполнены Ф. С. Торховым – «Ветеран ВРЗ Василий Легостаев», «Ветеран-железнодорожник Фёдор Семёнович», «Слесарь Николай из локомотивного депо ст. Барнаул» и портрет служителя церкви, созданный совместно Г. Ф. Бурковым и Г. А. Удаловой, – «Священник Покровского собора А. Н. Войтович».

Праздничное настроение создают на выставке яркие и звучные натюрморты И. В. Щетиной («Розы в моём саду») и П. Ю. Брыткова («Осенние цветы»), вызывающие у зрителя радостное и взволнованное чувство.

Художники в своём творчестве довольно часто обращаются к теме Барнаула. Для их работ характерны не только любовь к родному городу, но и внимательное изучение его истории, стремление уловить и передать его многоплановую жизнь. В эмоциональном восприятии Барнаул у каждого художника свой – яркий и солнечный, загадочно-таинственный, поэтически-возвышенный...

Александр ФЕДОТОВ.

ХУДОЖНИКИ АЛТАЯ. ВЕХИ ИСТОРИИ

Алтайская краевая организация Союза художников России – одна из самых крупных и творчески активных за Уралом. Она была одной из первых в сибирском регионе, кто в конце тридцатых годов приобрел официальный статус и начал свою деятельность. Сегодня, спустя десятилетия, задаёшься вопросом: семьдесят лет – много это или мало? С точки зрения истории – это, конечно, краткий миг... А вот когда заглянешь в запасники музеев и полистаешь изданную периодику, понимаешь, что это огромный временной пласт, отражённый в художественных

произведениях сотнями профессиональных и самодеятельных художников, объединённых творческой организацией. В истории становления Алтайской организации Союза художников отразились основные вехи истории всей страны.

Официально учреждённая в предвоенный 1940 год, она к этому времени уже обладала своей предысторией. Ещё в начале прошлого века художественная жизнь из Томска, столицы губернии, куда входил и Алтайский край, постепенно начала смещаться в Барнаул. Тон ей задавали такие выдающиеся художники, как Григорий Иванович Чорос-Гуркин, ученик И. Шишкина, и Андрей Осипович Никулин, на десятилетия определившие реалистическую традицию алтайского изобразительного искусства.

Позже на Алтай приехали молодые авторы М. Курзин, В. Гуляев, В. Карев, В. Безсонов, И. Чашников, Е. Коровай и другие, обучавшиеся в Москве и Петербурге. В 1918 году в Барнауле было создано Алтайское художественное общество (АХО). С 1918 года выставки становятся частым явлением. Сюда приезжают художники из Москвы и других городов. Бывал на Алтае И. Шадр, художники студии московского Пролеткульта, главный идеолог футуризма Давид Бурлюк. В эти годы на барнаульских выставках экспонировались и беспредметники, в том числе К. Малевич и представители объединения «Бубновый валет» И. Машков, П. Кончаловский. Каждая выставка становилась объектом жарких дискуссий о путях искусства и революции, нужна ли новая форма новому искусству. Барнаул тех лет называли сибирским Парижем.

Однако это общество просуществовало недолго, так как изменившаяся политическая конъюнктура привела к тому, что многие художники из края уехали, кто в Среднюю Азию, кто в Новосибирск, кто вернулся в столицу, а некоторые были репрессированы. Художественная жизнь была парализована, и к тому времени, когда вышло историческое постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», в крае остались единицы профессиональных художников. Это постановление стимулировало местные власти на более пристальное внимание к творческой интеллигенции и профессиональному искусству. Постепенно, очень медленно художественная жизнь начала оживать. В 1938-м и 1939 году состоялись первые краевые выставки и был создан оргкомитет по созданию творческого союза на Алтае.

В годы Великой Отечественной войны Алтайский край стал вторым домом для большого отряда ведущих мастеров советского изобразительного искусства. Около 50 членов Союза художников СССР работали в крае. Среди них такие известные мастера советского искусства, как знаменитый плакатист Д. Моор, М. Черемных, соратник В. Маяковского и лауреат Сталинской премии, а также С. Лучишкин, И. Чашников, Д. Цаплин, А. Эберлинг, ученик Репина, профессор Академии художеств, и другие известные графики и живописцы, чья деятельность способствовала профессиональному росту местных авторов. Все они очень тепло отзывались о поддержке и помощи, которые они получили от краевой организации Союза художников и от простых людей, приютивших их на время эвакуации.

В пятидесятые годы Алтай стал одним из регионов, где развернулась целинная эпопея. Вместе с первыми целинниками художники пробивались к месту будущих посёлков. Постоянно совершали поездки в составе агитпоездов и бригад на новые земли. Естественно, знакомство с людьми, с их самоотверженным трудом, сама поднятая целина находили отражение на полотнах и графических листах А. Вагина, В. Курзина, М. Ковешниковой, Ю. Панина, Г. Борунова, С. Чернова, В. Добровольского, Ф. Торхова и других.

60-70-е принесли мастерам новые темы и сюжеты. Это были годы важных научных открытий, запуска первых космических спутников, а затем и полёта человека в космос, время освоения на новом этапе Сибири и Дальнего Востока – начинались стройки века: БАМ, Комсомольск-на-Амуре, на Алтае – Коксохим и Кулундинский канал. Художники активно откликались на призывы партии запечатлеть в своих произведениях трудовые свершения развивающегося социалистического общества, отразить новый облик страны, создать художественную летопись тех лет. Неоднократно организовывались поездки творческих групп на ударные стройки, крупные производственные предприятия, сельские и горные районы края и Горно-Алтайской автономной области для сбора материалов, работала республиканская группа «Хлеб Сибири». Массовое обращение мастеров искусства к производственной и индустриальной теме в своё время принесло весьма положительные результаты: обновились сюжеты, изменились эстетические критерии, художественные приёмы. Многие произведения так называемого «соцреализма», из не оценённых по достоинству и невостребованных своим временем, позднее, в девяностые годы, были вывезены предприимчивыми галеристами за рубеж, пополнив музеи и частные коллекции Старого и Нового Света.

В самом начале восьмидесятых благодаря усилиям Алтайского отделения Союза художников России жители края стали свидетелями двух поистине уникальных событий, точнее комплексов мероприятий, включавших работу творческих групп в районах, встречи со зрителями, семинары, завершившиеся грандиозными, без преувеличения, выставками, проходившими в краевом Дворце спорта: «Сибирь социалистическая – 5» в 1980 году и «Нивы Алтая» в 1983-м. В экспозициях этих выставок были представлены тысячи произведений. Эти проекты привлекли в край практически весь цвет современного искусства страны. Жители края не по репродукциям смогли познакомиться с творчеством таких выдающихся мастеров современности, как П. Оссовский, М. Митурич-Хлебников, К. Максимов или полюбоваться видом на Алтай с высоты птичьего полёта в живописном панно А. Соколова и лётчика-космонавта А. Леонова, первым посмотревшего на нашу землю из космоса взглядом художника. Позднее все работы были переданы в музеи городов и районов края. Созданы они были на темы истории и современности Алтайского края и Горно-Алтайской автономной области и тем самым были особенно интересны зрителям, на которых с холстов и рисунков смотрели они сами, их современники и родные места.

Тематическая картина была главным жанром на выставках тех лет. Классикой стали работы Г. Борунова «Мои земляки», Л. Цесюлевича и И. Рудзите «Строители», Н. Иванова «Алтайское лето», серия С. Чернова и В. Добровольского «Объ целинная», Л. Цесюлевича «Руки творящие» и «Огненный дозор», «хлебная» серия М. Ковешниковой.

Конец восьмидесятых годов стал переломным для всей нашей страны, что не замедлило сказаться на деятельности творческих организаций. Наметившиеся серьёзные перемены в важнейших областях жизни общества – в экономике и политике, идеологии и культуре – сказались и на переосмыслении наиболее важных, базовых понятий и категорий в искусстве. Отошли в прошлое строгая цензура, тотальное давление партийной идеологии на художественную культуру. Однако долгожданная свобода творчества привела многих к растерянности. Государство перестало быть официальным заказчиком, источником тем и сюжетов для художественных произведений. Отказавшись от казённых сюжетов социалистической действительности и псевдоистории, многие оказались не готовы к такой свободе. Картина перестала быть

ведущим жанром, скорее она стала редким явлением в экспозициях. Потребовались годы, чтобы осмыслить духовное наследие, отказаться от конъюнктуры и освоить то новое, что пришло в наше сознание, меняя отношение к прошлому и настоящему.

Сегодня на Алтае в этом сложнейшем жанре работают единицы – И. Хайрулинов, В. Прохода, Н. Острицов, Ю. Иванов, А. Дрилев, Л. Цесюлевич, В. Терещенко, П. Широ.

Последнее десятилетие прошлого века вошло в историю страны как время кардинальных экономических и политических перемен. Время, когда рубили с плеча, не задумываясь, отказывались от национальных идеалов, несправедливо клеймили людей и перекраивали историю, исходя из политической конъюнктуры. Потребовались годы, чтобы осмыслить всё, что с нами случилось за столь короткий промежуток времени, найти новые ориентиры в жизни и творчестве.

Переход к рыночным отношениям поставил перед Союзом художников совсем иные задачи. Правлению приходилось в прямом смысле слова ставить вопрос о выживании. Союз художников СССР и Художественный фонд РСФСР прекратили своё существование, необходимо было приспособляться к новым условиям, быть более гибкими и жизнеспособными.

Несмотря на огромные трудности, организация прилагала все усилия, чтобы уставная деятельность Союза продолжалась.

Главными событиями этого периода было проведение седьмой (1991) и восьмой (1998) региональных выставок «Сибирь» в Красноярске. И несмотря на все эти архитрудные времена, Союз художников находил средства для того, чтобы достойно представлять Алтайский край на престижных всесибирских смотрах.

Благодаря целенаправленной помощи администраций Алтайского края и Барнаула, которые существенно облегчили бремя содержания Выставочного зала и творческих мастерских, у художников появилась возможность пережить это «смутное» время, восстановить творческую деятельность и вступить в новое тысячелетие с новыми активами и надеждой на перспективу развития. При поддержке комитета по культуре и туризму в 2001 году был выпущен альбом «Художники Алтай. Век XX», а четыре года спустя совершенно уникальное двухтомное издание – библиографический словарь «Художники Алтайского края», единственное подобное издание в сибирском, да и не только, регионе.

Медленно, но поступательно рубеж столетий стал приносить нашей организации заметные положительные экономические результаты. Это позволило более интересно проводить выставочную деятельность, выпускать каталоги и осуществлять ряд проектов, одним из которых стало возрождение межрегиональных обменных выставок с соседними областями. Первыми на инициативу, проявленную Алтайской краевой организацией, откликнулись художники Новокузнецка. В 2002 году состоялись первые обменные выставки «Алтай-Кузбасс». Опыт оказался настолько удачным, что было принято решение проводить такие выставки ежегодно. За восемь лет состоялись обмены с художниками Омска, Красноярска, Новосибирска, Тюмени, Республики Алтай и других регионов. Так художники Сибири смогли узнать, чем живёт Алтайский край. Ещё одной интересной инициативой стало регулярное проведение межрегиональных молодёжных выставок, популярность, количество участников и география которых растёт из года в год.

Сегодня Алтайская краевая организация Союза художников России является третьей по величине в Сибирском регионе и насчитывает 132 человека, хотя в целом на протяжении семи десятков лет в рядах профессиональной организации работало более 200 художников и искусствоведов. Многие из них внесли огромный вклад

в развитие культуры не только Алтайского края, но и всей нашей страны. Работы мастеров Алтая хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Государственном музее искусства народов Востока и многих других ведущих музеях нашей страны и за рубежом. Почти половина действующих членов организации выставляла свои произведения на ведущих выставочных площадках мира – в Англии, Франции, Италии, США, Китае, Японии, Монголии и многих других, не говоря уже о постсоветском пространстве.

Творческие интересы алтайских художников реализуются в разных видах и жанрах изобразительного искусства. Живопись, скульптура, графика, дизайн, монументальное и декоративно-прикладное искусство развиваются в нашем крае достаточно интенсивно. Несмотря на то, что преобладающим остаётся реалистическая живопись, содержательная часть творчества меняется. Каждое время имеет свои тенденции развития, которые, собственно, и определяют облик современного искусства. Одной из таких направляющих линий в творчестве мастеров Алтая является стремительно возрождающийся интерес к духовному наследию России, не к официальной, идеологически трактованной истории, а к событиям, имевшим место в судьбе родного города, семьи, поколения, отдельно взятого человека. Такая «персонификация» исторических событий придаёт искусству особую искренность, делает его более понятным, близким и интересным зрителю, заставляет его почувствовать сопричастность к потоку времени, нравственную ответственность за сохранение памяти об ушедших поколениях. Таковы были последние работы заслуженного художника России Г. Ф. Борунова. В этом же русле интереса к истории Родины движутся А. А. Дрилёв, Н. В. Острицов, заслуженный художник России Ю. Б. Кабанов с серией офортов, посвящённых династии Демидовых, сыгравших огромную роль в освоении земли Алтайской и строитель-

стве Барнаула, и конечно же, заслуженный художник России И. С. Хайрулинов, одной из основных тем творчества которого является память о Великой Отечественной войне.

Всё чаще художники обращаются и к исконным народным корням, национальному эпосу, мифам. Показательны в этом отношении произведения, представленные на 10-й региональной выставке «Сибирь» в 2008 году в Новосибирске, – живописно-лубочная ретросерия А. Н. Потапова, полная юмора и самоиронии: «Работники ненаглядной агитации», «Смычка города с деревней», серия «Духи Горного Алтая» З. М. Ибрагимова, декоративный батик Ю. М. Кикоть и Е. Е. Скурихина «Источник», скульптура М. А. Кульгачева «Охотники» и другие.

Несмотря на то, что реализм является магистральной линией развития алтайского изобразительного искусства, достаточно пространства остаётся и для тех, кто проповедует своим творчеством поиски в области «чистой формы», «концептуализма», «неоархаики», символизма и других направлений, отличных от реализма. Работы Л. Пастушковой, В. Октября, А. Фризена, Е. Скурихина, В. Артемьева, А. Андрусенко, А. Гнилицкого, А. Юрасова всегда вносят интересный рефрешмент в традиционные экспозиции.

Ещё одним направлением, из наиболее созвучных времени, являются произведения философского плана, к которым часто обращается В. Ф. Прохода. В них прослеживается типичная черта современного искусства с его тенденцией к рефлексии и повышенному интересу к внутреннему, духовному состоянию, стремление найти своё место в этом быстро меняющемся мире, где художник всё чаще остаётся один на один с реальностью и не понят окружающими. Может быть, отсюда в некоторых собирательных образах героев его картин, например, «Момент истины» (2008), прослеживаются некие автопортретные черты.

Другим не менее важным направляющим вектором в искусстве наших дней был и остаётся неугасающий интерес к личности. Трудно назвать время, когда конкретный человек не был бы одним из главных объектов внимания художников. Однако если во второй половине прошлого столетия перед творцами стояла задача создать образ положительного героя социалистической формации, то начало XXI века привнесло «новую», хорошо забытую, струю в портретный жанр – художники обратились к традиции русского психологического портрета. Важен не столько обобщённый образ современника, сколько конкретная личность, с её переживаниями, жизненным опытом, духовными исканиями, точной иконографией. Поэтому всё чаще объектом интереса художника становятся люди близкие и хорошо знакомые. Работы И. М. Мамонтова, П. Д. Джуря, В. Ф. Тимуша, Г. Ф. Буркова, В. К. Шкиля, Т. М. Ласковой, Ю. А. Лукашина привлекали зрителей искренней заинтересованностью в своих героях и мастерским исполнением.

Ещё одной линией развития, и, думается, перспективной, является растущий интерес к жанрово-бытовой картине. После того как с неё было снято клеймо «мелкотемья», художники стали всё чаще обращаться к этому направлению, так, на выставках последних лет жанрово-бытовые композиции были представлены достаточно широко и разнопланово: от лирических работ Алексея Иванова, С. Дедова, В. Васина, романтически-ностальгических полотен В. Терещенко и А. Андрусенко до шаржево-гротескных и иронических композиций Юрия Иванова и молодой художницы Д. Дёмкиной.

Ещё одним ведущим вектором в алтайском искусстве был и остаётся жанр пейзажа, который берёт своё начало на рубеже XIX-XX веков в творчестве Григория Гуркина, последовательного приверженца русской реалистической школы, что и определило особенность алтайской пейзажной живописи. За прошедшие десятилетия характер пейзажа, несомненно, изменился. И выставки последних лет ярко это демонстрируют. Если в предыдущие десятилетия даже этот, казалось бы, «аполитичный» жанр был ориентирован на социальный заказ и требовалась постоянная ода достижениям социализма с их мажорной доминантой, то сегодня в творчестве современных мастеров этот жанр отличается более личностным восприятием, хотя по-прежнему многопланов и разнообразен. Работы наших алтайских пейзажистов С. Прохорова, В. Кикотя, В. Куксы, Д. Петренко, Е. Олейникова, Ю. Чулюкова, Е. Кузнецова, А. Щетинина, Е. Дёмкиной, С. Жука, М. Карнаева, В. Баринава вызывают неизменный восторг у публики своим мастерством и искренним восхищением нашей

алтайской природой, и неважно, пишут ли они тихие лирические заводи Лосихи в пригороде Барнаула или бурные перекаты красавицы Катунь.

У других авторов, таких как М. Я. Будкеев или Ф. С. Торхов, наиболее интересным качеством является тенденция к эпико-драматической трактовке. Ноты тонкого романтизма и поэтической одухотворённости пронизывают полотна П. Джурьы, В. Терещенко, Н. Пономарёва, Ю. Коробейникова и других. Несмотря на изменения, константной оставалась приверженность художников нашего края именно к ландшафтной живописи и соответствующая ей традиционная эстетика реализма.

Успешно все эти годы развивалось и графическое искусство. Алтайским графикам подвластны практически все техники: от уникальных рисунков, деликатных пастелей и тончайших акварелей до виртуозных офортов, литографий и меццо-тинто. Работы таких художников, как Ю. Кабанов, В. Туманов, Ю. Бралгин, Г. Бурков, А. Потапов, а в прошлом А. Вагин, Г. Удалова, А. Югаткин, стали классикой современного графического искусства Сибири и России. Особый вклад внесли художники и в развитие издательского дела на Алтае. Сотни книг, как алтайских писателей, так и классиков русской и зарубежной литературы, оформлены и проиллюстрированы такими замечательными мастерами, как В. Раменский, А. Дерявский, Б. Лупачёв, В. Курдюмов, А. Емельянов, А. Казанцев и другими.

Сегодня трудно представить облик наших городов и районных центров без произведений художников-монументалистов и скульпторов, таких как В. Добровольский, П. Миронов, В. Рублёв, М. Кульгачёв, Л. Рублёва, К. Чумичёв, П. Щетинин, В. Тимуш и других, чьи произведения стали не просто украшением улиц и площадей, но и являлись очень важным градообразующим элементом, каковым, к примеру, стал мемориал Победы в Барнауле (Добровольский, Миронов) или памятник Пушкину (Кульгачёв).

Многие члены Союза художников России ведут активную педагогическую деятельность в Новоалтайском художественном училище, Алтайской Академии культуры и искусств, Алтайском государственном техническом университете, Алтайском государственном университете и практически всех городских художественных школах, прививая молодому поколению не только профессиональные навыки, но воспитывая в нём в первую очередь духовность и эстетически зрелое восприятие мира.

Творческая и общественная деятельность многих алтайских мастеров была высоко оценена правительством страны. Звания народного художника России удостоены М. Я. Будкеев, заслуженного художника России – Г. А. Бельшев, Ю. Е. Бралгин, Ю. Б. Кабанов, М. Д. Ковешникова, Ф. С. Торхов, И. С. Хайрулинов, Л. Р. Цесюлевич, А. Н. Потапов, заслуженного работника культуры России – А. В. Иевлев, В. А. Раменский, С. А. Прохоров, Н. П. Гончарик, Л. Н. Шамина, Н. С. Царёва.

К сожалению, за десять прошедших лет Алтайская организация потеряла целую плеяду ярких художников, вписавших золотые страницы в историю всей отечественной культуры. Однако им на смену пришло новое поколение талантливых, ищущих художников, которые не просто продолжают традиции, а развивают их, привносят новое мироощущение, иную эстетику формы, современную концепцию понимания искусства.

За семидесятилетнюю историю своего существования Алтайская организация прошла сложный путь становления – от горстки энтузиастов до крепкой организации, значительный творческий потенциал которой позволяет говорить о ней как об одной из ведущих в Сибирском регионе, обладающей своим абсолютно уникальным своеобразием.

*Лариса ЛЕОНОВА,
член ВТОО «Союз художников России».*

«ЯБЛОКО ГРЕХА»

12 сентября в выставочном зале ГХМАК завершилась долгожданная экспозиция графических работ известного в Сибири художника и поэта Александра Пака «Яблоко греха», которая торжественно и при большом стечении поклонников открылась 12 августа. Это его юбилейная – двадцатая – персональная выставка (Барнаул, Славгород, Бурла, Тюмень, Новосибирск...) стала возможна в том числе и при активной поддержке комитета по культуре администрации города Славгорода (председатель – Леон Адамян).

Александр Пак – член общественной Алтайской краевой организации Союза писателей России и редакционной коллегии литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул», автор восьми книг стихотворений и графики, альбома «Графика» (литературно-просветительский фонд «Август», 2009 г.), соавтор нескольких коллективных сборников и антологий, лауреат краевой премии «Лучшая книга года-2006» – за книгу верлибров и графики «Яблоко греха» (издание ЛПФ «Август», 2006 г.).

Он живёт в г. Славгороде, где работает заведующим выставочным залом краеведческого музея г. Славгорода. Участник и организатор ряда культурных проектов, в том числе краевого фестиваля авторской песни «Поющий август» (г. Яровое)...

Можно позавидовать тем, кто впервые увидел графику Александра Пака. Можно позавидовать тем, кто впервые прочитал стихи Александра Пака. Кто же он – художник и поэт Александр Пак?..

Пусть на это каждый ответит сам, познакомившись, например, с его персональной выставкой «Яблоко греха». Графические листы дополняли представленные здесь же листы со стихами. Или наоборот?..

На выставке (слева направо):
Т. Степанская, А. Пак, В. Раменский, В. Тихонов.

«Пишу стихи и графику независимо друг от друга», – признаётся Александр Пак, отвечая на вопросы своих зрителей-слушателей. А вот мнение профессора, доктора искусствоведения Тамары Михайловны Степанской: «Его поэзия графична, а графика поэтична». Очень доброжелательно о графических работах Александра Пака высказался на открытии выставки известный художник-дизайнер и художник-график Владимир Александрович Раменский: «Александр Пак очень талантливо общается с Её Величеством Линией...»

Искусствоведы признают, что созданные им образы – значительны. Именно поэтому они, выполнив конкретную художественную задачу, не теряются в потоке времени, не забываются, а продолжают работать – жить рядом с нами и вместе с нами. Иногда художественный рассказ строится на контрастном составлении явлений внешне схожих, но по существу совершенно различных. Получаются пластичные рифмы, а в тех случаях, когда такого рода рифмы отсутствуют, он иногда прибегает к косвенным, не обозначенным наглядно сопоставлениям, и тогда рождаются пластичные метафоры.

Зритель становится соавтором, вовлекаясь в процесс художественного соработничества: содержание образа не преподносится зрителю в готовом виде, а извлекается совместно с автором. Выводы, которые возникают в ходе такого наблюдения-размышления являются более чем убедительными. Из этого диалога возникает некий параллелограмм сил, усиливающий негромкость авторского повествования. Оно то лирично, то философично...

Некоторые считают, что искусство есть средство выражения чувств и идей. Мне кажется, что искусство есть метод познания жизни специфическими способами. Познать же многообразие мира или вещи можно, обладая цельностью природы. А. Пак обладает этим сполна. Ему присуща внутренняя свобода, позволяющая рассматривать большие человеческие темы – смысл жизни, смерть, любовь, вечность и сиюминутность... Художник показывает противоречия бытия, разговаривая при этом с нами с помощью линий, контуров... Между ними есть внутренние противоречия.

В рисунках А. Пака спорят предмет и пространство, плоскость и перспектива... Его искусство примиряет противоречия, хотя логически их примирить нельзя. В этой борьбе абрис делается упругим, он стремится потуже обтянуть фигуру со всех сторон. В его рисунках линия... говорит лаконично, но ёмко. Его графика созвучна с его стихами.

Одна из основных тем А. Пака – женщина. Он говорит: «Женщина по природе своей – начало всех начал. Женщина – вечная, неиссякаемая тема для художника и вообще для творческих людей».

Женская фигура угадывается и в яблоке, и в цветке, и в бабочке... Но данные изображения очищаются от подробностей, приобретают пластичность, обобщённость и... моцартовскую лёгкость. Особенную лёгкость и активность приобретает чистая поверхность светоносности изображения. Примерно так же, как у актёра, профессионализм определяется не умением произносить текст, а умением держать паузу. У графиков профессионализм проявляется в умении организовать плоскость листа: плоскость организуется линией, контуром... При этом особым мастерством является включение чистого листа в канву изображения.

Необыкновенный график А. Пак является и необыкновенным поэтом. Необыкновенность его поэзии не в том, что его стихи необычны по форме. Они только напоминают традиционную японскую, китайскую поэзию, а на самом деле они

самобытны и оригинальны. При этом они очень похожи на его графические листы. Казалось бы, как могут быть похожи стихи на графику?.. Немецкая журналистка Штефани Конрад пишет: «Его стихи не только графичны, но и музыкальны, они обладают сильным внутренним ритмом: накатывают как волна, останавливаются на какое-то время, прежде чем снова мягко отринуть. Крещендо-пауза – декрещендо...»

Признаюсь, я не могу оценивать стихи А. Пака по простой причине – они мне очень нравятся.

Скажу больше, я горжусь, что являюсь современником А. Пака, и потому вдвойне горд, что лично знаком с ним – с выдающимся графиком и замечательным поэтом.

Я очень дорожу его альбомом «Графика» (ЛПФ «Август», 2009 г.) и его книгой «Яблоко греха» (ЛПФ «Август», 2006 г.), за которую, кстати, в 2006 году он был удостоен краевой премии «Лучшая книга года». К сожалению, других его книг у меня нет. Думаю, повезло тем, у кого они есть.

Я готов поздравить того, кому удастся найти издания А. Пака в книжных магазинах (знаю, что альбом «Графика» есть в барнаульском «Книжном мире»).

Настоящие зрители и читатели (ценители, любители) постоянно ищут встреч с настоящим Искусством. Уважаемые читатели, спрашивайте в библиотеках книги и альбомы Александра Пака. Надеюсь, вам повезёт взять их хотя бы напрочёт (дело в том, что они являются библиографической редкостью), увидев афишу о его выставке, придите в музей, галерею. И, уверяю вас, обогатитесь духовно...

Будем ждать – новых книг и новых выставок Александра Пака.

Анатолий КАЗАКОВЦЕВ.

КНИЖНЫЙ ФАРВАТЕР

Литературное обозрение

НЕМНОГОСЛОВИЕ СЕРЬЁЗНЫХ РАЗДУМИЙ

Шукшин В. М. Собрание сочинений в восьми томах. Барнаул, ООО «Издательский дом «Барнаул», 2009 г.

Василий Макарович Шукшин – его жизнь, творчество, судьба – из разряда вечных тем. Недавнее 80-летие (и 35-летие со дня смерти) дало хороший повод вспомнить об этом большом неисчерпаемом художнике. Тем более сибиряке, и к тому же одним из самых известных авторов журнала «Сибирские огни» (далее – «СО»).

Есть люди, которые о Шукшине не забывают никогда – его земляки. Коллектив исследователей, земляков и знатоков творчества писателя, и создал это собрание сочинений, разительно отличающееся от предыдущих – это восемь томов нестандартного удлинённого формата в зелёной матерчатой обложке, весьма увесистых. Так благородно тяжёлы бывают альбомы классической живописи, таким весом, несоизмеримым с внешними размерами, обладает золото.

Не хотелось бы красивых слов и сравнений – их не любил, чуждался, избегал сам Шукшин. Но здесь их избежать трудно: создатели этого дивного собрания (главный редактор – О. Г. Левашова) провоцируют на это, сотворив поистине праздничный, юбилейный восьмитомник, который можно бы и назвать подарочным, если бы не его содержание. Это собрание сочинений почти что академическое, ибо включает в себя все известные на сегодняшний день тексты писателя и режиссёра, в том числе письма и стихи, снабжённые впечатляющим справочным аппаратом. Особенно комментариями – этой услугой для рядового и неравнодушного читателя. Хотя составители в итоге назвали своё детище «литературно-художественным изданием».

Главное же, чего невозможно избежать, так это соблазна не просто перелистать, а перечитать произведения Шукшина. Известные, не раз читанные, и те, которые когда-то упустил из вида или вообще не знал. Стоит только начать, прямо с I тома, с ранних, как будто бы и не очень шукшинских рассказов, и уже трудно остановиться. Таким уж свойством обладает этот недюжинный писатель – его хочется не просто читать, а познавать. Как, собственно, писал он сам, вернее, работал, в мускульном понятии этого слова. Недаром в «Рабочих записях» (т. VIII) он сравнит себя как писателя с пахарем. Отсюда и краткость в его рассказах – особая, трудовая, ни с какой другой не сравнимая. Разве что с прозой А. Платонова, пролетария мысли и слова. Правда, у лаконизма Шукшина другие истоки и происхождение – крестьянские, точнее, те мощные нравственные импульсы, которые посылало ему его «почвенное» происхождение, его совестливость – душа и дух подлинно русского человека.

Но всё это явилось у Шукшина не сразу. Всё было не просто ещё и потому, что писательство у Шукшина изначально и навсегда сроднилось с кинематографом, литературно-сценарной основой и техническими приёмами этого вида искусства. Природная немногословность сибирского труженика, сурового и в то же время необузданно, азартно весёлого, совпала с киноязыком, динамичным по своей сути. Свои требования предъявляла и «оттепельная» эпоха с нарочито-прямолинейной романтикой соцреализма. У Шукшина эти эпохальные приметы заметны на фоне его зрелого, наиболее всем известного творчества, тем интереснее увидеть, с чего начинал будущий классик сибирской и российской

литературы. В этом последовательно хронологическом, 1958-1974 годы, принципе построения восьмитомника – одно из главных его достоинств: получаешь редкую возможность ощутить, как развивался писатель, как и где он искал, к каким результатам приходил. Достаточно сравнить с популярным пятитомником 1992 года, где рассказы начинаются лишь с конца III тома.

Совершим, наконец, небольшое путешествие по страницам собрания сочинений 2009 г.

Том I, рассказы 1958-1954 гг.: «Двое на телеге», «Лида приехала», «Правда», «Светлые души» – самые первые рассказы, в которых пока больше «правды» и «света», чем характеров, личностей. Но тут уже и «Лёнька», «Артист Фёдор Грай», «Гринька Малюгин», «Стёпка», «Игнаха приехал», где Шукшин как раз и переходит на личности, вынося их имена в названия рассказов. «Демагоги», «Критики», «Светлые души» показывают вкус писателя к диалогу, спорам, где рождается не только истина, но и конфликт, вплоть до драк и преступлений. Ибо без истины (и без конфликтов) героям Шукшина невозможно жить и вообще, и в частности, и в конкретике поступка, дня, мгновения.

Тяга к осмыслению себя и мира проявляется у Шукшина и в притче, аллегории, достаточно редких, но «метких» в его реалистическом творчестве. Таков рассказ «Солнце, старик и девушка» о том, как трудовая крестьянская старость, романтическая юность и вечная природа являют собой единство, а противоречия и недоразумения (девушка не сразу догадывается, что старик слепой) временны. Правда, для этого старик должен быть слепым, а девушка – художницей. В конце тома два сценария – «Посевная кампания» и «Живёт такой парень». Первый – проба пера и диплом по окончании ВГИКа (1960 г.), второй собран из нескольких очень разных рассказов, что говорит об уникальном даре Шукши-

на: работать и в умозрительном жанре литературы, на узкой «площадке» рассказа, и в «зрительном» жанре кино на съёмочной площадке фильма. А также об умении настроиться на эпические жанры больших полотен – романов и кинокартин.

Об этом говорит II том, полностью посвящённый «Любавиным». Писавшиеся в Москве, в годы учёбы во ВГИКе (в общежитии института, как уточняет Л. Аннинский), они вобрали в себя и его думы о своей малой родине. Потому роман имеет черты и киносценария, и семейной хроники – жизни «одной крепкой сибирской семьи», и исторического (неповские 20-е годы), и приключенческого романа. И новосибирскую прописку: впервые «Любавины» опубликованы в «СО» ровно 45 лет назад. Недавно «СО» (№ 2, 2010 г.) касались истории публикации романа, есть подробный рассказ об этом и в комментариях данного тома: готовился и обсуждался роман нелегко – слишком уж непривычной была полифония жанров, слишком много хотел Шукшин вместить в своё повествование, что легко было принять за незрелость и неопытность начинающего писателя. Н. Н. Яновский, например, писал о романе как «вещи вторичной», «ученической, проходной».

В то же время на примере I тома мы видели, как быстро Шукшин был способен одолевать своё «ученичество», взрослеть как писатель в процессе творчества. И потому так близко стоят такие, например, рассказы, как «Лида приехала» и «Артист Фёдор Грай», «Коленчатые валы» и «Далёкие зимние вечера». Так чередуются в романе сцены сватовства Егора Любавина и Кузьмы Родионова к Марье, бандитского разгула шайки Закровского, будней «великого труженика» кузнеца Фёдора Байкалова и «отпетый головы» Гриньки Малюгина. Но каким бы «сырым» и «натуралистическим» не был первый роман Шукшина, прежде всего, в нём есть любовь писателя к своей

родине. (Может, потому он и назван «Любавины»!) Со второй книгой романа случилась целая история. В 1967 году в одном из интервью Шукшин говорил, что центральной в нём будет «судьба главного героя – Егора Любавина», который пойдет служить в армию барона Унгерна, но не сможет «уйти за кордон», т. е. вернуться на родину, и в этом «трагедия русского человека, оказавшегося на рубеже двух разных эпох». В итоге же Шукшин написал о другом поколении Любавиных и Кузьме уже в 60-е годы, когда вера в «социализм с человеческим лицом» постепенно уступала неверию в быстрое его пришествие. Потому при жизни он так и не опубликовал эту вторую часть – она вышла в «перестроенном» 1988-м.

Этими перепадами настроения, со сменой, подчас резкой, оптимизма на пессимизм, весёлости, порой буйной, на грусть и печаль, характерен период 1966-1968 гг. Рассказы этого интенсивного двухлетия составили III том собрания. Так, в первом же рассказе «Космос, нервная система и шмат сала» прижимистый старик, услышавший от своего юного квартиранта-школьника о публично, на глазах у студентов, умиравшем физиологе Павлове, вдруг небывало расщедрился, угостив Юрку «мёрзлым душистым салом». Вот и думаешь, что даже у такого отпетого скупердя, как дед Евстигнейч, есть душа и совесть. В рассказах «Ваня, ты как здесь?», «Капроновая ёлка», «Волки», «Случай в ресторане» видно, каких бескрайних размеров может достичь эта сибирская душа, как трудно ей ужиться с чьей-то трусостью, наглостью, несправедливостью и как важно ей вырваться на волю, устроить праздник. Пусть это будет всего лишь случай, как в одноименном рассказе о старике, который ходит в ресторан ради местной певички, а встретив там «детину»-сибиряка, вдруг решает ехать в Сибирь, к «большой жизни» – лучшей, «не тесной».

О ней мечтают герои знаменитых хрестоматийных рассказов «Чудик» и «Миль пардон, мадам!», нелепо-смешных в своих чудачествах, но, как ни странно, вырастающих в личности благодаря своей «ущербности» (своим «ничтожеством» мучается Чудик, нелестную славу выдумщика и «дурака» имеет в деревне Бронька Пупков). Тут важна точка зрения – не зря Шукшин так и назвал свою первую «повесть-сказку» о Пессимисте и Оптимисте, которым некий Волшебный Человек даёт возможность показать жизнь «такой, какой вы её видите». В итоге победила точка зрения «нормальных людей», и Волшебному Человеку дали «пинка под зад». Так в творчестве Шукшина окончательно побеждает точка зрения личности, характера, самоценного человека со всеми его противоречиями, которые писатель и режиссёр не хочет устранять. И так рождается жанр киноповести и фильмы «Ваш сын и брат» и «Странные люди», которые можно читать с точки зрения как литературы, так и кино. Не зная, как всё это оценивать, критики заговорили о «бытописательстве», «противопоставлении города деревне», хотя и это не больше, чем точка зрения. Всё фокусирует душа человека, её-то и хочет познать и изобразить Шукшин.

Степан Разин и роман о нём «Я пришёл дать вам волю», вошедший в IV том собрания сочинений, как раз и является таким большим исследованием, эпопеей – романом, сценарием, фильмом, увы, так и не снятом. В Разине, превратившемся из разбойника, грабившего персидские города, в народного защитника, Шукшин увидел не только историческое лицо, но и трагического героя, очеловечил хрестоматийный образ «слишком уже легко и привычно шагавшего по страницам книг ...грозы бояр, воевод и дворянства». В романе ощутимо всё то же немногословие серьёзных раздумий о человеке, который не хочет довольствоваться сытой «мещанской» жизнью, но и который свою преступную, разбойную,

«лохматую» жизнь отдаёт за народ. Но автор не идеализирует своего героя, когда показывает, как Разин бросает «мужиков» после неудачного штурма Симбирска и уходит с казаками на Дон. Да и казаки говорят, что у их атамана не боль за страдания народа, а «болеть» и сам он по натуре «жалостливый». И не такой уж железный, когда просит своего бывшего сподвижника «сбить железы» и бежать из-под стражи.

Как бы не был Разин силён и слаб одновременно, но в начале 70-х годов этот пафос «воли» можно было толковать как диссидентство. И хотя сам Шукшин подчёркивал народную, крестьянскую суть своего героя, и роман, и сценарий явно выпадали из контекста официальной литературы. Не зря автор отнёс роман первоначально в «Новый мир» – оплот тогдашнего либерализма, хотя к тому времени уже поверженный. И тогда Шукшин доверил своё творение «Сибирским огням», где роман и был напечатан в №№ 1-2 1970 г.

Своеобразной формой диссидентства явилась тогда «деревенская проза», появлению которой в конце 60-х способствовал и сам Шукшин, и целая плеяда талантов первой величины: В. Белов, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Распутин. Следующие произведения Шукшина, вошедшие в V, VI и VII тома, словно подчёркивают эту принадлежность к новому литературному течению: предыдущие рассказы, романы, повести и киноповести имели ту же сельскую тематику. Продолжая и в начале 70-х писать «деревенские» произведения, Шукшин тем самым, вольно или невольно, поддерживал свою идентичность «деревенщика». Как бы ни варьировал писатель сюжеты и ситуации, образ-тип жителя деревни, отстаивающего свою честь и гордость, принадлежность к самому главному крестьянскому сословию, оставался для Шукшина актуальным

В рассказах 1969-1971 гг. тома V конфликт человека из деревни (ограблен-

ного, одураченного, обойдённого городскими) с ушлыми горожанами обостряется. И если в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» городской свояк, прыгающий на спину деревенскому Андрею в знак своего всего лишь материального превосходства, остаётся безнаказанным, то в «Материнском сердце» ограбленный городской прохиндейкой Витгька Борзенков начинает избивать всех подряд. А в «Суразе» Спирька по прозвищу Байрон готов убить учителя физкультуры Сергея Юрьевича, унизительно избившего его, но вдруг идёт на самоубийство.

Но Шукшин не был бы Шукшиным, если бы оставался по одну сторону баррикад, т. е. ненавистником «городских» и города. Деревенские у него, конечно, не тянут на подлецов и негодяев. Но, как герои рассказов «Хахаль», «Непротивленец Макар Жеребцов», «Микроскоп», «Даёшь сердце!», «Сапожки», «Нольноль целых», «Мой зять украл машину дров» и др., обладают той странностью-чуждинкой, которая читателя веселит, а героя часто пугает и от которой он рад бы избавиться. Да никак не получается. И потому иной раз выдает её за добродетель, в том числе и вопреки здравому смыслу.

Как в рассказе «Срезал». Построен он так, что над его героем Глебом Капустинным хочется не только смеяться, но и заступиться за него. Образованность городских кандидатов наук, кажется, не требует доказательств или экзаменов. Но от «проблемы шаманизма» кандидат выскомерно отмахнулся, а на слова Глеба о том, что «можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится», реакции вообще не последовало. И с характеристикой, данной кандидатом Глебу, – «типичный демагог-кляузник» – не спешишь соглашаться: ведь он является в окружении группы «мужиков»-односельчан не только как «опытный кулачный боец», специалист по «срезанию», а выразитель «почвенного» мира и мировоззрения, своеобразный

Разин, шаржированный обстоятельствами растущей «культурной» пропасти между городом и деревней.

В рассказах 1972-1973 гг. VI тома собрания сочинений можно заметить, что Шукшин всё решительней склоняется на сторону этого «мужицкого» деревенского «мира», исследования характера и души не просто человека, а русского человека, его национального своеобразия. Не зря писатель начинает сотрудничать с «Нашим современником» и литературным кругом этого журнала. В этот период написано немало известных и талантливых рассказов: «Танцующий Шива», «Генерал Малафейкин», «Страдания молодого Ваганова», «Беседы при ясной луне», вошедшие в этот том. Но несомненным лидером является рассказ «Алёша Бесконвойный». Начинаясь типично по-шукшински – с характеристики Кости Валикова, заслужившего свое прозвище «за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость», рассказ затем умиротворяется, успокаивается. Его пространство становится пространством души Алёши, отодвигающего всю житейскую суету на потом в этот святой «банный», а на самом деле «философский» день: «...Мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной». Вместе с этими «большими» чувствами приходит и любовь как момент гармонии с миром, пусть и скоротечный: «Любит степь за селом, зарю, летний день...» Тут бы и о Боге подумать, но Алёша думает о смерти. И не отделаться от чувства, что всё Шукшин писал о себе, которого давние болезни не выпускали из больниц и который мечтал, покончив с кино, уехать в Сrostки навсегда.

И всё-таки возможность уверовать не покидала Шукшина, написавшего рассказы «Верую!» и «Мастер» (т. V). В рассказе этого же VI тома «Генка Пройдисвет» герой, считая поначалу религиозность дяди Гриши «притвор-

ством», затем начинает в этом сомневаться. Но уж лучше он стихи напишет, чем помолится Богу. Егор Прокудин из киноповести «Калина красная» успевае сделать лишь первую борозду на пашне своей новой крестьянской жизни, как его убивает Губошлѐп... И когда Шукшин пишет: «И лежал он, русский крестьянин, в родной степи... прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное», то хочется прочитать: «христианин». Ибо погиб Егор как мученик, открывший путь к праведной жизни.

Впрочем, Шукшин не любил ни патетики, ни эффектных, красивых слов. И потому его последние рассказы 1973-1974 годов предпоследнего VII тома как-то нарочито негромки, оголены до небольших историй, едва ли не анекдотов. Об этом говорят уже названия циклов: «Внезапные рассказы» и «Две совершенно нелепые истории». Рассказы «Психопат», «Вечно недовольный Яковлев», «Други игрищ и забав», «Мужик Дерябин» и другие, по сути, примыкают к ним. И это неудивительно: начинается новый и последний этап жизни Шукшина, когда он отдаляется от кино, приблизившись к театру, но мечтая целиком отдаться литературе. Вот почему главными в томе являются не традиционные рассказы, а нетрадиционные «повести для театра» – «Энергичные люди», «До третьих петухов» и «А поутру они проснулись». Только к первой из них Шукшин добавил эпитет «сатирическая», хотя и остальные его вполне заслуживают.

А как иначе назвать сюжет «До третьих петухов» о том, как Ивана-дурака благородные классические литературные герои отправляют «достать справку, что он умный»? Это ведь о писателе-«деревенщике», которого «городские» умники не приняли всерьѐз, а чиновники (Баба Яга, Горыныч, Изящный черт и др.), заправляющие литературой, пытаются удавить бюрократически. Но Иван

умудряется раздобыть вместо справки сразу печать: «Я сам теперь буду выдавать справки», – говорит он её владельцу Мудрецу. В реальности же «умные» печати и справки оставались у других. Тех, которые поверхностно судили о рассказах Шукшина, тормозили, сколько могли, фильм о Разине, морщились на «деревенскую» тему в литературе («грубый мужик», называли его «тёти в штанах»).

Шукшину приходилось объяснять свою позицию в статьях, беседах и интервью. В том числе и самому себе. Ибо галерея его персонажей оказалась настолько пёстрой, а их характеры так богаты противоречиями, что нужно было осознать: человек, особенно русский, бывает всяким, вернее многообразным, любым классификациям неподдающимся, тем более когда жизнь ставит его на грань между городом и деревней. Таким большим послесловием и самокомментарием к своему творчеству выглядит последний VIII том собрания сочинений, рассказ о котором потребовал бы отдельной статьи. В этом кратком экскурсе по восьмитомнику мы можем только привести несколько ярких и интересных цитат. «Мне нравится в хорошем рассказе деловитость, собранность» («Как я понимаю рассказ», 1964), «Некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне... Там нет мещанства» («Вопрос самому себе», 1965), «Обрати свое вековое терпение и упорство на то, чтобы сделать из себя Человека» («Монолог на лестнице», 1968), «Нравственным или безнравственным может быть только искусство, а не герой» («Нравственность есть Правда», 1969). Рубрика «Интервью. Беседы. Выступления»: «Их зовут «чудачками»... Красивы они тем, что их судьбы слиты с народной судьбой, отдельно они не живут» (1969), «Мне в литературе не нравится изящно самоцельный образ, настораживает красоту» (1973). Рубрика «Из неопубликованного»:

«Я начал писать под влиянием кино и снимать под влиянием литературы» (1974). Афористичнее же всего Шукшин в своих «Рабочих записях», точных и мудрых: «Критическое отношение к себе – вот что делает человека по-настоящему умным», «Надо, чтобы в рассказе было всё понятно, и даже больше», «Правда всегда немногословна, ложь – да», «Надо совершенно спокойно – без чванства и высокомерия – сказать: у России свой путь...»

У Шукшина был тоже свой жизненный и творческий путь. Понять его помогают и письма, впервые публикуемые в этом же томе в наиболее полном объёме, начиная с 1949 года – призыва на службу во флот. Главная тема и главные адресаты этой не такой уж большой (80 страниц) подборки – родные писателя: мать М. С. Куксина, сестра Н. М. Зиновьева (Шукшина), троюродный брат И. П. Попов. В них в полной мере раскрываются большая душа писателя, его любовь и нежность, не знающие границ: «Мамочка», «Наташенька», «роднуленька моя хорошая», «милое моё семейство», «ангел ты мой родной» – так начинает свои письма любящий сын и брат. В конце 60-х – начале 70-х гг. он часто пишет о своих маленьких дочерях Марии и Ольге, подробно рассказывая, как, например, Маша «лобик себе рассекла», а Оля «вся иззавидовалась» на купленный сестре портфель...

Из собратьев по литературе встречаются лишь три имени: Г. Горышин, К. Федин и В. Белов – самый частый адресат Шукшина. С автором «Привычного дела» он предельно откровенен (в нескольких письмах есть даже купюры и сокращения), раскрепощён, шутлив, хмельён. В том числе и сообщая, что «пить бросил» (февраль 1966) или «пытаюсь вином помочь себе, а ты знаешь, что это за помощь» (июль 1967). Рассказал он В. Белову и как однажды после банкета потерял «кучу красивейших дипломов», вручённых ему вместе с Государственной премией РСФСР: «Мне и выговора-

то уже нельзя давать – уже есть строгий с занесением в учётную карточку. Главное, такие поступки долго потом мешают работать» (декабрь 1967). Есть и о «СО»: при публикации в каком-то журнале у В. Белова «ничего не выкинули, не в пример моим «Сибогням» (ноябрь 1970). Есть тут и два письма Н. Н. Яновскому (см. также № 2, 2010), из которых видно, как Шукшин, известный «столичный» писатель, без признаков зазнайства сообщает о «доработке с учётом тех замечаний, какие я получил в Новосибирске» (1 октября 1970).

Среди замечательных, необычайно полных для «литературно-художественного издания» комментариев О. Н. Скубач, В. А. Чесноковой, О. Г. Левашовой, С. М. Козловой, А. Г. Сидорова, Д. В. Марьина, исчерпывающе подробных (отражены реалии эпохи, культурный контекст всего творчества Шукшина, интертекстуальные связи, философские и эстетические термины и понятия и т. д.), есть и текстологические. Почётное место тут занимают и «СО», представленные в ряду других вариантов и разночтений шукшинских текстов. Так, во II томе тщательно сравниваются редакции «Любавиных» в «СО» и в издательстве «Советский писатель». При этом журнальный ва-

риант, порой, разительно отличается от книжного, оставляя за «СО» некоторые преимущества уникальной прижизненной публикации романа. То же можно сказать и о «сибогнёвских» рассказах «Дождь на заре», «Ваня, ты как здесь?!», «Кукушкины слёзы» (1966, № 2), «Мастер», «Мой зять украл машину дров» (1971, № 12) и цикле «Внезапные рассказы» (1973, № 11).

Конечно, «Сибирские огни» – только часть большой творческой и жизненной биографии В. М. Шукшина, которую так полно, тщательно и бережно поведало нам это восьмитомное собрание сочинений. Шукшин здесь будто воскрес как живой и вечно ищущий человек, творец, незаурядная личность. Не зря он писал в одном из редких своих стихотворений: «Я хочу, чтобы русская умная мать / Снова меня под сердцем носила» (т. VIII). Этой «матерью» и оказался коллектив редакторов и составителей восьмитомника, осуществившего это замечательное издание при всесторонней поддержке администрации Алтайского края и деятельном участии губернатора Александра Богдановича Карлина.

*Владимир ЯРАНЦЕВ,
завотделом критики
журнала «Сибирские огни».*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТОРОНА ШУКШИНСКИХ ДНЕЙ

Алтайская краевая организация Союза писателей России Малые Шукшинские чтения и в этом году по сложившейся традиции провела в Доме писателя (г. Барнаул, ул. Анатолия, 102).

В программе третьих Малых Шукшинских чтений приняли участие: заслуженный работник культуры России композитор Михаил Стариков, исполнивший две песни на стихи Николая Черкасова «Село моё» и «Памяти Шукшина»; член Союза художников России Ирина Щетинина, продемонстрировав-

шая собравшимся свою новую живописную работу «Чужие», созданную по мотивам воспоминаний поэтессы Беллы Ахмадулиной о московском периоде жизни В. М. Шукшина (см. *репродукцию картины и статью о ней в № 2 журнала «Барнаул» за 2010 г.*); чтецы театра-студии «Ника» – с шукшинским рассказом «Чудик»; поэтесса и композитор Валентина Чуликова из р. ц. Павловск исполнила свою новую песню, посвящённую В. М. Шукшину; поэты Иван Мордовин и Владимир Коржов выступили с чтением стихотворений

по шукшинской тематике. Организатор и ведущий чтений – Валерий Тихонов.

Пожалуй, кульминационным моментом чтений стала церемония вручения краевой премии «Лучшая книга года», учредители – Алтайская краевая организация Союза писателей России и Алтайский банк Сбербанка России. По решению учредителей в этом году она присуждена известному поэту Василию Нечунаеву – за книгу стихотворений для детей «Воробьиные качели» (художник – Александр Карпов), изданную в рамках программы «Культура Алтайского края 2007-2010 годы». Диплом и денежное вознаграждение лауреату вручила Елена Сенцова (см. фото) – заместитель председателя Алтайского банка Сбербанка России. Поздравляя его с этой наградой, она пожелала ему крепкого здоровья и новых творческих успехов. В ответном

слове Василий Маркович поблагодарил учредителей за высокую оценку его творчества и прочитал для собравшихся несколько стихотворений.

22 июля в Барнауле мы приветствовали литературных гостей Шукшинских дней – писателей Анатолия Байбородина (Иркутск), Владимира Берязева (Новосибирск) и Владимира Костина (Омск), которые были в центре внимания участников «Литературного перекрёстка» (нынешний ведущий – писатель Анатолий Кирилин), состоявшегося в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова (см. первую статью в данном номере журнала).

23 июля делегация Алтайской краевой организации Союза писателей России выехала в Бийск, где выступила перед читателями Центральной городской библиотеки имени В. М. Шукшина, а вечером приняла участие в большом литературно-музыкальном представлении, которое прошло на бульваре имени Петра Великого.

Почти весь следующий день, 24 июля, одна часть нашей делегации провела в Сростках, где общалась с читателями сростинской библиотеки имени В. М. Шукшина и с гостями Шукшинских дней в Алтайском крае, а другая часть делегации также почти весь день провела в райцентре Смоленское, участвуя в традиционных Соболевских чтениях, посвящённых

памяти писателя, ветерана Великой Отечественной войны Анатолия Пантелеевича Соболева. В этом году они прошли под его высказыванием «Я вернулся, а они остались на той войне».

После традиционной встречи у Катунского моста, близ села Иконниково, состоялось возложение цветов к памятнику А. П. Соболева и к памятнику павшим в боях за Родину на Аллее Победы, что в центре села Смоленского.

Затем побывали в музее А. П. Соболева на презентации новой экспозиции «Память о службе морской». Далее состоялись творческие встречи с читателями в районной детской библиотеке и круглый стол по творчеству А. П. Соболева в Центральной библиотеке. Были и две выездные

встречи писателей в сёла Смоленского района – с читателями Верх-Обской и Усть-Катунской библиотек.

В 11 часов в Смоленской детской школе искусств состоялась большая литературно-музыкальная композиция «Я вернулся, а они остались на той войне...», в программе которой: презентации книги Михаила Папина «Воспоминания о незабываемом» и № 10 альманаха «Родники», выступление писателей и представителей районных литературных объединений, вручение районной литературной премии имени

А. П. Соболева* и выставка-продажа картин алтайских художников.

А 25 июля были Сростки: посещение музеев, Пикет...

Вот состав делегации от Алтайской краевой организации Союза писателей России: Сергей Бузмаков, Алексей Власов, Александр Карпов, Анатолий Кирилин, Людмила Козлова, Владимир Коржов, Валерий Котеленец, Андрей Лушников, Иван Мордовин, Юлия Нифонтова, Георгий Рябченко, Валерий Тихонов, Дмитрий Шарабарин,

Андрей СМЕРНОВ.

ЗВУЧАЛИ ПЕСНИ, ДАРИЛИ КНИГИ

30 июля в городе-курорте Яровое состоялся III Краевой фестиваль авторской песни «Поющий август», посвящённый в этом году 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Свободных мест в концертном зале ДК «Строитель» к 20.00 не было.

По сложившейся (трёхлетней) традиции, приняв приглашения от оргкомитета, участники исполняют свои песни в программах фестиваля. Среди зрителей-слушателей были и яровчане, и гости города-курорта, среди которых немало изначальных поклонников фестиваля (некоторые свой отдых в Яровом планируют так, чтобы он обязательно совпал с днями «Поющего августа»).

Оргкомитет фестиваля успешно провёл всю организационную и подготовительную работу.

От яровчан: сопредседатель оргкомитета, режиссёр и неизменный ведущий фестиваля Юрий Мороз – депутат городской Думы г. Яровое; член оргкомитета и соавтор сценария фестиваля Наталья Мусохранова – директор ДК «Строитель»; дружный коллектив Центральной городской библиотеки г. Яровое (ди-

ректор – Оксана Воскобойник и Светлана Новиченко – ведущий специалист библиотеки и постоянный координатор проекта).

От славгородцев: сопредседатель оргкомитета, автор названия фестиваля и его финансовый партнёр Яков Гринемаер – заместитель председателя городской Думы г. Славгорода (и директор фирмы «Автоплюс»); член оргкомитета и постоянный координатор данного проекта Александр Пак – член Союза писателей России и редколлегии журнала «Барнаул», художник-график (кстати, он и автор-исполнитель Александр Карпов, художественный редактор журнала «Барнаул», тоже член Союза писателей России и художник, участник фестиваля 2008 года, – соавторы большого красочного баннера фестиваля, установленного на здании ДК «Строитель»).

От барнаульцев: сопредседатель оргкомитета Валерий Тихонов – руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России, главный редактор литературного фонда «Август» (вот он – исток названия фестиваля!) и литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул».

*По решению администрации Смоленского района этой премии была удостоена и Алтайская краевая организация Союза писателей России – «За пропаганду творческого наследия А. П. Соболева».

И всё получилось.

За полчаса до начала главной концертной программы фестиваля в фойе ДК «Строитель» торжественно открылась персональная выставка славгородского фотохудожника Романа Саликова (спонсор выставки – славгородская фирма «Автоплюс») – пейзажи и портреты, которая работала в течение месяца.

Открывая нынешний фестиваль, Юрий Мороз исполнил свою новую песню, посвящённую г. Яровое, в которой есть такие строки: «...Прикипев к нему душою,/ Через год вернёшься ты/ В Яровое, в Яровое – город солнца и мечты!..» Затем зрителей-слушателей и участников фестиваля приветствовали Яков Гринемаер и Валерий Тихонов.

И зазвучали песни авторов-исполнителей.

Алексей Власов (р. ц. Тюменцево) – член Союза писателей России и редколлегии журнала «Барнаул», автор трёх книг стихотворений и сборника песен, лауреат ряда краевых, региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей.

Сергей Ядыкин (р. ц. Смоленское) – дипломант ряда краевых фестивалей авторской и бардовской песни, автор трёх дискоальбомов. Он майор запаса, за участие в боевых действиях на территории Республики Афганистан награждён орденом Красной Звезды.

Так же как названные выше, третий раз участвовал в «Поющем августе» Александр Белоус (г. Славгород). Кстати, он сотрудник фирмы «Автоплюс» (г. Славгород) – изначального и постоянного финансового партнёра фестиваля.

Второй раз приняла участие в фестивале Ольга Диброва – преподаватель детской музыкальной школы г. Яровое.

А вот дебютанты «Поющего августа». Наталья Габова и Сергей Подзолков (г. Яровое), Вячеслав Кальницкий (г. Барнаул) – участник ряда краевых фестивалей авторской песни, автор книги стихотворений «Маленькие соседи» и дискоальбома песен на духовные стихи «Веточка с Афона».

Концертное выступление длилось в течение двух часов. Автор и ведущий

главной фестивальной программы Юрий Мороз дважды приглашал авторов-исполнителей на сцену – и каждый раз они исполняли по две песни. Кстати, впервые было сделано исключение из правил фестиваля для автора-исполнителя Сергея Гусева, буквально примчавшегося в г. Яровое из г. Томска, – ему предоставили право исполнить две свои песни.

А затем... Затем были бурные и продолжительные аплодисменты собравшихся в честь авторов «Поющего августа», которые дарили цветы выступившим авторам-исполнителям, а по ходу блицпродажи их книг и альбомов успевали взять автографы у авторов.

В самом финале главной фестивальной программы директор ДК «Строитель» Наталья Мусохранова каждому выступившему вручила памятные подарки, а сопредседатели оргкомитета Яков Гринемаер, Юрий Мороз и Валерий Тихонов – красочные памятные дипломы участников и книги известных поэтов и прозаиков Алтайского края.

Были ещё два спецприза: от фирмы «Автоплюс» – за профессионализм в песенном творчестве – Алексею Власову, а от редакций журнала «Барнаул» и литературного фонда «Август» Александру Белоусу – за проникновенный лиризм и яркий романтизм. И была фотография на память (см. стр. 151).

Вечером следующего дня (31 июля) делегация III Краевого фестиваля авторской песни «Поющий август» приняла участие в праздновании Дня города Яровое – авторы-исполнители Алексей Власов, Сергей Ядыкин и Вячеслав Кальницкий вместе с соведущими Валерием Тихоновым и Юрием Морозом выступили в Музее истории города Яровое (директор – Фаина Яруллина), а затем на Центральной площади Ярового.

Вечером 1 августа, также в рамках празднования Дня города, названная выше делегация «Поющего августа» и присоединившийся к ним Александр Белоус выступили в Центральном парке культуры и отдыха г. Яровое, после чего в Центральной городской библиотеке состоялось дружеское общение участников фестиваля с сотрудниками библиотеки и членами городского литературного клуба «Вдохновение» (руководитель – Вера Колесниченко): до полуночи обменивались впечатлениями и новостями, стихами и песнями, подарками и тостами – за город-курорт Яровое, за фестиваль «Поющий август», за дружбу и поэзию!..

2 августа участники фестиваля отбыли из Ярового – в Славгород, Барнаул, Смоленское, Тюменцево, Томск...

Текст – Светлана НОВИЧЕНКО.

Фото – Александр КРИВОНОЖКО.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА СВИНЦОВА

17 сентября в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая состоялась церемония награждения лауреатов второго краевого литературного конкурса имени Владимира Борисовича Свинцова.

В. Б. Свинцов – известный писатель и общественный деятель (18.08.1938–14.08.2008), член Союза писателей России и заслуженный работник культуры России; его проза публиковалась в краевой, региональной и центральной

периодике; он автор более 50 книг прозы, лауреат пяти краевых (в том числе имени В. М. Шукшина, 2003 г.) и трёх всероссийских литературных премий. В последние годы жизни он работал руководителем Алтайской краевой организации Союза писателей России (1996–2004 гг.), главным редактором литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул» (с 2000 года) и книжной серии «Городская библиотека», директором Фонда Творческих Инициатив (с 2005 года).

Ирина Свинцова и Владимир Песоцкий вручают награду Дмитрию Шарабарину.

С инициативой учреждения этой премии выступила его дочь – Ирина Свинцова, заместитель директора Фонда Творческих Инициатив, её поддержала Алтайская краевая организация Союза писателей России.

С приветственным словом к собравшимся обратился директор музея Игорь Коротков. Он отметил, что в музее на хранении находятся более 120 экспонатов, посвящённых памяти В. Б. Свинцова.

Открывая церемонию награждения, Ирина Свинцова поблагодарила членов жюри конкурса за работу, которая велась в течение шести месяцев, – Сергея Боженко, Алексея Власова, Николая Герцена, Ларису Зинченко, Сергея Ключникова, Игоря Короткова, Виктора Кулешова, Галину Колесникову, Владимира Коржова, Александра Карпова, Андрея Лушников, Ивана Мордовина и Валерия Тихонова.

В этом году к рассмотрению принимались не рукописи (как в прошлом году), а опубликованные в газетах, журналах, коллективных сборниках и изданные отдельными книгами рассказы, отвечающие

требованиям трёх номинаций конкурса. Из почти тридцати соискателей в число номинантов (так называемый шорт-лист) вошли 12 авторов, живущие в разных городах и районах Алтайского края.

На прошедшей церемонии этого звания – с вручением памятного Диплома, серебряного нагрудного знака с золотым барельефом В. Б. Свинцова и денежной составляющей (пять тысяч рублей) – были удостоены три прозаика (лучшие в трёх номинациях): член Союза писателей России Вячеслав Морозов (Московская область, г. Северный) – «Родина», член Союза писателей России Дмитрий Шарабарин (Алтайский край, г. Бийск) – «Братья», Пётр Горлатов (Алтайский край, р. ц. Тальменка) – «Детство».

Награды вручали Владимир Песоцкий – президент Демидовского фонда (Алтайский центр), Ирина Свинцова – председатель жюри конкурса, Валерий Тихонов – руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России и главный редактор журнала «Барнаул».

Среди выступавших была учитель русского языка и литературы барнауль-

ской школы № 24 Людмила Лычагина. Она рассказала собравшимся о том, что в их школе создаётся музей Памяти писателя Владимира Свинцова: «Он часто бывал у нас – выступал перед учащимися и педагогами. А ещё его сын и дочь учились в нашей школе...»

В концертной программе на церемонии выступили известные в Алтайском крае авторы-исполнители: Александр Карпов, Сергей Ядыкин, Вячеслав Кальницкий, Сергей Свиринов и Виктор Муравьев.

В заключительном слове Ирина Свинцова поблагодарила всех, кто чтит память её отца, выразила благодарность за информационную поддержку конкурса газете «Алтайская правда» и радиопрограмме «Перекрёсток» ГТРК «Алтай». Она передала в дар ГМИЛИКА большой графический портрет своего отца, выполненный в 2009 году школьницей из Рубцовска Юлией Дирша в рамках конкурса по творчеству В. Б. Свинцова (организатор и руководитель – учитель русского языка и литературы Татьяна Ларькина, г. Барнаул).

Награду получает Пётр Горлатов.

Следующий – третий – литературный конкурс имени В. Б. Свинцова будет объявлен в начале 2011 года. Кстати, жюри уже приняло решение сделать его открытым, чтобы в нём могли участвовать прозаики, живущие в России.

Мария ШУЛЕПОВА.

ТЁПЛАЯ АКВАРЕЛЬ ОСЕНИ И ЖИЗНИ

20 сентября в конференц-зале Дома писателя состоялся творческий вечер поэтессы Ольгой Такмаковой (г. Рубцовск) – она представила собравшимся свою новую книгу «Акварели», которая вышла в книжной серии «Городская библиотека» (типография ООО «Корvus», руководитель – А. Е. Людвинский).

Ольга Такмакова, пожалуй, ещё мало известна широкому кругу читателей, поскольку её стихи публиковались в основном в городской периодике и изредка в краевой. Уютный конференц-зал с трудом вместил всех любителей поэзии.

О творчестве молодой поэтессы, кстати, в недавнем прошлом возглавлявшей литературное объединение города Рубцовска «Старт» (публикация их коллективной подборки состоялась в № 3

журнала «Барнаул» за 2008 год), тепло говорили, отмечая самобытную образность и ясность её стихов, члены Союза писателей России: инициатор издания книги Галина Колесникова, редактор-составитель и автор предисловия к ней поэт и прозаик Владимир Коржов, поэт Иван Мордовин (руководитель краевой поэтической школы-студии «Обские волны»), прозаик Сергей Бузмаков и лауреат Малой Пушкинской премии этого года поэтесса Елена Рябова (руководитель краевого литобъединения «Спектр»).

Во время творческой встречи в выступлениях писателей и в выступлении Ольги Такмаковой прозвучало много стихов из её новой книги. Говорили и о современной литературной жизни края. А за окном пылала «осень золотая» – время поэзии и вдохновения:

Осень, осень золотая!
День прозрачен, воздух чист.
Я по осени шагаю,
Золотой кружится лист.

Под ногою ветка треснет,
Я дыханье загаю.
Осень, осень, ты – как песня!
Можно я тебя спою?

От таких стихов Ольги Такмаковой в зале было светло и тепло. Неспешно длилось душевное общение писателей с почитателями поэзии, среди которых и студенты филологического факультета Алтайской государственной педагогической академии.

Валерий ВЛАДИМИРОВ.

МЕРЗЛИКИНСКАЯ ОСЕНЬ В НОВОАЛТАЙСКЕ

18 августа этого года замечательному поэту Леониду Семёновичу Мерзликину (18.08.1935 – 5.09.1995) исполнилось бы 75 лет.

22-24 сентября в Барнауле и Новоалтайске одиннадцатый раз проходили традиционные краевые Мерзликинские чтения, посвящённые его светлой памяти, – шестой раз в статусе краевых.

Л. С. Мерзликин родился в с. Белоярск Первомайского района. Окончил культпросветшколу в с. Троицком, служил в армии, работал в Калманской районной газете... Первые стихи опубликованы в 1950 году в краевой молодёжной газете. В 1964 году он окончил Литературный институт им. Горького и тогда же в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», вышла его первая поэтическая книга «Купава» (1963). Затем в Алтайском книжном издательстве с 1965 по 1990 год вышли ещё 12 поэтических книг. После преждевременной смерти издано семь книг.

Он лауреат краевой премии имени В. М. Шукшина (1989 г.), муниципальной премии г. Барнаула (1995 г.) и Демидовского фонда в номинации «Литература» (1998 г., посмертно).

Торжественное открытие чтений состоялось в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). С приветственным словом к собравшимся обратился директор ГМИЛИКА Игорь Коротков. Он отметил, что стихи Леонида

Мерзликина по-прежнему востребованы, а экскурсии, посвящённые его жизни и творчеству, которые проводятся в музее, интересны большому кругу посетителей.

В своём выступлении заместитель главы администрации Новоалтайска Ирина Краснова, в частности, сказала: «В этом году в нашем городе прошли конкурсы юных чтецов и художников по творчеству Леонида Мерзликина. На муниципальных средства в литературном фонде «Август» издана книга его избранных стихотворений «Поклон» – это ещё один шаг в деле популяризации творчества нашего замечательного земляка».

С размышлениями о жизни и творчестве поэта выступили его друзья и коллеги: поэты Владимир Казаков и Сергей Климов, прозаики Станислав Вторушин и Сергей Бузмаков, художники Геннадий Бурков и Борис Лупачёв, скульптор Николай Звонков...

Главный редактор журнала «Барнаул» и литературного фонда «Август» Валерий Тихонов рассказал собравшимся о постоянном внимании Алтайской краевой организации Союза писателей России к поэтическому наследию Леонида Мерзликина – публикации статей о его творчестве и его стихотворений в газетах и журналах, включение в коллективные сборники и антологии, издания авторских книг, участие в организации и проведении ежегодных трёхдневных чтений, посвящённых его памяти: «Одиннадцать лет назад с инициативой проведения Мерзликинских чтений выступил из-

вестный писатель Владимир Свинцов. Изначально и постоянно, причём инициативно и активно, чтения поддерживает администрация Новоалтайска. Более того, она финансирует премию имени Леонида Мерзликина, а в прошлом году сделала всё, чтобы у Центральной городской библиотеки был установлен памятник ему (автор – Н. Звонков). В этом году ей присвоили имя поэта. Также администрация Новоалтайска в честь его 75-летия профинансировала издание книги избранных стихотворений – «Поклон».

Далее Валерий Тихонов рассказал собравшимся о поэтессе и культурологе Нине Ягодинцевой (г. Челябинск), выступившей редактором-составителем и автором предисловия «Поклона», и зачитал приветственную телефонограмму от неё. Об особенностях работы над этой книгой говорил редактор-рецензент и автор послесловия – известный поэт Сергей Ключников.

Открытие Мерзликинских чтений завершилось вручением памятных афиш о состоявшейся встрече и приглашением осмотреть выставку, посвящённую жизни и творчеству поэта Леонида Мерзликина.

Второй день чтений прошёл в городе Новоалтайске.

Здесь в библиотеке имени Л. С. Мерзликина многочисленных почитателей поэта приветствовал глава города Владимир Иванов. Он вручил вдове поэта – Тамаре Ивановне Мерзликиной – цветы и ценный подарок. Обращаясь к ней и к собравшимся, Владимир Иванов сказал: «Спасибо вам за дружбу и сотрудничество с нашими читателями. Заверяем вас, что в деле увековечивания памяти поэта Леонида Мерзликина наши ресурсы не исчерпаны. В наших планах – стабильное увеличение премии его имени, постоянная помощь чтениям и библиотеке его имени. Тираж книги его избранных стихотворений «Поклон» мы обязательно увеличим – допечатаем, с тем, чтобы она, рассказывая в том числе и о нашем славном городе, попала по возможности во все библиотеки Алтайского края».

Затем издатель и главный редактор литературного фонда «Август» Валерий Тихонов провёл для новоалтайских читателей презентацию книги «Поклон». Далее звучали стихи Леонида Мерзликина в исполнении участников библиотечного коллектива – театр книги «Купавы» – и песни на его стихи в исполнении ансамбля «Россияночка».

В финальной части программы председатель комитета по культуре г. Новоалтайска Любовь Березина провела торжественную церемонию награждения победителей конкурсов по творчеству Леонида Мерзликина, которые прошли в школах города. Юным чтецам и художникам были вручены не только Почётные грамоты и Благодарственные письма, но и книги поэта – «Дорога» и «Поклон», а также шоколадки и канцелярские принадлежности.

Далее делегация Алтайской краевой организации Союза писателей России и представители общественности Новоалтайска проехали до белоярского кладбища, где возложили цветы на могилу Л. С. Мерзликина.

В завершение второго дня чтений писатели побывали на экскурсии в Новоалтайском краеведческом музее имени В. Я. Марусина.

Третий день. В первой половине дня в библиотеке имени Л. С. Мерзликина состоялся «круглый стол» по творчеству поэта (ведущий – Сергей Бузмаков), а во второй половине дня большое литературно-музыкальное представление «Мерзликинская осень» в Доме культуры железнодорожников. В красочной программе приняли участие лучшие творческие коллективы Новоалтайска. Особенно ярко выступил ансамбль «Сольвейг»,

который исполнил песни на стихи Леонида Мерзликина (руководитель ансамбля и автор музыки – Валерий Денисов).

Кульминационным моментом представления была торжественная церемония вручения краевой премии имени Л. С. Мерзликина, которую провёл глава администрации Новоалтайска Александр Иванченко. Диплом и премию он вручил поэтессе Татьяне Баймундузовой (**см. фото на стр. 156**) – за книгу «Стихотворения», изданную в прошлом году в рамках краевого конкурса по изданию литературных произведений.

Мария ШУЛЕПОВА.

НАЙДЕН ГЕН ПОБЕДИТЕЛЯ!

3 ноября в зале Союза писателей России (Москва, пр. Комсомольский, 13) состоялось торжественное награждение победителей VI Международного детского и юношеского литературно-художественного конкурса «Гренадёры, вперед!»

Замечательный праздник творчества организован Всемирным Русским Собором, Союзом писателей России, Министерством образования и Министерством обороны России. Представители Алтайского края удостоены четырёх высших наград. Вот имена победителей: Королёва Аня, Кравцова Наташа, Стогова Лиля и Тарновецкая Антонина. Неудивительно, что все они из города Бийска, поскольку уже несколько лет подряд региональный этап возглавляет неутомимый подвижник и организатор конкурса Татьяна Ашмарина. В этом году центр регионального этапа международного творческого соревнования молодых талантов переехал в столицу Алтайского края, а все хлопоты по организации и проведению конкурса взяло на себя краевое автономное учреждение «Алтайский дом литераторов». Победители заслужили не только настоящие медали, но и подарки – им вручили по ноутбуку и целому рюкзаку разнообразных ценных призов. У ребят

была очень насыщенная культурная программа праздничных дней – с 3 по 5 ноября они побывали на Красной площади и в Кремле, в Оружейной палате и храме Христа Спасителя, на Бородинском поле (г. Можайск) и в Ферапонтовом монастыре, в галерее Ильи Глазунова, участвовали в ток-шоу с учениками элитной столичной гимназии № 1601 имени Кабалевского и встретились со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

В данном конкурсе участвовало более пяти тысяч детских творческих работ (и это уже отобранные – победители региональных этапов по шести номинациям!). Конкурс этого года проходил под девизом «Сейте разумное, доброе, вечное...» и был посвящён Году учителя в России. Выступая на подведении итогов, организатор конкурса и главный редактор журнала «О, Русская Земля!» Марина Ганичева отметила: «Вся Россия сегодня в этом зале...»

Юных победителей приветствовал военный оркестр и бравые гренадёры в старинных мундирах. Торжественное мероприятие началось с благословения настоятеля Санаксарского монастыря отца Вениамина.

Конкурсантов приветствовал председатель Правления Союза писателей России, заместитель главы Всемирного

Русского Народного Собора Валерий Ганичев. Он отметил, что такие конкурсы говорят людям о душе, о нравственности, о настоящих поступках. Перед церемонией награждения была зачитана приветственная телеграмма от министра культуры России, в которой было отмечено, что данное культурное событие работает на сохранение нравственных основ отечественной словесности.

Поздравить ребят пришли депутаты Государственной Думы, члены Союза писателей России, певцы, популярные артисты и известный российский учёный-океанолог, исследователь Арктики и Антарктики, Герой Советского Союза и России Артур Чилингаров.

Задуманную песню под гитару подарили зрителям знаменитые актёры Людмила Мальцева и Юрий Назаров. А когда на сцену вышла наша очаровательная землячка Аня Королёва и исполнила казачью песню, то сидевший в жюри легендарный киноактёр Михаил Ножкин вышел поддержать юную вокалистку. Под затаённое дыхание зала они допели песню слаженным дуэтом. После оваций Михаил Ножкин, расчувствовавшись, сказал, обращаясь к молодому поколению: «Вы вселяете в нас надежду одним лишь фактом своего существования! Ведь Россия – это не что-то абстрактное. Это мы с вами!»

Певица Татьяна Петрова, отметив огромное количество радости от конкурса и церемонии награждения, назвала всё действие праздником обрадования!

В заключительной речи главный куратор и организатор праздника Марина Ганичева сказала: «Наши дети убедили нас в том, что у них сохранился ген победителя, доставшийся им от дедов, победивших в страшной Второй мировой войне».

Вот что рассказала наша землячка Аня Королёва: «В конкурсе столь высокого уровня я участвую впервые. Идею подала Татьяна Анатольевна Ашмарина. Моя работа «Учитель музыки» рассказывает о замечательном педагоге, работающем в ДШИ № 4, Фаине Геннадьевне Морозовой.

У неё я учусь вокалу и считаю, что она сама могла бы стать настоящей певицей, но посвятила свою жизнь детям. Такие конкурсы помогают нам проявить себя.

Лиля Стогова: «В конкурсе «Гренадёры, вперёд!» я участвую второй раз, но победила впервые. В номинации «Художественный образ» я представила триптих «Преподобный Макарий – апостол Алтая», выполненный гуашью. Я учусь в православной гимназии имени Иоанна Кронштадтского. Однажды к нам в класс пришла новенькая девочка, переехавшая из Горного Алтая, и рассказала, как там чтят Макария Алтайского – он был великим просветителем, обучал людей азбуке и молитве. Я заинтересовалась его деятельностью, нашла литературу о Преподобном. Во время работы над картинами старалась, чтобы портрет был похож на иконописные образы святого.

Наташа Кравцова: «О конкурсе я узнала от воспитательницы нашего детского дома, которая предложила мне поучаствовать в нём. Я написала работу «Наш папа» – о Николае Евгеньевиче Кузнецове, 40 лет проработавшем воспитателем в нашем детском доме. Он и его воспитанники создали в МОУ «СОШ № 41 города Бийска» музей 15-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Для сбора материала Николай Евгеньевич вместе с учениками выезжал в Белоруссию на места боёв Великой Отечественной войны. Его все в нашем детском доме, от самых маленьких до директора, называют «наш папа». Я хочу, чтобы люди узнали об этом замечательном, добром человеке. Конкурс «Гренадёры, вперёд!» дал мне такую возможность. Это моя первая в жизни поездка так далеко – в Москву! Теперь у меня есть друзья в Украине, Белоруссии, Мордовии. Конкурс собирает творческих людей вместе. Мы подружались, и это здорово!»

Р. С. Список работ победителей международного конкурса «Гренадёры, вперёд!» выставлен на сайте «Ассамблея детских писателей».

Нина НАГАЕВА.

II КРАЕВЫЕ БАШУНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

18 ноября в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтай (ГМИЛИКА) и в краевой молодёжной библиотеке имени Владимира Мефодьевича Башунова собирались его читатели.

Творчество поэта высоко ценили Виктор Астафьев, Геннадий Иванов, Валентин Курбатов и другие известные писатели. Его стихи публиковались в журналах и альманахах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Сибирские огни», «День поэзии», в периодике Венгрии, Болгарии, Чехословакии, они переведены на украинский, алтайский и казахский языки. Тонкий лирик, автор десятка поэтических сборников и трёх книг для детей, вышедших в издательствах Барнаула и Москвы, ушёл из жизни в феврале 2005 года.

Главным событием нынешних Башуновских чтений – их под эгидой краевого управления по культуре и архивному делу организовали и провели краевое автономное учреждение «Алтайский дом литераторов», ГМИЛИКА и краевая молодёжная библиотека имени В. М. Башунова – стала презентация книги воспоминаний о поэте «Отблеск твой мою память колышет», редактор-составитель – Сергей Бузмаков (ОАО «Алтайский дом печати», генеральный директор – Николай Герцен). В 180-страничном издании своими воспоминаниями поделились 20 близких поэту людей – писатели, литературные ученики, учёные. В книгу вошли ранее не издававшаяся переписка Владимира Башунова и Валентина Курбатова и фотографии из семейного архива.

Среди выступивших на литературном празднике в ГМИЛИКА были референт главы администрации Алтайского края Надежда Ремнёва, заместитель начальника управления по культуре и архивному Елена Безрукова, заместитель начальника краевого УФСБ Владимир Тарасов, друг семьи Галина Качакаева, поэты Сергей Филатов, Александр Зуев, Татьяна Кузнецова и директор ГМИЛИКА Игорь Коротков. Сказать своё слово о таланте Башунова в этот день желали многие из собравшихся в Белом зале музея. Прозвучал живой голос поэта – из архива программы краевого радио «Литература и жизнь» (автор – Сергей Бузмаков), а также песни на стихи Владимира Башунова «Белый вальс» и «В полутона уходит лето» в исполнении студентов Алтайской государственной педагогической академии. Вдова поэта Анна Дмитриевна Башунова поблагодарила организаторов, участников и гостей литературного праздника за память о поэте в сердцах и книге «Отблеск твой мою память колышет».

Во второй половине дня литературные чтения переместились в библиотеку имени В. М. Башунова. Здесь была представлена литературная программа «Владимир Башунов – детям», прозвучала композиция на стихи поэта, состоялось подведение итогов традиционного конкурса библиотеки, а затем учащиеся и педагоги барнаульских школ встретились с поэтом Сергеем Филатовым (г. Бийск).

Андрей ЛУШНИКОВ.

IX КРАЕВЫЕ ШУМИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

15 октября в р. ц. Павловск успешно прошли IX краевые литературные Шумиловские чтения, посвящённые светлой памяти писателя-фронтовика Ивана Леонтьевича Шумилова.

И. Л. Шумилов (5.10.1919-17.05.1981) – ветеран Великой Отечественной войны, возглавлявший на территории Бело-

русии партизанский отряд «Сибиряк», награждён орденом Красной Звезды и многими медалями. Он член Союза писателей СССР, автор семи прижизненных книг прозы, изданных в Алтайском книжном издательстве.

С детства он работал в колхозе – в деревне Ильинка Шелаболихинского

района, затем (после семи лет службы в армии) 14 лет учителем в школе и почти 20 лет в редакции Павловской районной газеты «Новая жизнь».

С 2002 года по инициативе и при участии Алтайской краевой организации Союза писателей России и при активной поддержке администрации Павловского района ежегодно проходят Шумиловские чтения, а с 2007 года вручается краевая литературная премия имени И. Л. Шумилова, которую финансирует администрация Павловского района.

В первой половине дня делегация писателей (в составе поэтов Галины Колесниковой, Владимира Казакова, Валерия Тихонова и прозаика Ивана Булаха) выступила в школе п. Комсомольского, передав в дар школьной библиотеке комплект

книг и номера журнала «Барнаул». Во второй половине дня делегацию принял заместитель главы Павловского района Пётр Солодовник. Затем было возложение цветов на могилу И. Л. Шумилова.

В 15 часов в школе искусств состоялся литературно-музыкальный концерт, в котором приняли участие лучшие творческие коллективы района. Здесь же прошла церемония вручения краевой премии имени И. Л. Шумилова – в этом году по представлению Совета Алтайской краевой организации Союза писателей России звания лауреата удостоен известный поэт Владимир Казаков за книгу стихотворений «Верховая дорога», изданную на средства краевого бюджета по результатам губернаторского конкурса на издание литературных произведений.

IV КРАЕВЫЕ ГУЩИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

21-22 октября в Алтайском крае проходили традиционные краевые чтения (2006-2010 гг.), посвящённые светлой памяти замечательного писателя Евгения Гущина (19.10.1936-05.06.2005) – члена Союза писателей России (с 1973 г.), автора 16 книг рассказов, повестей и романов, которые издавались в Барнауле, Новосибирске и Москве; лауреата премий: журнала «Наш современник» (1975 г.), Демидовского фонда (1993 г.), имени В. М. Шукшина (1991 г., 1995 г.), премии Алтайского края (1998 г.), имени Г. В. Егорова (2004 г.).

Евгений Геннадьевич Гущин родился в г. Керки Туркменской ССР, но своей родиной считал село Ая Алтайского района Алтайского края, где прошло его детство.

Он выпускник филологического факультета Алма-Атинского педагогического института и Высших литературных курсов Союза писателей СССР. Работал токарем, лесничим, журналистом, охотником-промысловиком, руководителем Алтайской краевой организации Союза писателей России, редактором отдела прозы журнала «Алтай».

Евгений Гущин – любимый писатель многих поколений читателей, своеобразными поэтическими для них звучат названия его произведений: «Правая сторона», «Храм спасения», «Облава», «По сходной цене», «Ведьмин круг», «Небесное создание»... Он был дружен с Виктором Астафьевым и Валентином Распутиным...

По его рассказам «Тень стрекозы» и «Красные лисы» Новосибирская студия кинохроники поставила игровые фильмы, которые успешно шли по телевидению.

В селе Ая на доме, в котором жил Евгений Гущин, установлена мемориальная доска, а в доме напротив размещаются клуб, библиотека и музей писателя. Автор музейного проекта – директор Алтайского районного краеведческого музея Пётр Тырышкин, друг Евгения Гущина, собирает фотоархив, личные вещи писателя, книги с его автографами, рукописи, письма. Есть среди экспонатов бюст Евгения Гущина работы известного скульптора Михаила Кульгачёва. Ежегодно десятки тысяч посетителей бывают в этом музее.

Первый день Гущинских чтений прошёл в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Директор ГМИЛИКА Игорь Коротков приветствовал собравшихся, представил им выставочную экспозицию о творческой биографии писателя и объявил IV Гущинские чтения открытыми.

Затем с воспоминаниями о Гущине и размышлениями о его творчестве выступили писатели Владимир Коржов – автор предисловия к книге Евгения Гущина «Небесное созданье», Станислав Вторушин – главный редактор журнала «Алтай», Сергей Боженко, Владимир Соколов и Сергей Бузмаков – члены краевой студии прозы, которую в своё время вёл Евгений Гущин; художник Борис Лупачёв – оформитель четырёх его книг; руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России и главный редактор журнала «Барнаул» Валерий Тихонов; пропагандист творчества Евгения Гущина Пётр Тырышкин и вдова писателя Елена Дмитриевна Гущина.

Во второй части программы собравшиеся посмотрели телефильм о жизни и творчестве Евгения Гущина (автор – Анатолий Корчуганов).

Второй день Гущинских чтений прошёл в Алтайском районе. В 11 часов в Центральной библиотеке р. ц. Алтайское выступили члены прибывшей делегации – Игорь Коротков, заместитель директора ГМИЛИКА Лариса Никитина,

Валерий Тихонов, Владимир Соколов, заместитель директора Фонда Творческих Инициатив Ирина Свинцова и Елена Гущина.

Затем церемонию награждения участников районного конкурса сочинений и рисунков по произведениям писателя-земляка провёл заместитель главы района Михаил Голубец. Более шестидесяти работ было представлено на этот конкурс. Победителям вручили памятные Дипломы и Благодарственные письма от главы Алтайского района Виктора Коршунова, а также поэтические и прозаические книги и номера журнал «Барнаул» от Алтайской краевой организации Союза писателей России.

Во второй половине дня делегация выехала в село Ая, где в средней школе для них были устроены близэкскурсии по музейным павильонам и музыкальный концерт в актовом зале. Гости ответили выступлением с воспоминаниями и размышлениями о жизни и творчестве Евгения Гущина, передали в дар комплект своих изданий для школьной библиотеки.

Заключительный аккорд чтений – посещение музея писателя Евгения Гущина и передача в его фонд книжно-журнальных изданий, общение с директором музея Любовью Швецовою и с главой села Ая Василием Плотниковым.

В следующем году V краевые Гущинские чтения будут посвящены 75-летию писателя Евгения Гущина.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

5-6 ноября в г. Ханты-Мансийске Ассоциация писателей Урала, Сибири и Поволжья провела XI конференцию. Руководители более 20 региональных писательских организаций страны встретились в столице Ханты-Мансийского округа, чтобы обсудить вопросы о современном состоянии дел в литературе.

В работе конференции принимал участие руководитель Алтайской

краевой организации Союза писателей России, главный редактор журнала «Барнаул» поэт Валерий Тихонов.

Двухдневная программа конференции состояла из мастер-классов для пишущей молодёжи, творческих встреч с учащимися и преподавателями учебных заведений, с читателями и сотрудниками библиотек Ханты-Мансийска, пресс-конференций в Государствен-

ной библиотеке Югры, заседаний в конференц-залах здания Правительства и медицинской академии Югры, где шёл обмен мнениями и обсуждались доклады на основные темы – «Современное состояние патриотической литературы в России и её региональный аспект», «Русская сибирская литература: история, сущность, проблемы». В финальной части конференции прошла торжественная церемония награждения всероссийской литературной премией имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Один из её нынешних лауреатов наш земляк – писатель Александр Родионов.

Координатор Ассоциации – сопредседатель Правления Союза писателей России поэт и прозаик Александр Кердан – в своём докладе отметил: «Сегодня мы творим и живём не в самых благоприятных условиях: диктат рынка оказался жёстче и губительнее для творческих людей, чем идеологические ограничения прошлого. И всё же нельзя не заметить, что вопреки трудностям усиливаются объединительные тенденции в писательской среде, создаются новые талантливые произведения, а в органах власти зреет понимание «силового поля» русской литературы, её возможностей в деле сохранения исторической правды и национальных традиций, воспитания молодёжи».

Выступая перед участниками конференции, Валерий Тихонов рассказал об инициативной, активной и результативной деятельности Алтайской краевой организации Союза писателей России: издаются два литературно-художественных журнала – «Алтай» (с 1947 г.) и «Барнаул» (с 1993 г.), книжные серии литературного фонда

«Август» (с 1992 г.) и «Городской библиотеки» (с 2005 г.), 16 литературных чтений в год проходят ежегодно в городах и районах Алтайского края (Рождественские, Егоровские, Соболевские, Чебаевские и др.), ежегодно присуждаются 10 краевых литературных премий (имени Г. Панова, Л. Мерзликина, Н. Черкасова, И. Шумилова и др.), проводятся ежегодные фестивали и конкурсы («Золотой переплёт», «Весне навстречу», имени В. Свинцова, новогодних рассказов и стихотворений и др.), идёт работа литературных студий и клубов в Доме писателя, где также устраиваются встречи писателей с читателями, презентации их книг и др.

Общение участников конференции состояло из обмена проектами, опытом, изданиями (книги, журналы, газеты), адресами интернет-сайтов и т. д.

Стоит отметить, что в числе участников конференции были первый секретарь Правления Союза писателей России, член жюри премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка прозаик Николай Иванов; секретарь Правления Союза России поэт Валентин Сорокин; заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев; критик, доктор филологических наук, профессор Уральского госуниверситета Леонид Быков и др.

XII конференция Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья пройдёт в г. Магнитогорске в 2012 году. Осталось добавить, что члены Ассоциации планируют изыскать возможность для приезда к нам – всем очень хочется принять участие в Шукшинских днях в Алтайском крае.

ЮБИЛЕЙ МУЗЕЯ «АЛТАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ»

19 ноября в средней школе № 2 города-курорта Белокуриха при поддержке городской администрации прошли десятые краевые чтения «Алтай литературный». Традиционно участие в них приняли делегации Ал-

тайской краевой организации Союза писателей России и литературных объединений Бийска, сёл Смоленское и Сростки... Накануне вечером поэты Владимир Казаков, Валерий Тихонов, Сергей Ключников, Юлия

Нифонтова, Наталья Николенкова и Александр Рудыка выступили перед отдыхающими в санаториях «Алтай-West» и «Белокуриха».

Главный день чтений – это выступления в «Литературных гостиных» (в классах с учениками и учителями общались поэты и прозаики, передавая при этом в фонды библиотеки школы и музея «Алтай литературный» свои новые книги, номера журнала «Барнаул»*, буклеты и альбомы) и двухчасовое литературно-музыкальное представление, посвящённое юбилею музея и чтений «Алтай литературный», которое прошло в актовом зале школы: произносились приветственные и поздравительные речи, вручались памятные подарки и Благодарственные письма, звучали стихи и песни!..

Устраивать общение и выступления литературно-просветительской направленности не только один раз в году, а в

течение года: экскурсии для учащихся, отдыхающих и гостей Белокурихи – вот фронт работы небольшого коллектива музея «Алтай литературный» (директор – Людмила Смолякова, куратор – Людмила Тырышкина, сотрудники – учителя и ученики старших классов).

Чтения «Алтай литературный» находятся в ряду традиционных краевых литературных чтений, укрепляющих культурную жизнь городов и районов Алтайского края, – Шукшинских, Пушкинских, Мерзликинских, Соболевских, Пановских, Черкасовских, Егоровских, Гущинских, Шумиловских, Рождественских, Чебаевских, Башуновских, Пантюховских...

Дорогие друзья, будете в Алтайском крае – заезжайте-приезжайте в город-курорт Белокуриху, а заехав-приехав сюда, побывайте в школе № 2, где гостям всегда рады, а уж посетителям музея «Алтай литературный» – особенно!

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА ГЕОРГИЯ ЕГОРОВА

3 декабря в Тюменцевском районе Алтайского края прошли IX краевые Егоровские чтения, посвящённые памяти известного писателя Георгия Васильевича Егорова (28.12.1923 – 28.02.1992 гг.) – ветерана Великой Отечественной войны, автора многократно переиздаваемых книг (романы, повести, рассказы, очерки) «Солона

ты, земля!», «Крушение Рогова», «Книга о разведчиках», «Люди знают всё», «Говорят живые и мёртвые», «Колчак Александр Васильевич. Последние дни жизни».

В половине седьмого делегация Алтайской краевой организации Союза писателей России (Валерий Тихонов, Анатолий Кирилин, Сергей Ключников, Владимир Коржов и Андрей Лушников) выехала из Барнаула. По доброй традиции в составе делегации и в этом году старший сын Г. В. Егорова – журналист Юрий Егоров, директор Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая Игорь Коротков и его заместитель Лариса Никитина.

В первой половине дня у районной библиотеки имени Г. В. Егорова прошёл небольшой митинг с возложением цветов к Памятной доске, установленной в честь писателя. Далее прошли выступления членов делегации в средних школах сёл

---

* Делегация Алтайской краевой организации Союза писателей России в своих выступлениях (их по ходу визита было пять) делала акцент на два издания, посвящённые 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, – на первый номер литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул» и на поэтическую антологию «Обратный отсчёт». Кстати, до мероприятий чтений «Алтай литературный» данные издания были презентованы на двенадцати встречах с читателями в Барнауле, Бийске, Смоленском, Сростках, Калманке, Новоалтайске...

Участники IX Егоровских чтений. Слева направо: в верхнем ряду – Валерий Тихонов, Сергей Ключников, Андрей Лушников, Тамара Землянухина, Владимир Коржов, Анатолий Кирилин, Игорь Коротков; в нижнем ряду – Людмила Бырдина, Лидия Ключко, Юрий Егоров, Алексей Власов, Галина Базнер, Лариса Никитина.

Юдиха, Грязново и в районном историко-краеведческом музее. По ходу встреч гости дарили в книжные фонды школ и музея номера журнала «Барнаул», книги литературного фонда «Август» и книжной серии «Городская библиотека».

Во второй половине дня участники Егоровских чтений выехали в село Вылково, где с 14 до 16 часов в актовом зале средней школы (директор – Лидия Ключко) шёл большой литературно-музыкальный Вечер «Я – частица Алтая, я – частица России», посвящённый жизни и творчеству Г. В. Егорова. Его первая часть – это концерт с участием творческих коллективов района и просмотр фрагментов телефильма Анатолия Корчуганова о жизни и творчестве писателя-фронтовика. Во второй – литературной – части выступили члены официальной делегации. Писатели, размышляя о жизни и творчестве Георгия Егорова, определились с основными ключевыми словами, определяющими суть его таланта и гражданской позиции: **мужество** на фронте и в мирной жизни, журналистский и писательский опыт, житейская **скромность**, **настойчивость** в достижении цели.

Валерий Тихонов, ведущий этого литературного блока, поблагодарил за инициативность, активность и результативность работы при подготовке и проведении ежегодных Егоровских чтений комитеты администрации Тюменцевского района по культуре (председатель – Людмила Бырдина) и образованию (председатель – Тамара Землянухина), редакцию районной газеты «Вперёд» (редактор – Владимир Панкратов) и коллективы районного историко-краеведческого музея (директор – Людмила Динер), районного Дома культуры (директор – Лариса Гилёва) и Центральной районной библиотеки имени Г. В. Егорова (директор – Галина Белая).

Третья часть вечера была посвящена творчеству нынешнего лауреата краевой премии имени Г. В. Егорова поэта и композитора Алексея Власова – в исполнении хора звучали его песни, чтецы читали его стихи.

Торжественную церемонию награждения провели заместитель главы Тюменцевского района Галина Базнер и руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России Валерий Тихонов. При-

няв диплом и денежную составляющую премии, Алексей Власов пообщался с собравшимися, исполнил несколько своих песен и стихотворений из книги «Песни судьбы», за которую он и удостоен премии. Примечательно, что Алексей Власов – из тех современных поэтов Алтайского края, в творчестве которых есть произведения, посвящённые Великой Отечественной войне. Он – один из авторов поэтической антологии «Обратный отсчёт», изданной в честь 65-летия Великой Победы.

В финале торжественного Вечера лауреат принимал поздравления и пожелания новых успехов в педагогическом труде (он третий десяток лет работает преподавателем в Тюменцевской школе искусств) и музыкально-поэтическом творчестве (он лауреат ряда краевых, региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей). И было фотографирование на память (см. фото на стр. 164).

*К 60-летию
Алтайской краевой организации
Союза писателей России*

РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА ПИСАТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

*Суть дела и правда жизни таковы,
что книга работает медленно,
но глубоко и долго.*

В. М. Шукшин

В 2007 году я был в составе делегации, участвующей в большом проекте «Дни культуры Алтайского края в Москве», посвящённом 70-летию Алтайского края. Сразу же скажу, наши ансамбли, хоры, музыканты, чтецы, хореографические коллективы, актёры были великолепны. Они по самому большому счёту, как говорится, держали залы. Москвичи были в искреннейшем восторге от их блистательных выступлений – рукоплескали им, а после представлений искали общения с ними... Это правда. Вот почему члены нашей делегации по праву гордились друг другом. Это замечательно.

Например, мы прониклись чувством гордости за Алтайский край на большом торжественном вечере «Алтай кинематографический», который успешно прошёл в кинотеатре «Художественный». Наш губернатор Александр Богданович Карлин, открывая этот вечер, размышлял о вкладе в российский и мировой кинематограф наших земляков: всех назвал по имени-

отчеству, перечисляя при этом их фильмы и роли... Да, он именно размышлял, стоя на сцене перед микрофоном, а не с листа читал. Затем на сцену со своими размышлениями об Алтайском крае и о кинематографе России выходили Алексей Ванин, Валерий Золотухин, Алексей Булдаков, Александр Панкратов-Чёрный, Владимир Хотиненко, а также Ренита Григорьева, Леонид Куравлёв и другие.

Мы прониклись чувством гордости за Алтайский край на выставке книг, которую в Государственном музее имени А. С. Пушкина представила Алтайская краевая универсальная научная библиотека имени В. Я. Шишкова. Назову имена наших писателей – поэтов, прозаиков, краеведов, драматургов, которые известны читающей России (конечно, именно читающей, какой же ещё?..), особенно в 60-70-80-е годы минувшего века (не надо забывать и об огромных тиражах их книг – десятки тысяч экземпляров!), книги которых были представлены на ней. Это родившиеся и состоявшиеся

на Алтае или жившие, приехавшие, но опять-таки состоявшиеся и ярко о себе заявившие на Алтае, т. е. имеющие к Алтаю самое непосредственное отношение: Иван Кущевский, Степан Гуляев, Александр Черкасов, Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Георгий Гребенщиков, Вячеслав Шишков, Илья Мухачёв, Афанасий Коптелов, Ефим Пермитин... Представьте себе, пожалуйста, такую выставку. А в книгах-то, в том числе и на Алтае изданных, всё больше про Алтай – произведения в стихах и прозе, в публицистических, литературоведческих, краеведческих и иных исследовательских работах.

На данной выставке представили и книги писателей, вошедших в литературу во второй половине XX века, их тоже знает читающая Россия: Николай Дворцов, Пётр Бородин, Георгий Егоров, Пётр Старцев, Марк Юдалевич, Елизар Мальцев, Иван Фролов, Лев Квин, Иван Кудинов, Владимир Свинцов, Станислав Яненко, Виктор Горн, Александр Родионов, Борис Капустин, Анатолий Кирилин, Юрий Козлов, Дмитрий Шарабарин, Георгий Рябченко, Игорь Пантюхов, Людмила Козлова, Виктор Сидоров, Владимир Сергеев, Василий Нечунаев, Владимир Казаков, Ольга Гришко, Станислав Вторушин... Да простят меня, как говорится, заинтересованные стороны, если я кого-то забыл упомянуть.

Я в той программе представил собравшимся поэзию Алтайского края... за пять-семь минут!.. Мне почти удалось это сделать, потому что я напрямую обращался к слушателям. Спрашиваю, например, знают ли они песни «Мгновения» («Не думай о секундах свысока...»), «За того парня», «Огромное небо» (и ещё пять-шесть песен назвал). «Знаем», – отвечают мне. А я говорю: «Это песни на стихи нашего земляка Роберта Рождественского». Многие приятно удивлены сим фактом его биографии. Я продолжаю: «Знаете

ли вы песни со словами «Грустит село по городу,/ Грустит село по городу/, А город по селу...» и «Ветка горного кедра будет пахнуть смолисто/ У меня в изголовье от тайги вдалеке...»? «Да, конечно, знаем», – дружно отвечают мне. И я, продолжая общение, говорю о том, что это песни нашего композитора Михаила Старикова на стихи наших поэтов – Николая Черкасова и Геннадия Панова. И вновь, как говорится, в зале приятное оживление, поскольку в своё время эти песни знала вся страна.

Я спрашивал, знают ли они творчество поэтов Ивана Жданова и Александра Ерёменко (кстати, по моему приглашению Александр Ерёменко присутствовал на данной выставке). «Да, конечно, знаем», – отвечают мне. Я вновь с гордостью сообщаю, что эти известные поэты – наши земляки. Разумеется, я не забыл вкратце рассказать о Владимире Башунове, Леониде Мерзликине, Вильяме Озолине и о других. Меня очень радовало узнавание собравшимися имён наших поэтов и их строк.

Начинаю «дожимать» собравшихся на открытии той выставки (среди них были известные писатели, представители Правления Союза писателей России и редакций всероссийских литературных изданий – «Литературная газета», «Наш современник» и «Российский писатель»), вкратце поведав (уже почти на грани похвальбы) о том, что кроме знаменитых Шукшинских чтений (проходили с 1976 года сначала в с. Сростки и г. Бийске, в дальнейшем – в городах и районах Алтайского края, а с 1999 года – в формате всероссийского фестиваля «Шукшинские дни в Алтайском крае») есть и другие чтения – Мерзликинские (Барнаул – Новоалтайск), Пановские (Ребрихинский район), Черкасовские (Калманский район), Егоровские (Тюменцевский район), Соболевские (Смоленский район), Гущинские (Алтайский район), Шумиловские (Павловский и Шелаболихинский

районы), Чебаевские (Тогульский район), «Алтай литературный» (г. Белокуриха), Рождественские (Косихинский район), Пантюховские (Барнаул)...

Далее я совсем уж вкратце назвал ряд имён современных наших писателей, сообщая об их достижениях – публикациях (в том числе и в центральной периодике), книгах, премиях (Владимир Свинцов, например, лауреат трёх всероссийских премий!): Сергей Филатов, Алексей Власов (как автор песен он лауреат ряда всероссийских и международных фестивалей и конкурсов!), Сергей Ключников, Владимир Коржов, Иван Мордовин, Сергей Боженко, Александр Пак, Елена Безрукова, Александр Зуев...

И вот нам – общественной Алтайской краевой писательской организации Союза писателей России – в апреле 2011 года исполнится 60 лет. Солидный юбилей!

Позвольте представить вам руководителей (официально – ответственные секретари) и годы их работы:

И. Е. Фролов – 1951-1953,
А. С. Тресков – 1953-1957,
М. И. Юдалевич – 1957-1963,
А. Г. Баздырев – 1967-1971,
Н. Г. Дворцов – 1967-1971,
И. П. Кудинов – 1971-1976,
Л. И. Квин – 1976-1982,
И. М. Пантюхов – 1982-1985,
Е. Г. Гушин – 1985-1986,
В. Ф. Горн – 1986-1988,
В. Б. Свинцов – 1988-1990, 1996-2004,
Ю. Я. Козлов – 1990-1996,
Г. Д. Колесникова – 2004-2009...

Кроме названных выше литературных чтений мы ежегодно проводим краевой фестиваль «Весне навстречу» (совместно с Алтайской государственной педагогической академией), краевой конкурс «Золотой переплёт» (в нём три номинации: «Лучший художник книги», «Лучший художник-дизайнер полиграфической продукции», «Меценат книги»), совместно с газетой «Вечерний

Барнаул» городской конкурс рождественских и новогодних стихотворений (ранее по этой же тематике в течение 10 лет проводили конкурс рассказов), совместно с Фондом Творческих Инициатив краевой литературный конкурс имени В. Б. Свинцова (с тремя номинациями – «Родина», «Детство», «Братья»), краевой фестиваль авторской песни «Поющий август» (г. Яровое)...

Здесь регулярно проходят и другие мероприятия: творческие и юбилейные вечера писателей и презентации их книг, конференции и «круглые столы»... Работают два краевых литературных клуба – «Литературное кафе» и «Беловодье», две краевые литературные школы-студии «Обские волны» – поэзии и прозы... Большинство мероприятий проходят в конференц-зале Дома писателя **(на фото)**. В этом зале мы за изданные книги вручаем писателям краевые премии, учреждённые нами совместно с солидными учреждениями и предприятиями: «Лучшая книга года» (Алтайсбербанк), «Певцу родного края» (Алтайкапиталбанк), имени В. В. Бианки (КГУП «Индустриальный»), имени А. С. Пушкина (Алтайское отделение КИРФ)... Другие премии вручаем там, где проходят чтения, перечисленные выше (в городах и районах): имени Г. П. Панова, Н. М. Черкасова, Г. В. Егорова, Л. С. Мерзликина, В. Б. Свинцова,

Стенд с книгами в Доме писателя

И. Л. Шумилова... Ежегодно в крае наши писатели проводят более 200 встреч с читателями. Мы участвуем в традиционных проектах: «День знаний», «День славянской письменности и культуры», «Месячник пожилого человека», «Музейная ночь», «Неделя детской книги»...

Мы издаём два литературно-художественных журнала – «Алтай» (с 1947 года) и «Барнаул» (с 1993 года), книжные серии – в литературном фонде «Август»

(с 1992 года) и «Городской библиотеке» (с 2006 года), а также отдельные книги, выпускаемые при финансовой поддержке администраций и наших партнёров.

Именно по этим мероприятиям и изданиям следует судить об уровне и объёме нашей литературно-просветительской деятельности государственного значения в течение 60 лет. На том стоим.

Пожелайте нам удач.

Валерий ТИХОНОВ.

